

Головоломка для дураков. Алый круг. Семеро с Голгофы
М.: АСТ, 2015

Содержание:

- Патрик Квентин. Головоломка для дураков (роман, перевод И. Моничева), стр. 5-238
- Джонатан Стагге. Алый круг (роман, перевод И. Моничева), стр. 239-468
- Энтони Баучер. Семеро с Голгофы (роман, перевод Н. Анастасьева), стр. 469-670

ПАТРИК - КВЕНТИН

ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ

ДЖОНАТАН - СТАГГЕ

АЛЫЙ КРУГ

ЭНТОНИ - БАУЧЕР

СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ

Издательство АСТ
Москва

© Patric Quentin, 1936

© Jonathan Stagge, 1936, 1943

© Anthony Boucher, 1937

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Патрик Квентин

Головоломка для дураков

Автор никогда не встречал никого из описанных в книге людей и не бывал ни в одном из упомянутых в ней учреждений и в тех местах, которые хотя бы отдаленно напоминали изображенные здесь, – хотя ему очень этого хотелось бы.

I

Ночью мне всегда становилось хуже. А в эту ночь меня впервые оставили без какого-либо одуряющего снадобья, помогавшего быстрее уснуть.

Морено, дежурный психиатр, окинул меня одним из типичных для него мрачных, раздраженных взглядов и сказал:

– А вам, мистер Дулут, пора бы уже снова зависеть только от себя. Слишком долго мы тут с вами нянчились.

Для начала я объяснил ему, в чем он неправ. Сообщил, что уж точно плачу в неделю достаточную сумму, чтобы покрыть расходы даже на тройную дозу снотворного. Потом я умолял его, спорил с ним и, наконец, уже вне себя от злости, обрушил на него весь запас ругательств, который только может скопиться у алкоголика, на три недели лишеного доступа к спиртному. Но Морено лишь пожал плечами и небрежно бросил в ответ:

– Ох уж эти пьянчуги! И зачем мы вообще с ними связываемся? От них сплошные неприятности.

Я снова принялся сквернословить, а потом подумал: «Какой в этом смысл?» Я же не решился бы признаться ему в том, почему мне на самом деле был так необходим дурман. Не мог рассказать, что мне просто страшно. Беспричинно и до ужаса страшно, как ребенку, которого собираются оставить одного в темной комнате.

Но, надо сказать, я почти два года до этого пил по восемь часов в день. Так подействовал на меня пожар в театре, унесший жизнь Магдален. Но ежедневная кварта алкоголя плохо сочетается с работой. В какие-то последние моменты просветления я начал понимать, что моих друзей уже утомила необходимость постоянно жалеть меня, а от заслуженной репутации самого молодого и талантливого театрального режиссера Нью-Йорка остались одни руины, и если продолжу в том же духе, мне скоро самому доведется опустить занавес после финальной сцены трагифарса собственной жизни.

Я, впрочем, не имел ничего против того, чтобы упиться до смерти. Более того, уже приготовился бодро и весело отправиться в ад. Но случилось нечто вроде чуда. В день публикации

«Убежища» Билла Сибрука¹ сразу тринадцать моих друзей подарили мне тринадцать одинаковых экземпляров этой книги. Намек оказался столь прозрачным, что даже я не смог его игнорировать. Бегло прочитав книгу, я подумал, что пребывание в психушке имеет своеобразные положительные стороны. И под влиянием минутного импульса сделал широкий жест: избавил Бродвей от надоевшего всем пьяницы и отдал себя в полную власть милейшего и очень известного доктора Ленца, чье заведение носило сдержанное наименование лечебницы.

На самом же деле это оказалось вовсе не лечебницей, а дорогим сумасшедшим домом для тех, кто, подобно мне, потерял контроль над собой.

Доктор Ленц предстал в моих глазах современным Психиатром с большой буквы. После краткого периода постепенного сокращения доз алкоголя мне пришлось провести три недели вообще на трезвую голову, превратив в ад свое существование и устроив его для тех бедолаг, которых приставили ухаживать за мной. Гидротерапию, занятия гимнастикой и солнечные ванны я чередовал с безуспешными попытками врезать по морде кому-нибудь из мужчин-санитаров и ухаживать за хорошенькими медсестрами. То есть я представлял собой одну из наихудших разновидностей алкоголика на излечении, но тем не менее добился некоторого прогресса.

По крайней мере именно об этом мне заявила в тот день самая красивая из дневных дежурных медсестер мисс Браш. Как я догадывался, последствием ее слов и стало лишение меня снотворных порошков. Все, что мне необходимо сейчас, сказала она, так это воля к полному выздоровлению.

И еще долго после ухода доктора Морено я лежал в постели, дрожа от чувства тревоги и размышляя, сколько времени понадобится, пока у меня появится хоть какая-то сила воли.

Не знаю, у всех ли бывших пьяниц симптомы одинаковы, но лично я без стимуляторов или же, наоборот, успокоительных медикаментов ощущал настоящий страх. Нет, мне не мерещились розовые крысы или пурпурные слоны. Это был самый примитивный страх человека, брошенного наедине с темнотой, жгучее желание, чтобы кто-нибудь взял меня за руку и держал, приговаривая: «Все хорошо, Питер. Я здесь, с тобой. Все хорошо».

Конечно, я мог бы убедить себя, что нет ни малейших реальных причин бояться чего-либо. Я хорошо знал всех психов, которые меня окружали. Все они были совершенно безвредны и, вероятно, менее опасны, чем я сам. Моя комната, палата или камера – называйте, как будет угодно, – представляла собой весьма комфортабельное помещение, а дверь оставили открытой. Миссис Фогарти, ночная дежурная медсестра, в чертах лица которой проступало что-то лошадиное, находилась в своем алькове в конце коридора. Стоило только связаться с ней по внутреннему телефону, и она примчалась бы на мой зов, как легендарная Флоренс Найтингейл.

Но я не мог заставить себя снять трубку и позвонить. Стыдно было рассказывать ей, как пугает меня смутная тень от крана над раковиной умывальника, падавшая на белую стену, что моей силы воли хватало лишь на то, чтобы не позволять себе смотреть в тот угол палаты. И, уж конечно, я не стал бы делиться с ней ощущением, как ужасающее воспоминание о Магдален, сгоревшей заживо буквально у меня на глазах, постоянно всплывает в моем сознании повторяющимся и нескончаемым кошмаром. И я ворочался на узкой кровати, покрытой стерильно чистым постельным бельем, отворачиваясь лицом к успокаивающей темноте внутренней стены. Я бы все отдал за сигарету, но нам не разрешали курить в постели, да и спичек на всякий случай тоже не доверяли. Было очень тихо. Иногда по ночам старик Лариби в соседней палате начинал во сне по памяти бормотать прошлогодние котировки акций на бирже. Но сейчас и он молчал.

Спокойно, одиноко, ни звука...

Я лежал, напрягая слух в тишине, когда до меня донесся голос. Он раздавался откуда-то издали, но очень четко.

– Тебе надо уезжать отсюда, Питер Дулут. Уезжать немедленно.

Я лежал совершенно неподвижно, парализованный паникой, оказавшейся гораздо хуже моих привычных страхов. Складывалось впечатление, что голос долетал через окно. Но в тот момент я

---

¹ Сибрук Уильям (1884–1945) – журналист, путешественник, сторонник оккультизма, идеолог американского «потерянного поколения». Выпустил книгу после того, как добровольно согласился на лечение в психиатрической клинике. – *Здесь и далее примеч. пер.*

даже думать не мог ни о чем подобном. С тошнотворной ясностью я вдруг понял главное, и оно заключалось в том, что голос, который я слышал так отчетливо, принадлежал мне самому. Вслушавшись, я уловил его снова. Мой собственный голос, шептавший:

– Тебе надо уезжать отсюда, Питер Дулут. Уезжать немедленно.

Я был готов признать, что сошел с ума. Разговаривал сам с собой, но при этом не чувствовал, чтобы губы шевелились. У меня вообще не возникло ощущения, что я разговариваю. Резким и отчаянным движением я поднял трясущуюся руку ко рту и плотно прижал к губам. По крайней мере так я мог себя остановить. Заставить утихнуть этот негромкий, но такой жуткий звук.

Но затем голос – все тот же мой голос – вернулся.

– Тебе нужно уезжать, Питер Дулут.

А потом наступило молчание, зловещая и долгая тишина, прежде чем была произнесена следующая фраза – спокойно и как бы доверительно:

– Здесь произойдет убийство.

Едва ли я запомнил, что произошло сразу после этого. У меня осталось лишь смутное воспоминание о том, как я выскочил из постели и, словно одержимый, бросился бежать вдоль длинного, светлого коридора. Каким-то чудом я не натолкнулся на миссис Фогарти, ночную дежурную. Но с ней мы разминулись.

Наконец я достиг двери из небьющегося стекла, которая вела из мужского отделения в соседнее. Распахнув ее, я побежал дальше босиком и в ночной пижаме только с одной мыслью – убраться подальше от своей комнаты, избавиться от эхом повторявшегося в ушах голоса.

Я оказался в той части здания, где никогда не бывал прежде, когда услышал за спиной шаги. Оглянувшись через плечо, я увидел Уоррена, нашего ночного санитаря, несущегося вслед за мной. При виде этого человека у меня сразу прояснилось в голове, его появление придало мне ловкости и хитрости отчаявшегося. Прежде чем он настиг меня, я повернулся и кинулся вверх по лестнице.

Достигнув верхней площадки, я лишь мгновение стоял в нерешительности, а потом открыл первую попавшуюся дверь и захлопнул ее за собой. Не имея понятия, куда меня занесло, я все же испытывал безумное чувство триумфа и, склонившись, принялся искать в замке ключ. Я мог запереть дверь и не дать Уоррену проникнуть ко мне. Никто, никто больше не сможет заставить меня вернуться в свою палату.

Пока мои пальцы бесцельно шарили вокруг замочной скважины, дверь распахнулась, и я почувствовал себя сжатым подобием стального обруча. Было темно, и я не мог разглядеть Уоррена, но тем не менее боролся, царапался и выкрикивал в его адрес самые отборные ругательства. С таким же успехом я мог бы пытаться остановить бульдозер. Уоррен – невысокий и щуплый на вид – обладал чудовищной силой. Он просто сунул мою голову себе под мышку, а свободной рукой отбивался от моих неуклюжих ударов.

Мы все еще держали друг друга в подобии любовных объятий, когда в комнате внезапно зажегся свет и донесся совершенно хладнокровный женский голос:

– Все в порядке, Уоррен. Нет нужды быть с ним особенно грубым.

– Но он как с цепи сорвался, мисс Браш. – Рука Уоррена крепче стиснула мою шею, больно прижав уши.

– С ним ничего не случится. Дайте мне во всем разобраться.

Я почувствовал, как меня неохотно и очень медленно отпустили. Щурясь от яркого света, я оглядел комнату. Она оказалась спальней. Лампа под абажуром горела на прикроватном столике, а Изабелла Браш, наша дневная старшая медсестра, в шелковой пижаме спокойно приближалась ко мне.

Почти все мои страхи улетучились, стоило увидеть ее. Так бывало всегда. В легкой пижаме, со светлыми локонами, обрамлявшими лицо, она выглядела, как чрезвычайно здоровый ангел. Я бы уподобил ее капитану небесной женской команды по хоккею на траве.

– Стало быть, вы решили посетить меня, мистер Дулут, – сказала она, просияв улыбкой. – Но вам, знаете ли, не следовало этого делать. Запрещено внутренним распорядком.

Я знал, что она пытается утихомирить и задобрить меня, считая ненормальным, но мне было плевать. Я хотел, чтобы меня задабривали. Мне остро требовалось нечто вроде материнской ласки.

Я понурил голову произнес:

– Мне надо было вырваться куда-то, мисс Браш. Я не мог оставаться в своей комнате, слушая, как мой собственный голос говорит об убийстве.

Мисс Браш пристально посмотрела на меня глазами насыщенно голубого цвета. тикер

– Почему бы вам не рассказать мне, что случилось?

Уоррен продолжал торчать у двери, все еще настороже. Но мисс Браш отпустила его уверенным кивком головы и села за туалетный столик. И прежде чем сообразить, что делаю, я уже опустился на пол рядом, положив голову ей на колени, словно был пятилетним малышом, а не взрослым мужчиной, которому уже перевалило за тридцать. Я промямлил ей свою историю, а она сопровождала ее утешительными и невозмутимыми комментариями, поглаживая мне волосы пальцами, которыми наверняка способна была уложить меня одним приемом джиу-джитсу, вздумай я совершить что-то не то.

Постепенно я ощутил, как поддаюсь восхитительному чувству тепла и комфорта. Я и не подозревал о присутствии в комнате доктора Морено, пока не услышал его резкий голос:

– Ну, знаете, мисс Браш!

Пальцы замерли в моих волосах. Я поднял взгляд и увидел Морено в халате поверх пижамы. Он уже явно какое-то время находился на сцене. Впрочем, в нем всегда было что-то от молодого и красивого доктора из пьесы, который в третьем акте отказывается от своей любви к главной героине во имя служения Человечеству. Но сейчас он скорее напоминал типичного театрального злодея. В его черных испанских глазах сверкали эмоции, суть которых я в своем нынешнем растерянном состоянии не мог понять.

– В этом нет никакой необходимости, мисс Браш. Подобный подход в корне неверен. А с психиатрической точки зрения весьма плох.

Мисс Браш ответила ему величавой улыбкой:

– Но мистер Дулут был сильно напуган.

– Напуган! – Морено пересек комнату и рывком заставил меня подняться на ноги. – Мистер Дулут мог бы проявить хотя бы немного здравого смысла. С ним все в полном порядке. Видит бог, у нас достаточно хлопот с настоящими больными, чтобы отвлекаться на подобные спектакли.

Я понимал, какая мысль первой пришла ему в голову. Он решил, что я разыграл испуг в надежде все-таки получить дозу снотворного. Знал я и то, что он вообще не одобряет согласия доктора Ленца принимать на лечение алкоголиков, считая, что на нас понапрасну растрачивают усилия опытные психиатры, а мы только создаем излишние проблемы. Мне неожиданно стало стыдно. По всей вероятности, я не дал ему выспаться, в чем он остро нуждался.

– Идемте, мистер Дулут, – произнес он с прежней резкостью. – Уоррен препроводит вас в палату. Даже не представляю, как вам удалось так далеко убежать.

Как только он упомянул о возвращении, мною снова овладела паника. Я пытался сопротивляться, в результате чего снова оказался в железных лапах Уоррена. Когда тонкие пальцы санитары клещами впилась мне в кисти рук, мисс Браш отвела Морено чуть в сторону и сказала что-то, чего я не смог расслышать. Выражение его глаз мгновенно изменилось. Он подошел ко мне и уже совершенно ровным тоном сообщил:

– Мне нужно отвести вас к доктору Ленцу сейчас же, мистер Дулут.

Я с сомнением покосился на мисс Браш, но она сказала с мягкой настойчивостью:

– Разумеется, вам пойдет на пользу встреча с доктором Ленцем, не правда ли?

Она сняла с постели одеяло и накинула мне на плечи. Затем нашла шерстяные домашние тапочки, которые, как ни странно, пришлись мне впору.

И не успел я даже высказать своего отношения к происходящему, как меня бесцеремонно вытолкали в коридор.

II

Я заметил, что большие часы на каминной полке показывали половину второго ночи, когда Морено и Уоррен привели меня в кабинет директора.

В своей собственной лечебнице доктор Ленц уподоблялся Господу Богу. Перед пациентами показывался редко, и каждое его появление обставлялось с большой пышностью и соответствующим антуражем. Это был мой первый неофициальный визит к нему, и в такой обстановке он тоже произвел на меня впечатление. Было действительно что-то несокрушимо божественное в этом крупном мужчине с решительно торчавшей вперед бородой и безмятежным взглядом серых глаз.

Будучи сам довольно известным театральным режиссером, я встречался со многими прославленными современниками. Доктор Ленц оказался одним из редких людей, чья претензия на известность выдерживала проверку при рассмотрении с близкой дистанции. Легкая надменность смягчалась живостью характера и кипучей энергией. Казалось, его заряда хватит, чтобы привести в движение всю подземку Нью-Йорка.

Он с мрачным видом выслушал доклад Морено о череде моих недавних проступков, а потом легким наклоном головы показал доктору, что тот свободен. Когда мы остались вдвоем, доктор Ленц некоторое время, прищурившись, разглядывал меня.

– Итак, мистер Дулут, – поинтересовался он с едва уловимым иностранным акцентом, – как вы считаете, пребывание в нашем учреждении способствует прогрессу в лечении?

Он обращался ко мне как к разумному человеческому существу, и я сразу почувствовал себя вполне нормальным. Рассказал ему, что периоды депрессии стали уже не столь частыми, а в физическом смысле я чувствовал себя как нельзя лучше.

– Но вот только мне по-прежнему иногда становится страшно одному в темноте. Сегодня, например, я вел себя, как полная размазня. И ничего не мог с этим поделать, как ни старался.

– На вашу долю выпали тяжелые испытания, мистер Дулут. Но теперь поводов для особой тревоги больше нет.

– И все же я готов поклясться, что слышал собственный голос. Слышал так же ясно, как слышу сейчас вас. Вам это не кажется более чем странным?

– Если вам показалось, что вы слышали нечто, – сказал доктор Ленц, внезапно меняя тон, – то, вполне возможно, вам было что слышать. Поверьте мне на слово, вы не в том состоянии, чтобы воображать подобные вещи.

Я мгновенно насторожился. Мне показалось, что он пытается утешить меня, пуская в ход чувство юмора, подобно многим своим сотрудникам. Хотя никакой уверенности в этом сейчас я не чувствовал.

– Вы имеете в виду, что за этим скрывается какое-то реальное явление? – спросил с некоторой подозрительностью.

– Да.

– Но говорю же вам: я был совершенно один. И голос принадлежал мне. Я слышал собственный голос.

На некоторое время доктор Ленц примолк. Легкая улыбка скрывалась в бороде, а большие пальцы рук машинально постукивали по поверхности стола.

– Честно говоря, меня не особенно беспокоит ваше состояние, мистер Дулут. Хронические алкоголики сродни поэтам. Ими рождаются, а не становятся. И они, как правило, психопаты. Вы же определенно не психопат. Вы начали сильно пить только потому, что неожиданно лишились всего, что составляло смысл вашего существования. Жена и театральная карьера в вашем сознании были неразделимы. После трагической гибели миссис Дулут вы потеряли интерес и к театру как таковому. Но он вернется. Это всего лишь вопрос времени. Быть может, даже всего нескольких дней. – Я никак не мог понять, к чему он клонит. Но он развил свою мысль, добавив: – Серьезность вашей личной проблемы заслонила от вас тот факт, что и у других людей тоже возникают сложности. Вы утратили связь с действительностью. – Он сделал паузу. – К примеру, я сам сейчас столкнулся с большой проблемой и хотел бы, чтобы вы мне помогли. Причем, весьма вероятно, что, оказывая помощь мне, вы в значительной степени поможете и себе.

Было до странности приятно чувствовать, что к тебе относятся не как к случаю из очередной истории болезни, который затем войдет в один из гнусных и наводящих тоску новых учебников психиатрии. Я плотнее закутался в одеяло мисс Браш и кивнул в знак готовности слушать дальше.

– Вы уверяете меня, что ранее этой ночью слышали собственный голос, – сказал Ленц тихо. – Разумеется, ваше несколько взвинченное состояние могло способствовать иллюзии и заставить

поверить в факт принадлежности голоса именно вам. Но мне кажется, что за пережитым вами опытом стояло нечто более осязаемое и определенное. Понимаете, это не первое вызывающее тревоги сообщение, которое я получаю за последнее время.

– Вы имеете в виду...

Серые глаза доктора Ленца сделались серьезными, как никогда прежде.

– Как вам известно, мистер Дулут, наше заведение не берет на содержание неизлечимо больных. Людей, лишившихся рассудка полностью и безвозвратно. Каждый, кто попадает к нам, страдает той или иной разновидностью нервного расстройства. Многие оказались на самом краю – им грозит реальная опасность утратить разум навсегда. Но я взял за правило отказываться брать на себя ответственность за безнадежные случаи. Если такое происходит здесь, мы неизменно советуем родственникам перевести пациентов в государственные психиатрические больницы. И вот, представьте, несколько необъяснимых мелких инцидентов подсказывают мне, что в данный момент в моей лечебнице находится человек, которому у нас уже не место.

Он подвинул в мою сторону портсигар, и я с большой охотой взял из него сигарету.

– Вы бы очень удивились, мистер Дулут, если бы знали, насколько тяжело бывает распознать человека, незаметно перешедшего границу полного безумия и грозящего нам неприятностями. Никакие психологические тесты, внешние осмотры и даже самое пристальное наблюдение за поведением не дают точного ответа на вопрос: как далеко зашла болезнь того или иного пациента?

– И все же у вас есть основания полагать, что один из ваших подопечных намеренно строит козни, подсказанные его больным рассудком?

– Да, такая вероятность существует. И вред, который может нанести подобный субъект, невозможно предсказать. Большинство наших пациентов составляют люди, у которых малейшее потрясение способно задержать выздоровление на многие месяцы, а то и вообще лишить кого-то из них шансов вернуться к нормальной жизни. Как театральный деятель вы наверняка часто поневоле сталкивались с чрезмерно чувствительными, ранимыми и темпераментными натурами и знаете, как любая мелочь может вывести их из равновесия.

Ему удалось не на шутку заинтересовать меня. Забыв, что и сам считаю себя не совсем душевно здоровым человеком, я с любопытством задавал вопросы. Доктор Ленц, в свою очередь, ничего не пытался от меня скрыть. Он вполне откровенно объяснил, что в данный момент не имеет возможностей и способов определить возмутителя спокойствия. Понятно было только одно: в его заведении действовал подрывной элемент, и доктора очень тревожил сей факт, как и влияние данного возмутителя спокойствия на других пациентов.

– На мне лежит громадная ответственность, – сказал он с чуть заметной улыбкой. – Естественно, для меня как для личности и как для психиатра самое главное заключается в том, чтобы мои пациенты прогрессировали в лечении. Но существуют и особые обстоятельства, которые все только усложняют. Взять, к примеру, герра Штрубеля. Он безусловно и справедливо почитается одним из величайших дирижеров нашего времени. Можно сказать, весь музыкальный мир с нетерпением ждет его выздоровления. А совет директоров Восточного симфонического оркестра даже пообещал внести в фонд нашей лечебницы десять тысяч долларов дотации в тот день, когда он покинет нас здоровым умственно и физически. Он демонстрировал все признаки прогресса, но в последнее время вдруг наступило явное ухудшение.

Доктор Ленц не поделился подробностями, но, как я заключил, знаменитый дирижер был кем-то напуган точно так же, как и я, когда меня повергли в страх этим вечером.

– Есть и другой случай, – в задумчивости продолжал доктор Ленц. – Еще более деликатный. Мистер Лариби, как вы знаете, очень богатый человек. На биржевых сделках он успел приобрести, потерять и снова приобрести огромные деньги. – Он провел рукой по бороде. – Так вот, мистер Лариби назначил свою дочь и вашего покорного слугу попечителями всего своего состояния. По нынешним условиям моей лечебнице достанется весьма крупная сумма в случае его кончины или объявления неизлечимым и недееспособным.

– Вы хотите сказать, что и он подвергся негативному воздействию?

– Нет. Пока нет... – Серые глаза пристально уставились на меня. – Но можете себе представить, как беспокоит меня вероятность, что он... э-э-э... тоже станет жертвой. На данный момент у него все складывается прекрасно. Но если он перенесет какой-либо серьезный шок, находясь под

моим присмотром, вы же понимаете, о чем подумают люди. Это превратится в настоящий скандал!

Он замолчал, и какое-то время ни один из нас не произносил ни слова. До этого момента я был слишком заинтригован, чтобы задуматься, зачем доктору Ленцу понадобилось доверять свои тревоги недолечившемуся пьянице. Но теперь начал догадываться о причинах и задал ему этот вопрос в лоб.

– Как я вам и сказал с самого начала, мистер Дулут, – ответил он очень серьезно, – мне очень нужна ваша помощь. Я, разумеется, полностью доверяю своим штатным сотрудникам, но в подобной ситуации от них не слишком много толку. Душевнобольные люди зачастую склонны к скрытности. Они не любят делиться с медицинским персоналом своими страхами. Особенно если полагают, что эти страхи проистекают из природы их заболевания. Но пациенты, не желающие полностью довериться врачам, могут раскрыться перед вами как перед товарищем по несчастью.

Мне уже давно никто не давал сколько-нибудь серьезных поручений. Когда я сообщил об этом доктору, тот снова чуть заметно улыбнулся.

– Я не случайно избрал для столь важной миссии именно вас, – сказал он. – Вы – один из немногих моих пациентов, кого в целом можно считать вполне умственно здоровым человеком. Как я и сказал, по моему мнению, вам необходимо лишь снова обрести интерес к жизни. И я подумал, что моя просьба может пробудить у вас подобие такого интереса.

Я тоже на какое-то время взял паузу, а потом спросил:

– Но голос вещал, что произойдет убийство. Разве вы не воспринимаете подобную угрозу всерьез?

– Вы, кажется, не совсем правильно меня поняли, мистер Дулут, – в интонации доктора Ленца пробежал чуть заметный холодок. – Я все воспринимаю всерьез, уверяю вас. Но это учреждение для душевнобольных. А в подобных заведениях нельзя принимать все, что видишь или слышишь, за чистую монету. То есть буквально.

Я не совсем уловил смысл его последней фразы, но доктор не оставил мне времени для дальнейших расспросов. Следующие несколько минут он провел, повышая мой жизненный тонус, как это умеют только очень дорогие психотерапевты. Потом нажал на кнопку звонка, чтобы попросить Уоррена отвести меня в палату.

Дождаясь прихода ночного санитаря, я случайно бросил взгляд на домашние тапочки, которыми снабдила меня мисс Браш. Я не заметил в них ничего необычного, если не считать того, что они были большого размера и явно мужские.

Я знал, что мисс Браш весьма энергичная и предусмотрительная сотрудница. Но ее профессионализм и дар предвидения не могли не поражать. Она даже держала у себя в спальне тапочки на случай, если к ней вдруг заявится босиком один из нервных пациентов мужского пола!

Мне хотелось обдумать этот феномен, но доктор Ленц заговорил снова:

– Ни о чем не тревожьтесь, мистер Дулут. И помните: если увидите или услышите что-то необычное, это будет нечто реальное. Факт, а не ваши фантазии. Не позволяйте никому убедить вас, что вы всего лишь страдаете галлюцинациями. Спокойной ночи.

III

Теперь я уже не имел ничего против возвращения в свою комнату в обществе Уоррена. Разумеется, будь я немного более или чуть менее умалишенным, то мог бы подумать, что доктор Ленц разыграл передо мной представление в терапевтических целях, а все его песни и пляски предназначались лишь для того, чтобы у меня появился интерес не только к себе самому. Но я так не думал. Его отношение к происходившему не стало мне до конца понятным, но я почувствовал его искреннюю веру в то, что в лечебнице творится странное. Что ж, занимательно. И, быть может, нарушит монотонность жизни в клинике.

Когда мы добрались до «Второго флигеля», как официально именовалось мужское отделение, Уоррен сдал меня с рук на руки мрачной ночной сиделке миссис Фогарти, которая, кстати, приходилась ему сестрой.

Если исключить божественную мисс Браш, весь персонал «Второго флигеля» состоял из членов одной семьи и, по слухам, семьи не особенно счастливой. Мы, пациенты, порой часами могли сладострастно обсуждать их сложные взаимоотношения, достойные пера Достоевского или Жюльена Грина.

Угловатая и нескладная миссис Фогарти была женой Джо Фогарти – нашего дневного санитаря, и, таким образом, намеренно или нет с их стороны, но работа практически не оставляла им возможности побыть вместе, будь то днем или ночью. Их союз, если таковой вообще существовал, можно было скорее отнести к разряду духовных. И миссис Фогарти, словно страдая всеми симптомами старой девы, уделяла большую часть своего угрюмого внимания брату.

Занятно, что она была настолько же непривлекательна, насколько мисс Браш – красива. Вероятно, здесь находила отражение теория, что пациенты с умственными расстройствами нуждались в стимуляции днем и в успокоении на ночь.

Миссис Фогарти приветствовала меня дежурной улыбкой и шелестом сильно накрахмаленных манжет. Страдая некоторым дефектом слуха, она выработала привычку и самой ничего не говорить, если смысл сообщения способны были передать жест или выражение лица. Кивок головой означал, что мне надлежало идти дальше по коридору в сторону своей палаты. Она последовала за мной.

Мы как раз подходили к отведенной мне комнате, когда за дверью моего соседа Лариби послышались шаркающие шаги. Нам пришлось задержаться, чтобы увидеть, как престарелый Лариби выбежал в коридор в серой шерстяной пижаме, забыв застегнуть ее на пуговицы. Его красное с синими прожилками лицо было искажено от страха. В глазах застыла та пустота безнадежности, которая за недели, проведенные в лечебнице, стала мне хорошо знакома. В растерянности он подошел к нам и вцепился трясущимися пальцами в длинную, широкую в кости руку миссис Фогарти.

– Прикажите им остановиться, – простонал он. – Я, как мог, пытался противиться. Старался не поднимать шума. Но их необходимо остановить.

На лошадином лице миссис Фогарти отобразилось профессионально отработанное выражение сочувствия и утешения, но затем, будто почувствовав, что в данной ситуации без слов не обойтись, она чисто автоматически произнесла:

– Все хорошо, мистер Лариби. Никто не причинит вам вреда.

– Но они должны остановиться... – Это был высокий и крупный старик, а потому так странно и даже страшно было видеть слезы, капающие у него из глаз, словно у малолетнего ребенка. – Прикажите им остановить тикер². Его данные сильно отстают от развития положения на рынке. Акции резко падают в цене. Разве вы не понимаете? Я разорен. Я потерял все. Тикер. Заставьте остановить его.

Ночная дежурная крепко взяла его за руки и ввела обратно в палату. Но и через стену до меня доносился его голос, теперь уже почти истеричный.

– Остановите потери по моему консолидированному фонду. Все падает... Падает.

Миссис Фогарти отозвалась хладнокровно и ободряюще:

– Ерунда, мистер Лариби. Акции повышаются в цене. Сейчас вы уснете, а завтра утром узнаете обо всем из газет.

Какое-то время спустя ей удалось успокоить его. Я услышал, как она затем проскрипела половицами мимо моей двери.

Да, та еще работенка, подумал я. Проводить ночи, присматривая за придурками.

Когда шаги миссис Фогарти затихли и в комнате наступила тишина, я обнаружил, что думаю о судьбе старика Лариби. Едва ли я мог испытывать симпатию к нему или прочим волшебникам с Уолл-стрит, которые в 1929 году наколдовали финансовый кризис, потеряв не только свои деньги, но и достаточно крупную сумму моих вложений. И все же это было жалкое зрелище: человек, у

---

² Тикер – биржевой аппарат, передававший котировки ценных бумаг.

которого за душой оставалось никак не меньше пары миллионов долларов, сходил с ума, считая себя банкротом.

Одновременно мне припомнились слова доктора Ленца, что Лариби шел на поправку и в его лечении наметился прогресс. Да еще утром удалось подслушать пару фраз, которыми перебросились мисс Браш и Морено. Они как раз беседовали об улучшении состояния Лариби. «Он уже несколько недель не слышал своего тикера, – сказала мисс Браш. – Похоже, чувство реальности возвращается к нему».

Он уже давно не слышал тикера! Почему же с ним сегодня случился рецидив? Не было ли это результатом того, что доктор Ленц определил как деятельность подрывного элемента?

Должно быть, миссис Фогарти дала Лариби успокоительное, потому что стонов и бормотаний из-за стены больше не доносилось. Снова воцарилась тишина, та полнейшая тишина, которая так напугала меня прежде этим вечером, но почему-то сейчас уже не внушала страха. Я вслушивался в нее, не ожидая ничего услышать. А затем, второй раз за ночь, мне пришлось пережить глубочайший шок. Но только на этот раз меня заинтересовали причины шока. Я вовсе не был повергнут в ужас, заставивший меня прежде трусить, как пятилетнего малыша.

Я сел в постели. Да, теперь не осталось никаких сомнений. Тихое, приглушенное, чтобы не достигать ушей миссис Фогарти, но совершенно отчетливо слышное мне, раздавалось ритмичное и быстрое тиканье – более частое, чем у механизма обычных часов.

Тик-так, тик-так!

У меня оставалось только два возможных объяснения этому. Либо я подцепил умственную заразу от Лариби, либо в той комнате действительно тикало нечто, не имевшее отношения к перекошенным мозгам старика.

Тик-так, тик-так!

IV

На следующее утро я чувствовал себя вполне сносно, учитывая бурные события ночи. Джо Фогарти, в свое время чемпион по борьбе, а теперь странный муж странной ночной сиделки, как всегда, разбудил меня немилосердно рано – в половине восьмого.

Когда я спустил ноги с кровати и нащупал тапочки, то сразу заметил, что пара, одолженная мне мисс Браш, уже пропала. Дневная дежурная медсестра тоже была, по всей видимости, из ранних пташек.

Все начали день с положенных процедур, причем мои состояли в основном из бодрящей гимнастики. Доктор Стивенс, в чьи обязанности входило наблюдение за физической формой пациентов, каким бы хрупким не было их психическое состояние, неизменно прописывал нам обширный курс физиотерапии и массажа. Он был приятным парнем, и я ничего не имел против него лично, но всегда ненавидел, когда мне устраивали веселую жизнь еще до завтрака. Поэтому я пребывал в весьма дурном настроении, последовав за Фогарти в кабинет физиологической терапии, где мне в очередной раз пришлось расплачиваться за разнузданное пьянство сначала под циркулярным душем, затем циклом электрошока и, наконец, набором самых странных упражнений.

Сам Фогарти принадлежал к числу тех почти совершенных уродов, только что миновавших пору своего расцвета, которые наделены некоторым чувством юмора и внешностью Тарзана, привлекательной для определенной части слабого пола. Причем у самого Фогарти поклонниц было немало, если верить его рассказам. А он охотно делился со мной подробностями своих походов. Я же порой невольно задавался вопросом: что, если он так же откровенен со своей угрюмой женой?

По какой-то неясной для меня причине ему очень хотелось попасть в шоу-бизнес: хотя бы в массовку или, быть может, даже получить солидный силовой номер. Что-то в этом роде. Думаю, именно поэтому я ему особенно нравился, если только он не притворялся. В любом случае

стремление к дружбе заставляло его делиться со мной всеми ходившими по лечебнице сплетнями.

И сегодня, пока я голый лежал на массажном столе, совершая нелепые движения ногами, он стал подкалывать меня по поводу минувшей ночи.

– Ну, надо же! Забраться в спальню мисс Браш! – говорил он. – Теперь на вашем месте я бы начал опасаться мести нашего престарелого Лариби.

– Лариби?

– Его самого. Старикан без ума от нее. Делает ей предложения руки и сердца по двадцать раз на дню. Я думал, это уже всем известно.

Мне хотелось верить, что он так шутит, но Фогарти убедил меня в полной серьезности своей истории. В конце концов, в ней не было ничего особенно невероятного. Большую часть времени Лариби вел себя как совершенно нормальный человек. Прошлой ночью я впервые наблюдал такое его поведение. Он был вдовцом с двухмиллионным состоянием³ за душой и прекрасными шансами на полное выздоровление. И пусть он приближался к шестидесятилетию, когда седина в бороду, а бес в ребро, но все еще сохранял достаточно энергии, чтобы ухлестывать за хорошенькой медсестрой. Мне было бы интересно узнать реакцию мисс Браш на его предложения, но Фогарти уже переключился на другую тему.

– Стало быть, мой хлипкий зятек покуражился над вами, – сказал он, разминая мне мышцы. – Он считает себя силачом, хотя не нарастил для этого достаточно мяса. Позавчера ему хватило наглости вызвать меня на тренировочную схватку. Меня, бывшего чемпиона! Но я лишь ответил, что не вижу смысла даже связываться с таким, как он. Я его уложу одной левой.

Я взглянул на его левую и понял, что он мог уложить ею любого, а не только жилистого, но слишком легкого Уоррена. При том же, как эти двое относились друг к другу, он бы уложил Уоррена с преогромным удовольствием, если бы появился малейший серьезный повод. Я поделился с Фогарти своим мнением, и, кажется, оно польстило ему.

– Скажу вам прямо, – попытался он, как умел, ответить любезностью на любезность, – мне нравится порой для разнообразия иметь дело с пьяницами. Хоть с кем-то, у кого мозги не окончательно съехали набекрень. Такие, как вы, более похожи на настоящих людей, если вы понимаете, о чем я. – Он в последний раз прошелся по моей спине кулаками. – Ну, как ощущения?

– Отличные, – ответил я и признался, что, кажется, впервые за все время пребывания в лечебнице позавтракаю с удовольствием.

Так оно и получилось. Несмотря на легкую нервозность, я ухитрился съесть немного кукурузных хлопьев и даже запил их молоком, не пытаясь убедить себя, что оно является продуктом перегонки ячменных зерен. Мисс Браш, надзиравшая за столовой и соблюдением в ней гигиены, немедленно заметила это и выразила свое одобрение.

– Ночная жизнь определенно позитивно влияет на ваш аппетит, мистер Дулут.

– Да, – кивнул я и добавил: – Мне следовало бы поблагодарить вас за одеяло и тапочки.

Она одарила меня обезоруживающе невинной улыбкой и отошла.

После беседы с Ленцем я обнаружил, что питаю почти неутолимый интерес ко всем людям, которые меня окружают. Прежде и пациенты, и сотрудники лечебницы представлялись мне какими-то несмешными карикатурами, лишь подобиями живых персонажей на фоне однообразного театрального задника. Я был слишком погружен в себя, чтобы обращать на них особое внимание. Зато теперь я стал пытаться вникнуть в отношения между ними и даже строить предположения. Ведь я на собственном опыте убедился, что упомянутый Ленцем «подрывной элемент» действительно затаился где-то в недрах здания. Быть может, его удастся распознать? Не здесь ли он сейчас? Рядом со мной, в этой комнате? Вероятно, инстинкты детектива свойственны в той или иной степени каждому из нас – пьянице, трезвеннику или лечащемуся от алкоголизма. Это настолько же фундаментальное проявление жизни, как рождение детей или занятия сексом.

В столовой мы ели за небольшими столами, рассчитанными на двоих или четверых человек. Вероятно, так пытались создать иллюзию, что мы вовсе не находимся в подобию тюрьмы. Я

---

³ С двухмиллионным состоянием – два миллиона долларов США в 1930-х гг., когда происходит действие романа, эквивалентны нескольким миллиардам в нынешних ценах.

обычно принимал пищу в обществе всего одного человека – Мартина Геддеса, приятного и тихого англичанина, у которого с мозгами все вроде бы было в порядке, пока он не начинал как одержимый разглагольствовать об Империи и об Индии, где он родился.

На самом же деле Мартин оказался в клинике с чем-то вроде сонной болезни, хотя в его медицинской карте диагноз выглядел более солидно: нарколепсия, осложненная катаlepsией. Проявлялось это в том, что он мог впасть в состояние глубокого сна практически в любой момент.

В то утро он не появился за завтраком, и благодаря этому у меня появилось больше времени и возможностей наблюдать за остальными.

На первый взгляд было бы очень трудно определить, что у этих людей существуют какие-то проблемы с психикой. Через стол от меня расположился Лариби. Если бы не легкое подергивание уголков его крупного рта, он вполне сошел бы за преуспевающего финансиста с Уолл-стрит, случайно оказавшегося за завтраком именно здесь. И только потом я заметил, что он не изменил своей привычке отодвигать от себя тарелку с едой и пришептывать:

– Нет, нельзя. Я не могу себе это позволить. Сталь упала ниже тридцати пунктов, и мне нужно экономить на всем. На всем.

Мисс Браш наблюдала за ним с ангельской ясностью во взоре, которая почти скрывала тень тревоги в ее голубых глазах. Я вспомнил слова Фогарти и задался вопросом, только ли сугубо профессиональной была забота об этом человеке со стороны старшей медсестры дневной смены?

Лариби делил стол с очень красивым и изящным молодым человеком, носившим безукоризненно сшитые костюмы, в лице которого было что-то от лика святого. Звали его Дэвидом Фенвиком, и хотя обычно он бывал не более странен, чем любой молодой эстет, каких в наше время развелось немало, по временам ему слышались голоса призраков. Ты вдруг замечал, как он обрывал свою речь, не закончив фразы, чтобы вслушаться в сообщение от фантома, которое для него, разумеется, было куда важнее разговора с другим пациентом лечебницы. Спиритизм извел его гораздо сильнее, чем меня употребление спиртного.

Присутствовали еще шесть человек, но я знал только двоих. Франц Штрубель занимал столик в одиночестве – хрупкая, тонкая, как лист бумаги, фигурка с седой шевелюрой и глазами фавна. Он находился в заведении доктора Ленца с того злополучного вечера, когда шесть месяцев назад вместо того, чтобы дирижировать Восточным симфоническим оркестром, вдруг начал размахивать дирижерской палочкой в сторону аудитории в зале. А потом встал посреди Тайм-сквер и пытался дирижировать транспортным потоком. Ритмы музыки и жизни явно перепутались у него в голове.

Пока я наблюдал за ним, его красивые руки ни на секунду не замирали на месте. Никаких других признаков заболевания в глаза не бросалось.

Наибольшей симпатией среди всех пациентов пользовался Билли Трент, милый паренек, получивший сильный удар по голове, играя в футбол. Его повреждение мозга медики относили к разряду легких. Он стал считать, что работает в закусочной, а потому подходил к каждому с широченной улыбкой, полный желания немедленно принять заказ. Ему невозможно было отказать. И ты просил принести шоколадно-молочный коктейль и сэндвич с паштетом на ржаном хлебе. Мисс Браш заверила меня, что помутнение разума у него скоро пройдет, и он вернется к норме. Чему я был искренне рад.

Когда время завтрака истекло, меня обеспокоило отсутствие Геддеса. Я знал, что у него, как и у меня, выдавались очень плохие ночи. И невольно закралась мысль, что с ним тоже могло что-то случиться.

Я спросил о нем мисс Браш, когда она проводила нас в курительную, где мы должны были усвоить съеденное за завтраком, листая журналы для интеллектуалов. Мисс Браш мне не ответила. Она никогда не отвечала на вопросы, касавшиеся других пациентов. Поднеся к моей сигарете зажженную ею лично спичку, она сообщила мне об интересной статье на театральные темы в журнале «Харперс». Чтобы сделать ей приятно, я взял журнал и начал читать статью.

Когда Геддес появился, вид у него был заметно потрясенный. Он направился прямо ко мне и уселся рядом на диван. В свои тридцать с небольшим лет он походил на актера Рональда Колмана: мужественная красота, отменные манеры и усы, над формой которых, он, казалось, трудился большую часть дня. Мартин много лет прожил в Америке, но сердце его навечно принадлежало Британии, хотя, если точнее, – Индии, британской колонии.

Я заметил, что у него дрожат руки, когда он подносил сигарету к спичке мисс Браш. Пришлось прямо спросить, хорошо ли ему спалось. Его удивило, что именно я завел светский, на первый взгляд, разговор, поскольку обычно пребывал в мрачной замкнутости.

– Хорошо ли мне спалось? – переспросил он на том типичном лондонском английском, которому еще совсем недавно отчаянно пытались подражать актеры с Бродвея. – На самом деле я провел отвратительную ночь.

– Мне самому этой ночью пришлось несладко, – ободряюще сказал я. – Быть может, мое поведение потревожило ваш сон?

– Да, был какой-то шум, но я не обратил на него особого внимания. – Мне показалось, что он готов пуститься в откровенности.

– Как нетрудно догадаться, обстановка здесь действует на вас угнетающе, – сделал попытку поощрить его я. – В конце концов вы один из тех, у кого в голове не винегрет, как у большинства остальных. Ваша проблема более или менее лежит в сфере физиологии.

– Вероятно, это так. – Он говорил тихим, но до странности неуверенным голосом. – Хотя ваше состояние предпочтительнее моего. Вас-то они вылечат, но о нарколепсии врачи, по-моему, сами представления не имеют. Прочитав несколько книг на медицинские темы, я знаю о ней не меньше, чем любой психиатр. Мне говорят, что какой-то винт ослаб в моей центральной нервной системе. Им представляется, что в мозгу происходит какой-то сдвиг, и ты засыпаешь по пятнадцать раз на дню, а если это сопровождается еще и каталепсией, то тело застывает, окостеневшее, как оглобля. Но они не могут ничего сделать, чтобы ты поправился. – Он посмотрел на свои руки так, словно ненавидел их за дрожь. – Я приехал сюда, потому что слышал об успехах, достигнутых Стивенсом и Морено в применении нового лекарственного препарата. Какое-то время я возлагал на них большие надежды, но их снадобье, похоже, не способствует моему выздоровлению.

– Да, должно быть, вам нелегко, – пробормотал я.

Было видно, как Геддес с досадой прикусил губу под усами, а потом удивил меня заявлением:

– Морено – это одно из типичных высокомерных ничтожеств. Ему почти невозможно ничего толковать, если вы меня понимаете.

Я ответил, что понимаю, проявив, как мне показалось, лишь весьма сдержанный личный интерес к его случаю.

– Послушайте, Дулут, – внезапно сказал Геддес. – Прошлой ночью кое-что произошло, и если я ни с кем не смогу этим поделиться, то попросту слечу с катушек. Вы, разумеется, возразите, что мне просто приснился очередной кошмар. Но это не так. Клянусь вам, я не спал. – Я кивнул. – Я лег достаточно рано, но затем проснулся. Не знаю, который был час, но в здании стояла полнейшая тишина. Я уже снова начал дремать, когда услышал это.

– Услышали что? – спокойно спросил я.

Он провел ладонью вдоль лба типично английским томным жестом, призванным скрыть реальные эмоции.

– Я подумал, что действительно схожу с ума, – произнес он очень медленно и нарочито отчетливо. – Понимаете, мне совершенно ясно послышался собственный голос.

– Боже милостивый! – воскликнул я, мгновенно насторожившись.

– Да, да, я слышал собственный голос, который говорил: «Тебе нужно уезжать отсюда, Мартин Геддес. Нужно уезжать отсюда немедленно. Здесь произойдет убийство».

Он стиснул руки в кулаки, положил их на колени и повернулся ко мне с внезапно отразившимся на лице выражением ужаса. Рот его приоткрылся, словно он собирался еще что-то добавить, но больше не произнес ни звука. На моих глазах мышцы его лица как будто заморозило. Рот так и застыл полуоткрытым. Глаза широко распахнулись. Щеки казались одеревеневшими. Я несколько раз видел прежде, как он засыпал на ходу, но каталептический транс наблюдал впервые. Зрелище не из приятных.

Я прикоснулся к нему. Рука на ощупь показалась мне нечеловечески твердой, как из бетона. Я вдруг ощутил полную беспомощность. У меня затряслись пальцы, и дрожь не хотела униматься. Это напомнило, в каком состоянии до сих пор находился я сам.

Помогло вмешательство мисс Браш. Она оценила ситуацию и кивнула в сторону Фогарти, постоянно дежурившего рядом. Санитар поспешил к Геддесу и поднял его на руки.

Ни один мускул в теле Геддеса не дрогнул. Было удивительно наблюдать, как человека, застывшего в сидячей позе, выносили из комнаты. Благодаря смуглости лица и широко распахнутым глазам он выглядел как исполненный важности индийский факир, демонстрирующий способность к левитации.

Я вернулся к чтению журнала, чтобы успокоить нервы, когда ко мне подошел вечно витавший где-то в волнах эфира Дэвид Фенвик. Я сразу заметил привычно отстраненный и призрачный взгляд его больших глаз, разрезом напоминавших олени.

– Мистер Дулут, – сказал он почти шепотом. – Я крайне обеспокоен. Расположение звезд сейчас весьма неблагоприятно для всех нас, – он оглянулся через плечо, словно хотел убедиться, что ни один фантом его не подслушивает. – Прошлой ночью мне явились духи. Они пришли, чтобы предупредить меня. К сожалению, я так их и не увидел, но зато отчетливо слышал голоса. Скоро мне передадут важное сообщение.

Но прежде чем я успел задать ему хотя бы один вопрос, он отплыл от меня, глядя прямо перед собой вечно затуманенным, каким-то потусторонним взглядом.

Значит, Лариби, Геддес и я сам оказались не единственными, кто провел беспокойную ночь. В какой-то степени это даже утешало, подтверждая, что все случившееся не стало игрой моего воспаленного воображения. И все равно мне было не по себе. Воображаемые голоса не могли предсказывать убийства беспричинно. Даже в лечебнице для душевнобольных.

Я взялся за номер «Харперс», стараясь возбудить в себе тот энтузиазм в отношении театра, который так и бурлил прежде в моей крови, а теперь перестал искриться, как выдохшееся вчерашнее шампанское в бокале.

В статье содержался обзор современных пьес. В ней даже обнаружился символический букет цветов, который автор бросил на сцену постановки, осуществленной мною несколько лет назад. Меня это не вдохновило. Ну и что из того? Вот почему я с облегчением увидел, как ко мне приближается юный Билли Трент с вечной улыбкой на лице.

– Привет, Пит, – сказал он, встав так, чтобы через стол нас разделял сифон с содовой водой. – Итак, что мы будем сегодня?

Я улыбнулся в ответ. Пусть он сейчас был не в своем уме, но молодой Билли Трент излучал здоровье всей своей атлетической фигурой и чистотой ясных голубых глаз. Ты знал, что виной всему оказался неловкий удар головой на футбольном поле, и потому общение с ним давалось легко, превращаясь даже в своеобразное развлечение.

– Что будем заказывать, Пит?

– О, я, право, даже не знаю, Билли. Пожалуй, принеси мне пару шариков орехового мороженого. И ради всего святого, получи лицензию на продажу спиртного. Иначе от твоей пищи у меня может случиться несварение желудка.

V

День продолжался обычным чередом. Дисциплина в заведении доктора Ленца поддерживалась строго, но без крайностей. Каким бы распланированным заранее ни был распорядок каждого пациента, в него всегда дозволялось вносить некоторый элемент спонтанности. Все это слегка напоминало организацию отдыха туристов на борту круизного лайнера.

В десять часов утра я обычно посещал хирургическое отделение, где доктор Стивенс, розовощекий и улыбающийся, как несколько крупноватый херувим, ощупывал и простукивал меня, заставляя показывать язык и осматривал глаза, сопровождая все это непрерывными комментариями по поводу погоды на улице, упадка театрального искусства в Америке и других безопасных и ни к чему не обязывавших тем. В это утро он информировал меня о надвигающихся снегопадах и о том, что в моих анализах мочи не наблюдалось больше чрезмерного избытка белка. Поинтересовался моим мнением об актрисе Кэтрин Корнелл, а потом перешел к более интимным вопросам, на которые я смог дать вполне удовлетворительные ответы. Под конец он

заявил, что если психиатры так же довольны моим состоянием, как он сам, ничто не сможет помешать мне покинуть лечебницу и снова стать режиссером-постановщиком спектаклей на Бродвее в течение считанных недель.

После этого меня ждала беглая ежедневная проверка моего душевного состояния доктором Морено. Он работал в клинике Ленца не так давно, приглашенный вместе со Стивенсом из самой современной медицинской школы Калифорнии. Мисс Браш заверила меня, что это первоклассный психиатр, и я был склонен с ней согласиться. Хотя мне не нравился сам по себе тип молодого и талантливого врача, этот человек внушал даже некоторое восхищение. Он обладал уверенными, несколько небрежными манерами, способными обнадежить самого издерганного пациента. Но в это утро он предстал передо мной несколько иным. Я, конечно, мог только гадать, что с ним творилось, но в нем самом ощущались нервозность и настороженность.

Когда он закончил со мной, мисс Браш собрала всех на утреннюю прогулку. Март выдался холодным, повсюду еще лежал глубокий снег, а потому нас тепло укутали с поистине материнской заботой. Я отметил, что мисс Браш собственноручно повязала шарф на шее Лариби и помогла ему надеть калоши. При этом она одарила его быстрой, но адресованной лично ему улыбкой, и от меня не укрылась сверкнувшая при этом ревность в глазах юного Билла Трента. Мисс Браш он просто боготворил. Но если на то пошло, мы все относились к ней подобным образом. Порой мне казалось, что она сама по себе была частью терапии.

После продолжительных сборов мы вышли из здания. Десять или одиннадцать взрослых мужчин, державшихся парами наподобие школьников. В целом нас доверяли попечению мисс Браш, но и мой друг-борец Джо Фогарти увязался следом, делая вид, что ему тоже случайно понадобилось пройтись в том же направлении.

С радостью и удивлением я обнаружил среди нас Геддеса. Он даже не упомянул о случившемся с ним приступе. Вероятно, он даже не подозревал, что это опять произошло. И мы пошли с ним в паре, похожие на двух приятелей.

Впрочем, все вели себя смирно до тех пор, пока здание лечебницы не осталось позади, а мы не оказались на принадлежавшем заведению поле площадью примерно сто акров.

Старый Лариби с синим шарфом под одутловатым красным лицом притих, медленно шагая по снегу. Но внезапно он остановился, и в его глазах снова появилось выражение, которое я видел прошлой ночью.

Остальные тоже остановились, глядя на него с вялым любопытством. Он же ухватил мисс Браш за руку и хрипло сказал:

– Нам нужно срочно возвращаться.

Мы все сгрудились вокруг него, за исключением Билли Трента, который с напускной увлеченностью лепил и кидал куда попало снежки. Джо Фогарти приблизился и встал рядом с мисс Браш.

– Нам необходимо вернуться, мисс Браш. – Нижняя губа Лариби непроизвольно тряслась. – Мне только что поступило предупреждение. Сталь упадет сегодня еще на десять пунктов. И если я срочно не доберусь до телефона, чтобы дать распоряжение продавать акции, это меня разорит. Полностью разорит.

Мисс Браш старалась успокоить его, но все оказалось бесполезно. Он был уверен, что слышал голос своего биржевого агента-брокера. Слышал прямо у себя в ухе. Старик умолял и спорил с отчаянным упрямством, словно хотел убедить в разумности своих слов даже не медсестру, а самого себя.

Мисс Браш в нескольких словах посочувствовала ему, но твердо заявила, что не сможет прервать прогулку, даже если обрушится вся Уолл-стрит. Мне это показалось даже несколько чрезмерной резкостью с ее стороны. Но, как ни странно, Лариби такое отношение даже понравилось. Он сделался серьезным, выражение страха исчезло из глаз, уступив место надежде на лукавую убедительность своих доводов.

– Мисс Браш... Изабелла, вы должны меня понять, – он снова взял ее за руку. – Это нужно не только для меня, но и для нас. Мне бы хотелось, чтобы вы имели все, что только можно купить за деньги. Все, чем владеет моя дочь, и даже много большим...

Он понизил голос, заговорил быстро и тихо, так что я не разбирал слов. Зато Билли Трент сразу же перестал кидаться снежками, и в его глазах вспыхнул огонь. Никто больше не проявил к их беседе особого интереса.

Мисс Браш снова улыбнулась, и на этот раз ее улыбка показалась мне далеко не профессиональной.

– Конечно же, все будет хорошо, Дэн. Поторопитесь с выздоровлением. А курсами акций мы займемся потом.

Лариби пришел в величайшее возбуждение. Он даже начал напевать себе под нос какую-то мелодию, когда мы возобновили прогулку. Создавалось впечатление, что он уже напрочь забыл о предупреждении и о голосе своего брокера, проникшем к нему в уши.

Но я не забыл.

Разумеется, в тот момент я представления не имел, какие необычайные и ужасные события скоро произойдут в заведении доктора Ленца. И никак не мог распознать, насколько важными и значительными были самые мелкие и бессмысленные на вид происшествия. И все же я не мог избавиться от острого ощущения чего-то глубоко неправильного и опасного в нашем окружении. Даже тогда я чувствовал, что за всем этим безумием таится чей-то план. Но чей план и какая зловещая мотивация за ним крылась, я никак не смог бы понять, поскольку задача оказалась в то время слишком сложной для моего все еще наполовину отравленного алкоголем ума.

Чтобы немного приободриться, я вступил в беседу с мисс Браш. Эта молодая женщина умела обращаться с мужчинами. Всего несколько фраз и пара ее фирменных улыбок заставляли чувствовать себя чертовски привлекательной личностью. И я полетел как на крыльях, словно и сама лечебница и весь огромный парк вокруг нее принадлежали мне одному.

Этот приступ веселости и легкости заставил меня возглавить наше шествие. Я первым обогнул небольшую рожицу и буквально столкнулся с группой пациенток-женщин, которые тоже совершали ежедневную оздоровительную прогулку.

Как правило, мы почти не встречались с особами противоположного пола. Впрочем, тем из нас, кто заработал поощрение примерным поведением, разрешалось побыть в обществе дам после ужина для светских бесед, игры в бридж и традиционных танцев, которые обычно устраивали по субботам. Вот только я до сих пор ни разу не заслужил подобной привилегии, поскольку мое поведение трудно было бы назвать примерным, а потому эта встреча с женщинами оказалась для меня первой. И за такую возможность следовало благодарить в первую очередь глубокий снег, заставлявший и нас и их строго держаться проложенных тропинок.

Большинство женщин были одеты по последней моде и даже дорого, но в нарядах многих сразу бросалась в глаза нелепая странность. Пальто и шляпы они надели так залихватски небрежно, что выглядели сильно подвыпившими клиентами модного ночного клуба, выбравшимися из него уже ближе к рассвету.

Сзади подошли остальные мужчины, и мисс Браш мгновенно воззвала к нашим рыцарским инстинктам, заставив сойти с узкой дорожки и уступить леди путь.

Дамы прошествовали мимо довольно-таки шаткой цепочкой, а самая последняя из них внезапно остановилась как вкопанная. Она была молода, в шикарном норковой шубе, а на черную шевелюру нахлобучила меховую шапку в русском стиле.

Быть может, меня слишком долго продержали вдали от женщин, но мне она сразу показалась самым красивым созданием, какое я встречал когда-либо в жизни. Ее лицо отличали экзотические черты и благородная бледность, как у тех изумительных белых заморских цветов, которые у нас выращивают только в оранжереях. В огромных глазах читалась неизбывная, неизгладимая печаль. И мне действительно никогда не приходилось прежде видеть на женском лице выражение такой трагической и безнадежной тоски.

При этом она не сводила пристального взгляда с одного из мужчин в нашей группе. Все тоже замерли. Никто не двигался с места. Складывалось впечатление, что нас всех сковали те же чары, то же заклятие, которое первой достигло ее.

Я располагался от нее всего в нескольких дюймах. Очень медленно она подняла затянутую в перчатку руку и прикоснулась к моему рукаву. При этом незнакомка вовсе не смотрела на меня. Не думаю, что она вообще осознавала мое присутствие. Но затем произнесла тихим и невыразительным голосом:

– Видите вон того мужчину? Он убил моего отца.

Почти в ту же секунду коллега мисс Браш из женского отделения подхватила незнакомку под локоть и настойчиво увлекла дальше по тропинке, спеша увести от нас. И среди мужчин и среди женщин после этого эпизода возникло некоторое оживление, прозвучали удивленные реплики, но все закончилось ничем.

Я бросил последний взгляд вслед девушке с экзотическими чертами лица и мучительной печалью в глазах. А затем повернулся, чтобы понять, в чью сторону она указывала. И я смог определить это сразу. Места для сомнений не оставалось.

Мужчина, который «убил ее отца», стоял рядом с мисс Браш. Это был Дэниел Лариби.

VI

Когда мы вернулись во «Второй флигель» и мисс Браш тщательно проследила, чтобы мы не забыли сменить промокшие носки, я пригласил Геддеса сыграть партию на бильярде. Мы едва успели закончить, как явился Джо Фогарти и повел меня на предобеденные физические процедуры.

Мы начали серию обычных телодвижений в кабинете физиотерапии. Джо тут же завел речь о Геддесе, которого считал славным малым. Он заявил, что ему вообще нравятся англичане, а Геддеса он причислял к типичным представителям этой нации. Ему самому довелось побывать в Лондоне в 1929 году, когда он победил чемпиона Англии, и все парни там показались ему похожими на Геддеса. Затем он продолжил перебивать косточки другим пациентам. По каким-то личным причинам он больше ни к кому не испытывал особых симпатий. Фенвика считал рохлей и неженкой, как девушка. Билли Трент, напротив, сплошь состоял из мускулов, и справиться с ним бывало порой нелегко.

А вот уже упоминание о мускулах моментально заставило его заговорить на излюбленную тему – о себе самом. С понятной гордостью он хвалился собственной силой, объяснял, почему он более классный борец, чем нынешние мозгляки, портреты которых печатают во всех газетах, а на самом деле они только позорят славный вид спорта, и лучше бы им вообще не появляться на борцовском ковре. Далее последовало несколько скабрезных историй о его интрижках с женщинами в Лондоне, хотя я к тому времени едва ли слишком внимательно слушал его. Обычно я находил его похвальбу занятой, но в этот момент все мои мысли занимала та девушка в русской шапке с печалью в глазах.

И как только подвернулся малейший повод, я попытался упомянуть о ней в нашем с Джо разговоре. Лицо Фогарти, похожее на морду добродушного бульдога, расплылось в понимающей ухмылке.

– Да, что есть, то есть, – сказал он. – Она на редкость хороша собой.

– А как ее зовут?

– Пэттисон. Айрис Пэттисон. Одна из бывших светских львиц с Парк-авеню. Отец разорился и выбросился из окна зимнего сада при своем пентхаусе. Причем на глазах у девушки. На нее это само по себе сильно подействовало. Когда же она узнала, что папаша оставил ей всего несколько тысяч баксов, а возлюбленный, не будь дурак, порвал с ней, то совсем рехнулась. Ее привезли сюда, и с тех пор она лечится у нас.

Наступила пауза, пока он с силой обрабатывал кулаками мне спину. Потом я спросил:

– Чем конкретно она больна?

– Мне всегда трудно запоминать эти их научные названия. У нее что-то вроде меланхии. Так, кажется?

– Меланхолия?

– Точно! Все время сидит, уставившись перед собой, и ничего не делает. Миссис Делл из женского отделения говорила мне, что у нее от этой Айрис иногда мороз идет по коже. Она может за целую неделю вообще ни слова не вымолвить.

Бедняжка Айрис! Я ощущал безграничную жалость к ней. И был глубоко потрясен, осознав, что впервые со времени смерти Магдален жалею кого-то, кроме себя самого. Быть может, я начал возвращаться к норме?

– Но сегодня вы не могли не слышать ее слов, Фогарти, – пришлось напомнить ему. – Что она имела в виду, когда обвинила Лариби в убийстве своего отца?

– Она, конечно, чокнутая, но в ее словах вполне могло заключаться рациональное зерно, – ответил он. – Лариби и ее батюшка состояли в одной группе биржевых воротил. Лариби успел снять пенки и уцелеть, пока дела обстояли хорошо, а вот остальные хлебнули потом горя. Именно после этого старик Пэттисон покончил с собой. – Я уже надевал банный халат, когда Фогарти радостно сообщил мне: – Должен вам сказать, мистер Дулут, что вы сохранили совсем неплохую физическую форму для человека, который не просыхал так долго. – Я поблагодарил его за сомнительный комплимент, и он продолжил: – Хотите, научу вас паре борцовских приемов? А вы, быть может, когда выйдете отсюда, тоже вспомните меня добрым словом и поможете попасть в шоу-бизнес. Вот где мне самое место!

Выгода от этой сделки представлялась мне несколько односторонней, но я согласился и Фогарти начал посвящать меня в таинства полунельсона. При этом он жестоко вывернул мне тело, заломив руки за шею, когда в коридоре послышались шаги.

Дверь открылась, а мы располагались как раз напротив нее. И я почувствовал себя довольно-таки неловко при появлении мисс Браш. Признаюсь, мое мужское достоинство оказалось несколько уязвлено, когда она увидела меня беспомощным в лапах такого бабуина, как Фогарти.

Но ей, казалось, все представилось в несколько ином свете. Она задержалась в дверях, с любопытством наблюдая эту сцену. А потом ее лицо просияло все той же очаровательной, хотя и несколько однообразной улыбкой.

– Стало быть, вы обучаетесь борьбе, мистер Дулут? Что ж, в следующий раз, если начнете плохо себя вести, с вами будет труднее справиться. – В этот момент я совсем не чувствовал, что справиться со мной так уж трудно, но она совершенно неожиданно добавила: – Не научишь ли ты и меня этому захвату, Джо? Я уже успела подзабыть джиу-джитсу, а хотелось бы оказаться на равных с мистером Дулутом, если вдруг возникнет такая необходимость.

Фогарти сразу же отпустил меня и широко улыбнулся в ответ. Думаю, ему понравилась идея подурачиться с мисс Браш, от чего не отказался бы, наверное, ни один из нас.

Совершенно спокойно мисс Браш подошла к нему и позволила согнуть себя в три погибели. Занятой она все же была личностью: восприняла урок борьбы так, словно ее учили всего лишь вязать на спицах. Порой я задумывался, до какой степени верно воспринимает эта молодая особа реакцию на себя мужчин. И если она не до конца осознавала ее, то была не так умна, как я считал.

Они с Фогарти слились в подобии неких безумных объятий, когда из коридора снова донесся какой-то шум.

– Немедленно прекратите это безобразие!

Я бросил взгляд на дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина в синем банном халате перескочил через порог. Он набросился на Фогарти и принялся осыпать его ударами кулаков. Несколько секунд в сумятице я не мог ничего разобрать. А потом в этой живой молнии с обнаженными грудью и ногами, которые путались в полах халата, стал узнаваем молодой Билли Трент.

Юнцом владела слепая ярость, а его сила представлялась сейчас почти сверхчеловеческой. Мисс Браш не без труда отскочила в сторону, и два извивающихся тела повалились на пол, причем сверху оказался Трент. С всклоченными светлыми волосами, оголившимся торсом и огнем в глазах, он являл собой выхолощенный воображением киносценариста образ белого человека, воспитанного в джунглях.

– Ты и пальцем не посмеешь ее больше тронуть! – бормотал он торопливым нервным тоном. – Не смей делать больно мисс Браш – никому не позволено причинять ей боль! Оставь ее в покое или...

Фогарти попытался применить свои жалкие защитные приемы из борцовского арсенала против упругой массы молодых мышц, но, застигнутый врасплох, оказался на удивление слабым соперником при всей натренированности собственных мускулов, когда пальцы Билли сомкнулись у него на шее.

И впервые за все время моего с ней знакомства мисс Браш утратила величавое достоинство. Она в волнении засуетилась вокруг них, восклицая:

– Все в порядке, Билли. Он не причинил мне боли. Я сама попросила его...

Боюсь, что рефери из меня вышел никудышный. Вероятно, мне что-то следовало предпринять, но ко мне вдруг вернулись все прежние страхи, и меня попросту начало трясти.

Даже не знаю, чем бы все это обернулось, если бы не своевременное появление Морено. И хотя я стоял спиной к двери, все равно ощутил его присутствие, стоило ему переступить порог. В нем был эдакий магнетизм – властность и чувство превосходства над другими, придававшие силы одерживать верх в любой ситуации. Он схватил Трента за плечо и ровным, размеренным голосом приказал:

– Вам лучше остановиться, Билли.

Парнишка посмотрел в темные глаза доктора и уже не мог отвести взгляд, словно попал под гипноз. Его пальцы на горле Фогарти медленно разжались.

– Но он причинял боль мисс Браш! Он хотел...

– Он вовсе не пытался этого сделать. Вы совершили ошибку. Ничего серьезного не происходило.

Трент откатился от Фогарти, и когда посрамленный санитар, глубоко переживая свой позор, поднялся на ноги, Билли тоже встал с пола. В смущении он тут же затянул пояс своего халата. На мисс Браш он теперь смотрел одновременно с неловкостью и робостью.

– Приношу свои извинения, – пробормотал он. – Простите меня. Кажется, я потерял контроль над собой. Очень глупо с моей стороны. Вы, должно быть, считаете меня теперь полным кретином.

И, невнятно извинившись перед Фогарти, покраснев, будто провинившийся школьник, он поспешил вон из комнаты.

– Я ни в чем не виноват, – сбивчиво начал оправдываться Фогарти, как только дверь закрылась. – Мисс Браш сама захотела, чтобы я показал ей пару борцовских захватов.

– Не трудитесь объясняться, – холодно перебил его Морено. – Лучше пойдите и переоденьтесь, – он бросил взгляд на меня. – И вы тоже, мистер Дулут... Уже почти время готовиться к обеду.

Фогарти понуро удалился, жалуясь самому себе, что получил удар ниже пояса. Мы с Морено немного постояли, пока мисс Браш приводила в порядок свои светлые локоны, а потом я тоже счел за лучшее уйти.

Но слишком поторопился. Уже добравшись до палаты, я заметил, что оставил в комнате физиотерапии свое полотенце. Никакой особой причины забирать его оттуда немедленно не было, но зато это показалось отличным предлогом для неожиданного возвращения, а меня разбирало любопытство, получит ли происшествие какое-либо продолжение.

Когда я туда вернулся, дверь оказалась закрытой. Но прежде чем я успел открыть ее, изнутри донесся голос Морено, громкий и злой:

– О, бедный мальчик, он в точности, как я сам. Терпеть не может, когда другие мужчины прикасаются к тебе!

К своему стыду, я застыл на месте, но они понизили тон, и до меня стали доноситься лишь обрывки фраз. Но фамилию Лариби я расслышал из уст Морено очень отчетливо.

На это мисс Браш лишь презрительно рассмеялась.

– Я скорее сама стану волчицей с Уолл-стрит.

В этот момент я все же открыл дверь. Они стояли очень близко друг к другу. Морено сжимал кулаки. Мисс Браш стояла с обычным невозмутимо ангельским видом, но при этом на ее лице отображалась и жесткая решимость.

Заметив меня, оба расслабились. Морено прищурился. А мисс Браш улыбнулась стандартной улыбкой, неизменно предназначенной для пациентов.

– Прошу прощения, – пролепетал я, несколько оробев. – Я просто забыл здесь свои... э-э-э... домашние тапочки. То есть я хотел сказать – полотенце.

VII

Была суббота, и я знал, что вечером в главном зале намечается обычная официальная вечеринка с танцами и бриджем. После моей небольшой эскапады накануне вечером не приходилось ожидать, что я буду туда допущен. Но, к моему удивлению, Морено, как ни странно, ничего не имел против моего участия. Я был искренне поражен и обрадован. У меня появлялся еще один шанс увидеть Айрис Пэттисон.

Айрис оказала на меня ощутимое влияние. В тот день я не испытал привычных мучений ко времени, когда прежде привык смешивать себе первый коктейль, и, несмотря на приступ дрожи в кабинете физиотерапии, чувствовал себя достаточно хорошо.

Мной овладело почти детское возбуждение, когда Фогарти принес мой вечерний костюм, хранившийся в неведомом мне месте. Ему пришлось только помочь мне завязать узел на галстуке, а с остальным я справился сам. Беглый взгляд в зеркало вполне удовлетворил меня. Я выглядел очень похожим на нормальное человеческое существо со своим искусственным загаром и глазами, уже не желтыми и не налитыми кровью.

После ужина мисс Браш вышла сияющая, в облегающем белом платье с красным корсажем, добавлявшим чего-то чуточку интригующе демонического к ее образу белокурого ангела. Сотрудники к совместным вечерам всегда прихорашивались. Все выглядело очень мило, и каждый из нас должен был ненадолго забыть, что мы находимся в несколько облагороженном варианте обыкновенного дурдома.

На этот раз правило отбора по принципу хорошего поведения явно временно отменили, потому что к танцам мужской контингент явился в полном составе, включая даже провинившегося Билли Трента. Мисс Браш руководила нами со спокойной решительностью, лично препроводив к месту увеселений. Я шел вместе с Геддесом и юным Билли. Англичанин скучал и даже выглядел немного подавленным. Зато Билли уже напрочь забыл про свое недавнее выступление в роли Тарзана, и в нем бурлил энтузиазм. Он будет танцевать с мисс Браш, сообщил мне Билли. Для него это было предвкушением райского блаженства.

Когда мы вошли в общий главный актовый зал лечебницы, женщины уже собрались там. Центр помещения освободили от стульев, превратив в площадку для танцев. Столы для бриджа и диваны расставили вдоль стен и по углам. Из радиоприемника лилась мелодичная танцевальная музыка. Я сразу принялся искать взглядом Айрис Пэттисон, но, как ни всматривался, нигде ее не видел.

Зато присутствовали все остальные: медсестры, врачи, санитары, пациенты. Доктор Стивенс, веселый и раскрасневшийся, громкогласно беседовал с красивой, хотя, по всей видимости, душевнобольной рыжеволосой дамой. Морено разыгрывал роль гения психиатрии перед группой приглашенных в гости медиков из других больниц. Седая, величавая леди, которая могла бы сойти за герцогиню, чуть надменно раскланивалась с воображаемыми знакомыми. Зал блистал ослепительно белыми сорочками мужчин и смелыми декольте женских нарядов. Причем зачастую отличить сотрудников от пациентов оказывалось нелегкой задачей. Зрелище напоминало сбор элитной публики перед премьерой на Бродвее постановки пьесы вошедшего в моду драматурга.

Мисс Браш хлопотала вокруг нас, представляя дамам, как хозяйка светского салона с Парк-авеню, когда я вдруг заметил наконец Айрис. Она сидела одна в углу зала в длинном фиолетовом платье. Забыв все приличия официального мероприятия, я ухватился за руку мисс Браш и, быть может, излишне громко попросил нас познакомиться. Мисс Браш улыбнулась мне одной из своих всепонимающих улыбок и подвела к ней.

– Позвольте представить вас друг другу. Мисс Пэттисон – мистер Дулут.

Девушка подняла на меня равнодушный взгляд. Платье на ней было изумительного оттенка: мягкого и нежного, как цветок ириса, от которого происходило ее имя. Ее взгляд встретился с моим на мгновение, но тут же уклонился в сторону. Я сел рядом, преисполненный надежд.

Но стоило мне это сделать, как начались танцы. Билли Трент сразу же устремился к мисс Браш с радостной улыбкой. Она улыбнулась в ответ, но, пока он пробирался к ней, успела повернуться спиной и вышла на танцплощадку со стариком Лариби. Я увидел на лице юноши столь жестокое

разочарование, что на краткий миг мое высокое мнение об Изабелле Браш рухнуло, как курс акций на воображаемой бирже Лариби.

После чего я попытался завести разговор с Айрис. Перепробовал все мыслимые темы, но все впустую. Иногда она отвечала тихим, лишенным какой-либо экспрессии голосом. Но искры между нами не пробежало. С таким же успехом можно было разговорить покойницу. Но в то же время от нее исходила энергия молодости. Чувствовалось, что в ней еще бурлят мощные жизненные силы.

Я пригласил ее на танец, и она ответила:

– Спасибо за приглашение, – как часто делают маленькие девочки.

Танцевала она превосходно, но движения казались до странности механическими, словно она находилась в состоянии транса.

– Вы очень добры ко мне, – произнесла она лишь одну фразу, прозвучавшую чуть слышно и застенчиво.

Я не нашелся, что сказать в ответ. Слова просто не шли с языка.

Тем временем вечер продолжался по всем канонам чопорной респектабельности. Первым поступок, несколько выходящий за рамки общепринятых приличий, совершил, как ни парадоксально, Морено. Он стоял в стороне, занятый беседой с Фогарти и Геддесом, но не сводил пристального взгляда с мисс Браш и Лариби. И внезапно, когда головка мисс Браш оказалась склоненной слишком близко к плечу миллионера, он протиснулся между танцующими и вмешался. При этом вел он себя предельно корректно, но глаза его сверкали плохо скрытым недовольством.

Музыка затихла. Когда я проводил Айрис на ее прежнее место, к нам подошла миссис Фогарти. Ночная медсестра совершила героические усилия, чтобы хорошо выглядеть в вечернем платье, но оно все равно топорщилось на ней, причем в самых неподходящих местах, словно под платьем она оставила свой традиционный рабочий халат. Ее сопровождали легкий аромат антисептика и седовласая женщина с одним из тех морщинистых аристократических лиц, какие часто встречаются у пожилых хозяек роскошных особняков в Блэк-Бэй.

Миссис Фогарти всем своим видом показывала владевшее ею при этом чувство: «Мне кажется, вас двоих многое объединяет», – а затем не без труда заставила себя озвучить его:

– Мистер Дулут, позвольте вас познакомить с мисс Пауэлл из Бостона. Она видела несколько ваших постановок на Бродвее и хотела бы обсудить их с вами.

Мне этого вовсе не хотелось. Моим единственным желанием оставалось побыть еще наедине с Айрис. Но мисс Пауэлл решительно уселась на краешек дивана, начав снисходительно и многословно рассуждать о культуре в целом и сценическом искусстве в частности. Я почему-то сразу решил, что она, должно быть, из числа приглашенных со стороны психиатров или филантропов, которые считали, что знают, как беседовать с несчастными пациентами, чтобы улучшить им настроение. И вел себя соответственно, бросая умные реплики в ответ и показывая самое благостное расположение духа, но все это время не сводил взгляда с Айрис.

Я продолжал смотреть на нее, когда к нам приблизился Лариби. Сидя спиной к подошедшему, я не мог видеть, кто это. Но его присутствие совершенно отчетливо, как в зеркале, отразилось на лице Айрис. Ее бледные щеки покрылись болезненным румянцем, а в чертах лица теперь читалась острая неприязнь. Она вскочила на ноги и после секундного колебания поспешила прочь.

Мне хотелось броситься вслед за ней, сказать, что я могу немедленно врезать мерзкому Лариби в челюсть и вообще готов на все, лишь бы ей стало хоть немного лучше. Но мисс Пауэлл оказалась гораздо проворнее меня. Я не успел пошевелиться, а ее почти по-мужски сильная рука уже легла поверх моей, приковав меня к месту и заставив вернуться к ее бесконечно утомительным сентенциям.

Лариби задержался рядом с нами, и мне постепенно удалось переключить ее внимание на старика. Он едва ли разбирался в искусстве, и, вполне вероятно, тема была ему вообще не интересна, но для мисс Пауэлл это не имело значения. Она нуждалась в слушателе, кем бы он ни был.

Я уже подготовился к тому, чтобы незаметно ускользнуть от них, когда заметил нечто весьма любопытное. Пронзительные глазки мисс Пауэлл избегали взгляда финансиста. Они самым

необычным образом были постоянно прикованы к платиновой цепочке от часов, лежавших в специальном кармане его просторной жилетки.

– Видите ли, мистер Лариби, небольшие группы представителей отдельных культур...

Низкий и хорошо поставленный голос лился неутомимо. А затем почти незаметно со стороны ее правая рука начала двигаться.

– Как сказал бы всеми уважаемый Эмерсон...

Я наблюдал за происходившим в немом изумлении. Ее пальцы уже почти касались цепочки. А затем без малейшего изменения в исполненной достоинства позе, без кратчайшего перерыва в монологе мисс Пауэлл в одно мгновение вытащила часы из кармашка и с чисто женским изяществом сунула их под одну из диванных подушек.

Лариби ничего не заметил. Все было проделано элегантно и в течение буквально доли секунды – великолепная работа высококлассного карманника. Мое мнение о мисс Пауэлл сразу же изменилось в лучшую сторону.

– Это замечательное начинание, мистер Лариби. Уверена, оно вас заинтересует.

Но Лариби уже откровенно демонстрировал отсутствие малейшего интереса к самым замечательным начинаниям. Им, казалось, владело одно желание – вернуться на танцплощадку поближе к мисс Браш. А единственным способом сделать это было пригласить на танец мисс Пауэлл. Та приняла приглашение с удивительной охотой, и они отплыли от меня, похожие со стороны на самую заурядную семейную пару, несчастливую в браке. Но хищный блеск никуда не делся из глаз старой девы из Бостона. Я решил, что она уже определенно строит планы поработать над бриллиантовыми запонками своего партнера.

Когда они отошли подальше, я сунул руку под подушку дивана. Часы лежали там. Но не в одиночестве. Пространство под подушкой стало тайником для целого набора сокровищ. Там я обнаружил рулон бинта, пару ножниц, початую склянку с йодом и больничный термометр. Мисс Пауэлл, как озабоченная состоянием своего здоровья белка, делала на зиму медицинские запасы.

Часы я сунул себе в карман, собираясь вернуть их Лариби лично. Но оказался в затруднении, размышляя, как поступить со всем остальным. Беспомощно оглядел помещение, и мое внимание привлекла миссис Фогарти.

– Я хочу, чтобы вы кое на что взглянули, – сказал я, пригласив ее к дивану.

Ночная сиделка закатала рукава вечернего платья, как привыкла поступать с рукавами своей рабочей одежды.

– Бедная мисс Пауэлл, – зашептала она взволнованно. – Она уже почти оправилась от своей болезни и, пожалуйста, – снова взялась за воровство. А ведь какой интеллигентный человек!

– Ничего не скажу относительно интеллекта, – заметил я, – но ее пальчики стоят миллион долларов. Клептомания – таков ее диагноз, как полагаю?

Миссис Фогарти лишь кивнула, но не удостоила меня словесным ответом. Этот небольшой инцидент встревожил ее сильнее, чем я ожидал. Она собрала содержимое «клада» и показала его стоявшему неподалеку доктору Стивенсу. Я слышал, как она сказала ему:

– Вот некоторые вещи, пропавшие из вашего кабинета, доктор. Не хватает только еще пары бинтов и секундомера.

Жизнерадостное лицо Стивенса помрачнело. Пробормотав что-то о разнице между профессиями врача и сыщика, он поспешил покинуть зал.

Несколько минут спустя с танцплощадки вернулся Лариби, но уже в одиночестве. Я поздравил его со счастливым избавлением от навязчивой мисс Пауэлл, но он оставался озабоченным и заметно нервничал. Когда он садился рядом со мной, я заметил, насколько необычайно бледным выглядело его лицо. Внезапно, словно ему необходимо было на что-то решиться, он произнес очень тихо и серьезно:

– Мистер Дулут, если я задам вам один странный вопрос, вы ведь не сочтете меня сразу сумасшедшим, правда?

Между пациентами лечебницы установилось неписаное правило считать друг друга совершенно нормальными людьми. Я вежливо поинтересовался, в чем суть вопроса, подумав, что речь пойдет о часах, и уже приготовился достать их, когда он добавил:

– Скажите, вы тоже слышите или же нет тихое и очень быстрое тиканье, похожее...

Он осекся. Я знал, что он имел в виду звук биржевого тикера, но не мог заставить себя вымолвить название. На мгновение я даже подумал, что он снова оказался во власти своей иллюзии, но сразу понял свою ошибку. Потому что действительно тоже совершенно отчетливо услышал этот звук – гораздо более быстрый, чем ход обычных часов. И источник находился где-то в области левого кармана пиджака Лариби.

– Да, мне это тоже слышно, – ответил я, причем с не меньшим удивлением, чем его собственное. – Суньте руку в левый карман пиджака.

Неуверенно дрожавшими пальцами Лариби полез в карман и извлек из него круглый металлический предмет, в котором я немедленно узнал одно из приспособлений доктора Стивенса. Он использовал его для измерения пульса, кровяного давления и прочих процедур. Это был, несомненно, тот самый медицинский секундомер, о пропаже которого упомянула миссис Фогарти.

Он тикал очень быстро, и странным образом этот звук тоже вернул мне воспоминания о панике на бирже в 1929 году.

– Всего лишь секундомер, – едва слышно пробормотал Лариби. – Это простой секундомер. – Затем он повернулся ко мне и резко спросил: – Но каким же образом он попал ко мне в карман?

– Вероятно, кто-то обменял его вот на это, – ответил я, подавая ему часы.

Он в изумлении на них уставился, а потом забрал у меня часы с полной сострадания улыбкой. Вероятно, он подумал, что как раз я гораздо ближе к безумию, чем ему представлялось. Когда он ощупывал холодную платину часов, я заметил на его лице выражение почти полного блаженства.

– Вот видите, – сказал он, точно беседовал сам с собой, – меня просто пытаются запугать. Вот в чем вся суть. А я вовсе не умалишенный. Конечно же, у меня с головой все в порядке. Мне надо немедленно поставить об этом в известность мисс Браш.

Он поднялся и нетвердой походкой двинулся мимо пар на танцплощадке.

Но стоило ему оставить меня одного, как я вдруг остро ощутил густо разлитую в воздухе опасность. Я ведь сначала принял мисс Пауэлл за почти комический персонаж. Но теперь даже она казалась вовлеченной в развитие странных и весьма драматических событий, происходивших в лечебнице доктора Ленца.

Бостонская старая дева украла секундомер – в этом сомневаться не приходилось. Но она ли сама подсунула его в карман старику во время танца? Тот же ли звук доносился до меня из спальни финансиста прошлой ночью? И если да, то каким образом вещь попала из женского отделения лечебницы в мужское? Мне было достаточно хорошо знакомо устройство секундомеров, чтобы понимать: они не могут сами по себе работать долго. Кто-то должен был секундомер периодически заводить. Но кто? Мисс Пауэлл? Или же некто другой, имевший причины держать Лариби в постоянном страхе? И не мог ли пойти на такое сам миллионер, следуя какому-то сложному плану, созревшему в его собственном воспаленном мозгу?

А потом меня поразила другая мысль. Вероятность более зловещая по своим последствиям и очевидному смыслу. Душевное здоровье Лариби... Нет, как раз его полное умственное расстройство сулило лечебнице кругленькую сумму. Неужели было возможно, что...

Я сейчас многое бы отдал всего лишь за кварту ржаного напитка, который помог бы мне разобраться во всем. Но поскольку достать бутылку было так же невозможно, как дотянуться до луны, я отправился на свежий воздух. Блистательный зал с его дорогими нарядами, дорогими психиатрами и танцующими куклами начинал сильно действовать мне на нервы.

В вестибюле я надеялся встретить своего приятеля Фогарти, но там торчал один Уоррен. Я попросил у него сигарету, и мы принялись болтать. Несмотря на все свои эффективные захваты за шею, наш ночной санитар был, в сущности, грустным и вполне безобидным малым. У него неизменно присутствовал повод для огорчений, и на этот раз им послужил зять. С нехарактерной для себя откровенностью он намекнул на недостатки Фогарти как мужа, сострадав сестре, которую злая судьба подвигла взять в мужья «обманщика и плута». Он пояснил свою мысль на немудреном примере того же Билли Трента, показавшего, насколько слабым борцом был Фогарти. По его словам, зятек никогда не был чемпионом Америки. Так, добился кое-чего в Англии, но ведь всем известно, что победы над англичанами недорого стоят.

– Он боится сразиться даже со мной, – сказал Уоррен хмуро. – Потому как знает, мошенник, что я его отделаю по первое число. Однажды это случится, и вы сами убедитесь.

Впрочем, собственные слова навели Уоррена на новые, не слишком радостные мысли. Как выяснилось, в прошлом он тоже надеялся стать профессиональным борцом. У них с сестрой даже была отложена некоторая сумма денег на эти цели, но их соблазнили игрой на бирже, где они всего и лишились.

– Именно так, – продолжал он с неожиданным раздражением. – Останься те денежки при мне, я бы уже стал чемпионом. А теперь приходится присматривать за типами вроде Лариби – хотя именно из-за таких ловкачей, как он, я лишился последнего гроша за душой.

Меня порой и раньше посещали мысли о том, как складывались судьбы несостоявшихся борцов, подобных Уоррену, закончивших карьеру чемпионов, подобных Фогарти, и престарелых биржевых спекулянтов, подобных Лариби. И сейчас, оставив ночного санитаря снова одного в вестибюле, я вдруг понял, что ответ мне известен. Все они так или иначе, в одной или другой роли, но заканчивали свои дни в заведениях вроде лечебницы доктора Ленца.

Когда я вернулся в зал, танцы закончились, а большинство гостей собрались в одном углу. Поначалу я не разглядел, кто находился там в центре внимания. Потом заметил, что это был доктор Ленц собственной персоной.

С черной бородой, ярко контрастировавшей с ослепительно белой сорочкой, на которую она ниспадала, он выглядел как сам Господь Бог в те годы, когда Вседержитель был еще молод и отличался большей терпимостью. Присоединившись к общей группе, я мог ощущать мощь его личности, словно попал в ее магнитное поле. Он не стоял на месте, даруя каждому частичку своего внимания, и его слова достигали всех. Все-таки он был необычайным человеком. Интересно, подумалось мне, а сам он ощущает исходящие от него в буквальном смысле электрические разряды?

Я вернулся со смутным намерением посвятить его в подробности инцидента с секундомером, но сразу же забыл обо всем, увидев Айрис. Она снова уединилась в том же углу. Поспешив присоединиться к ней, я с искренним любопытством спросил, понравился ли ей вечер.

– Да, понравился, – ответила она почти механически, как будто я был надоевшим всем хозяином дома, которого непременно следовало поблагодарить. – Я получила большое удовольствие.

Я не видел смысла продолжать подобный разговор, а просто сидел и смотрел на нее, на ее лицо, которое сразу уподобил экзотическому цветку, на плечи, нежно белеющие в обрамлении платья цвета свежих ирисов.

Совершенно внезапно мною овладело почти неодолимое желание увидеть, как она выглядела бы на сцене. Было в этой девушке нечто... Что-то, с чем встречаешься, быть может, раз в жизни. Изящный изгиб шеи, необъяснимая красота каждого жеста – то есть именно то, что ищет для себя любой театральный деятель от Бродвея до Багдада. Так долго преданный забвению профессиональный энтузиазм взыграл во мне с прежней силой. Нужно выбраться отсюда, забрать девушку с собой и всему ее обучить. При правильной постановке дела она смогла бы стать звездой театра где угодно. Мое сознание мгновенно убежало на пять лет вперед. И это ощущение показалось мне самым здоровым, какое я только испытал за последние несколько лет.

Новые идеи все еще теснились у меня в голове, когда я вновь оглядел остальных собравшихся. Все по-прежнему оставались здесь – пациенты, персонал, гости – группируясь вокруг доктора Ленца или рядом со столами для бриджа.

А потом на моих глазах от общей толпы отделился мужчина. Сначала я не сразу узнал его и потому не обратил особого внимания. А потом понял, что это Дэвид Фенвик, наш знаменитый спирит. В черно-белом вечернем костюме он выглядел еще более эфемерным, чем обычно. Но была какая-то четкая целеустремленность в том, как он решительно продвигался к центру опустевшей танцевальной площадки.

Казалось, больше никто не замечал его, но я уже не сводил с него глаз, когда он внезапно застыл на месте и развернулся лицом к присутствовавшим. При этом он поднял руку, словно призывая к полной тишине, и даже с некоторой дистанции отчетливо различался блеск в его огромных глазах. А заговорил он неожиданно убедительным и проникновенным тоном.

– Наконец-то они прорвались сюда, – объявил он так, словно декламировал стихи. – Наконец-то мне удалось понять их сообщение. Это предупреждение для нас всех, но в особенности оно адресовано Дэниелу Лариби.

Все разом повернулись в сторону Дэвида, глядя на него в замороженном молчании. И я неотрывно следил за Фенвиком, но краем глаза заметил, как мисс Браш поспешила сдвинуться с места и устремиться к нему.

Она находилась всего в нескольких футах от молодого человека, когда он снова заговорил. И было, вероятно, что-то в его облике, заставившее ее остановиться. Потому что она тоже замерла, как и все остальные, слушая его слова:

– Вот предупреждение, посланное мне духами: «Опасайтесь Изабеллы Браш. Опасайтесь Изабеллы Браш. Она представляет опасность для всех, но особенно для Дэниела Лариби. В ней заключена угроза. Произойдет убийство...»

Затем воцарилась напряженная тишина. Несколько секунд они вдвоем стояли в центре зала, как герои пьесы на сцене: Фенвик почти в состоянии транса, мисс Браш – скованная и побледневшая.

Затем раздался чей-то голос, воскликнувший:

– Дэвид... Дэвид!

К моему удивлению, вмешался и поспешил к Фенвику доктор Стивенс. Его обычно округлое лицо сейчас вытянулось во взволнованный, переполненный эмоциями овал. Он почти нежно обнял Фенвика за плечи и что-то прошептал ему на ухо.

Когда же Стивенсу удалось увести его, чары развеялись, и зал заполнился громким гулом голосов. Мисс Браш сразу же растворилась где-то в толпе, пришедшей в оживленное движение. Морено, Ленц, миссис Фогарти, Уоррен – мне поочередно попадался на глаза кто-то из них, старавшихся по мере сил успокоить возбуждение и вернуть вечер в нормальное русло, из которого его вывело более чем поразительное выступление Фенвика.

И я, пожалуй, впервые до конца осознал, насколько искусственной, до какой степени поверхностной была претензия этого праздника казаться светским увеселением для собравшихся вместе совершенно здоровых мужчин и женщин.

Зрелище страха, почти панической растерянности среди присутствующих представлялось пугающим и печальным одновременно. Потом, уже в воспоминаниях, символом происшедшего стал для меня Франц Штрубель – низкорослый и хрупкий человечек с красивыми руками, стоявший в стороне, наблюдавший за мятущейся толпой и ритмично размахивавший перед собой воображаемой палочкой дирижера, словно пытаюсь внести хоть какой-то порядок в окружавший его хаос.

Люди мелькали мимо меня, но я никого не замечал, глядя только на Айрис. Она не тронулась с места рядом со мной, но прикрыла ладонями свое прелестное лицо.

– Убийство! – услышал я ее шепот. – Убийство! Но ведь это... Это ужасно.

Поначалу, поняв, что она плачет, я тоже почувствовал себя беспомощным и несчастным. Но внезапно мною овладела нежданная радость. Да, она была напугана, встревожена, но по крайней мере показала свою способность чувствовать и выражать чувства.

Видимо, мои нервы тоже оказались на пределе. Потому что, сам не понимая, почему это делаю, я взял ее за руку и стал горячо шептать:

– Все хорошо, Айрис! Не надо плакать. Все обязательно будет хорошо.

VIII

Но тем, на чьем попечении мы состояли, явно не казалось, что все непременно будет хорошо. Мужчин торопливо отвели во «Второй флигель», и многие из нас вели себя, мягко выражаясь, непредсказуемо. Фенвика не было видно вообще. По каким-то своим причинам не появилась в мужском флигеле и мисс Браш. Бледного как мел и до смерти перепуганного Лариби уложила в постель миссис Фогарти.

Остальных почти силком загнали в курительную комнату. Последние минуты перед отходом ко сну я поневоле провел, общаясь с Билли Трентом, совсем потерявшим голову от волнения из-за мисс Браш.

- Ведь это ничего не значит, верно, Пит? Нам вовсе не следует опасаться мисс Браш.
- Нет, Билли, не следует, – заверил я его. – Нам наговорили кучу чепухи.
- А еще это убийство. Как насчет него?
- Тоже чушь.

Мне показалось, что я вполне преуспел в желании развеять тревоги юнца. Но вот себя самого убедить с такой же легкостью мне никак не удавалось. Я, разумеется, не верил ни в какие предсказания духов, но уж больно странным получилось совпадение: в течение всего лишь суток три человека слышали зловещее пророчество: «Произойдет убийство».

Когда я уже лежал в постели, эти два слова продолжали повторяться в сознании. Сначала произнесенные моим собственным голосом прошлой ночью. Затем в интерпретации Геддеса перед самым утренним припадком. И под конец продекламированные почти не владевшим собой Фенвиком посреди зала в присутствии десятков свидетелей.

Но если убийство действительно неминуемо, задался вопросом я, то кто же станет жертвой? Любое происшествие дня – тривиальное, любопытное или зловещее – непременно указывало только на одну персону, на человека, занимавшего палату рядом с моей. На Дэниела Лариби.

Интересно, размышлял я, неужели Ленц все еще считает череду странных инцидентов просто плодами чьих-то враждебных происков? Или он все же начал понимать, что все гораздо серьезнее и имеет глубокий, тревожный смысл? Ведь Лариби нажил себе немало врагов, причем уже непосредственно в этой лечебнице. Даже если вполне душевно здоровый человек задумал разделаться с ним, то трудно было бы найти для осуществления своего замысла более удобное и безопасное место, чем больница для людей с отклонениями в психике.

Мои раздумья приводили к настолько мрачным выводам, что я решил пока отбросить их и попытаться заснуть. Что мне и удалось.

На следующее утро меня разбудил проникший в комнату солнечный свет. Я понятия не имел о времени своего пробуждения, потому что в палатах часов держать не разрешали.

Я чувствовал нечто близкое к легкому похмелью, но в этом ощущении для меня тоже не было ничего нового. Потом я еще немного повалялся в постели, дожидаясь Фогарти, чтобы тот отвел меня в кабинет физиотерапии. Но он не появлялся. Мое терпение лопнуло, и, надев халат, я вышел в коридор в попытке найти его.

Часы на стене показывали без двадцати восемь. Фогарти задерживался на десять минут. Я ожидал увидеть хотя бы его жену, но маленький альков оказался пуст, и в коридоре ее тоже не было. Более того, я вообще никого не увидел. Меня окружала необычная для подобной лечебницы атмосфера заброшенности и безнадзорности.

Я знал, что физиотерапевтический кабинет всегда запирали, а ключ носил при себе Фогарти. Попасть туда без него представлялось невозможным. Но я все равно отправился в том направлении. Подумал, что бывший чемпион вполне уже может быть на месте.

Но дверь оказалась на замке. И я был почти готов вернуться с легким чувством досады обратно в постель, когда заметил в замочной скважине ключ. Признаюсь, это удивило меня, потому что с проявлениями забывчивости или небрежности со стороны сотрудников доктора Ленца приходилось сталкиваться крайне редко. Любопытство заставило меня взяться за ручку двери и открыть ее.

Кабинет физиотерапии всегда напоминал мне помещение турецкой бани, но только без самой турецкой бани. Вдоль одной стены располагались разного рода электрические приспособления, вдоль другой – душевые кабинки, а в третьей оборудовали небольшие ниши, где нам делали массаж и заставляли терпеть прочие болезненные, но полезные для здоровья процедуры.

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы не увидеть Фогарти у стены с электроприборами. Я окликнул его по имени и пошел к душевым. Там его тоже не было. Затем на пороге одной из ниш я заметил валявшийся на полу костюм, который был на нем накануне вечером. На мгновение пришла мысль, что он сам улегся на массажный стол и делает разминку, чтобы окончательно протрезветь.

Отдергивая занавеску, я улыбался. А потом внезапно и мгновенно понял, что имеют в виду писатели под фразами типа «улыбка застыла у него на губах». У меня на языке вертелся какой-то шуточный упрек Фогарти за несоблюдение пунктуальности, но слова застряли комом в горле.

На мраморном столе в крошечной нише лежало нечто настолько страшное, что не могло привидеться даже в приступе белой горячки.

«Произойдет убийство». К этой мысли я даже успел привыкнуть, но оказался совершенно не готов к чему-то подобному.

До меня доносился звук, многократно отражавшийся от каменных стен и полов, – приглушенный, но устойчивый. Это стучали мои зубы, как стучали они в первые безалкогольные дни по прибытии в лечебницу.

Какое-то время я не мог рассуждать сколько-нибудь ясно, но как только здравомыслие вернулось, стало понятно, что у меня нет галлюцинации. «Это» все еще лежало там, на мраморной крышке стола, и «этим» был Джо Фогарти.

Ни следов крови, ни ранений. В шок повергало само по себе положение его тела. Он лежал на животе в одних трусах и носках. А верхнюю часть торса Джо стягивало странное одеяние, которое я не сразу распознал, не говоря уже о его назначении. Лишь постепенно на память пришли картинки, какие мне доводилось видеть, и я понял, что это – смирительная рубашка.

Ее крепким полотном был обмотан мощный обнаженный торс Фогарти. Руки прижаты к бокам. Шея обмотана жгутом из разорванного на полосы полотенца. Другой конец жгута был прикреплен к лодыжкам, из-за чего голени и голова оказались задраны вверх. Поза тела напоминала ныряльщика с вышки, застывшего в воздухе в начальной фазе прыжка. Я мельком заметил, что ноги Фогарти связаны его же галстуком и брючным ремнем, а носовой платок засунуть в рот наподобие кляпа.

Все это, вместе взятое, напоминало произведение современной модернистской скульптуры, символизировавшей апофеоз страдания. Но самым страшным было ощущение физической силы этого человека, проявлявшейся в громаде мощного торса, рельефной мускулатуре, каждая мышца которой словно стремилась разорвать путы. Разорвать даже сейчас, когда смерть настигла его.

Да, Фогарти был мертв. Инстинкт подсказал бы мне это, даже если бы я не так отчетливо видел жгут из полотенца, затянутый на его бычьей шее, и неестественно вывернутую голову, оттянутую слишком далеко назад весом его крепких ног. Мне и сейчас не хочется вспоминать выражение муки на искаженном болью лице, отчаяние в мертвых глазах.

Внезапно на меня нахлынуло понимание, что я нахожусь наедине со смертью. Один, в маленькой комнатке, отделанной камнем, как кладбищенский склеп. Мной овладел приступ жестокой клаустрофобии – жуткий страх, что я сойду с ума, если останусь еще хоть на минуту в этой тесной келье с низким потолком.

Вспомнив о ключе в замочной скважине, я поспешил покинуть кабинет, дрожащими руками заперев дверь. Потом сунул ключ в карман, огляделся по сторонам коридора и пошел вперед.

Мои мысли беспомощно путались. Но в сознании стала крутиться одна и та же фраза:

«Доктор Ленц... Я должен пойти к доктору Ленцу...»

Повернув за угол коридора, я сначала даже не заметил Морено. Он, как мне показалось, взялся буквально ниоткуда, стоя прямо на моем пути и глядя на меня темным, всегда пристальным и чуть обжигающим взглядом.

– Вы сегодня рано поднялись, мистер Дулут.

Мои пальцы в кармане халата с силой сжали ключ.

– Мне нужно повидаться с доктором Ленцем, – сказал я с неожиданной решительностью.

– Доктор Ленц еще не проснулся.

– Но мне крайне необходимо поговорить с ним.

Глаза Морено так и рвались проникнуть в меня в стремлении прочесть мои мысли.

– Вы вернетесь в свою комнату сами, мистер Дулут? Или мне проводить вас?

– В мои намерения не входит возвращение в свою комнату. – Я сделал короткую паузу, собираясь с духом, а потом добавил: – Произошло нечто очень серьезное.

– Неужели?

– Нечто, о чем пока лучше будет знать только доктору Ленцу. Вы позволите мне пройти?

– Послушайте, мистер Дулут...

И Морено по привычке взялся успокаивать меня в своей обычной манере. Внезапно я понял: бессмысленно скрывать то, что видел. Морено так или иначе все очень скоро станет известно.

– Пойдемте со мной, – сказал я угрюмо.

Он пошел за мной до физиотерапевтического кабинета. Я отпер замок, но не смог заставить себя даже приблизиться к той нише. Когда Морено снова задергивал шторы, я видел, как у него отвисает челюсть. Но голос оставался резким и почти угрожающе спокойным.

– Когда вы его обнаружили?

Я ответил.

Медленно, нарочито неспешно он достал из кармана носовой платок и приложил ко лбу.

– Ну? Теперь вы позволите мне пойти к доктору Ленцу? – спросил я.

– Мы пойдем к нему вместе, – тихо произнес Морено.

IX

После разговора с доктором Ленцем мною овладел припадок нервной дрожи. Меня уложили в постель, а потом бледная и очень серьезная мисс Браш принесла мне в палату завтрак. После чашки черного кофе я почувствовал себя немного лучше и привел свои мысли в относительный порядок.

Но и при этом все представлялось мне совершенно лишенным смысла. Эта страшная и совершенно неожиданная смерть только еще больше все запутала, дополнив невнятицу, созданную за последние двадцать четыре часа постепенно нараставшим числом разнообразных инцидентов. Еще прошлой ночью мною овладело предчувствие опасности, но угроза казалась направленной против Дэниела Лариби и мисс Браш. Фогарти никак не вписывался в общую схему. Трудно было себе представить, зачем кому-то понадобилось убивать санитаря только с одним недостатком в характере – излишней хвастливостью.

Но еще более невероятным виделся сам способ убийства, мысль о том, что кто-то смог расправиться с ним столь зверски. Для этого требовалась чудовищная сила. Поистине сила сумасшедшего. Одержимого убийством маньяка.

Маньяк! Мне припомнилось выражение лица Ленца, когда он сказал: «В данный момент в моей лечебнице находится человек, которому у нас уже не место». Ленц, вероятно, считал убийство делом рук умалишенного. А вот мои инстинкты подсказывали, что все обстояло вовсе не так. Происшедшее виделось мне намеренной симуляцией действий сумасшедшего, преступлением, которое совершил абсолютно нормальный человек. Что было еще страшнее.

Я с облегчением воспринял новое появление мисс Браш, которая предложила мне встать с постели.

Направляясь в библиотеку, я надеялся застать там Геддеса, чтобы успокоиться за партией на бильярде. Но его там не оказалось. Комната была пуста, если не считать Штрубеля, сидевшего в кожаном кресле и смотревшего прямо перед собой с выражением неопишуемой грусти на чувственном лице.

Когда я вошел, знаменитый дирижер поднял взгляд и улыбнулся. Меня это удивило, потому что прежде он никогда не обращал на таких, как я, ни малейшего внимания. Я приблизился, а он тихо сказал:

– В каком же трагическом мире мы живем, мистер Дулут. Причем не всегда понимаем, что страдаем в нем не мы одни. – Я хотел попросить его подробнее пояснить смысл этих слов, но он остановил меня, подняв красиво очерченную руку. – Когда прошлой ночью я лежал в темноте, мною овладела глубокая печаль. Я звонком вызвал миссис Фогарти. Она пришла, и я сразу заметил, что она плакала. А ведь я никогда прежде не задумывался об этом. Даже в голову не приходило, что простая медсестра может переживать ту же грусть, которая так хорошо знакома мне.

Внезапно его слова вызвали у меня живейший интерес. Было странно представить себе сиделку с вечно суровым лицом плачущей. Странно и удивительно.

Прошлой ночью она никак не могла знать, что произойдет с ее мужем. Неужели она, как и многие из нас, тоже слышала тот пророческий голос? Я надеялся услышать продолжение рассказа Штрубеля, но в этот момент вошла мисс Браш и сообщила, что меня снова хотят видеть в кабинете доктора Ленца.

Мисс Браш сама взялась проводить меня к нему. Пока она бодро шагала рядом со мной, я не без любопытства всматривался в нее. Она выглядела вполне жизнерадостной, но я подозревал за этим лишь позу, такую же искусственную, как и румянец на ее щеках. Я прямо спросил, смутила ли ее сцена, которую закатил накануне Фенвик. На ее губах немедленно заиграла штампованная профессиональная улыбка.

– Мы всегда готовы к подобным ситуациям, мистер Дулут. Поначалу доктор Ленц решил, что будет лучше на время перевести меня в женское отделение. Но в итоге все оставили как есть.

О Фогарти мы вообще не упоминали.

Она рассталась со мной у дверей кабинета доктора Ленца. Сам он сидел за своим рабочим столом с угрюмым выражением на бородатом лице. Здесь же присутствовали Морено и доктор Стивенс. Двое мужчин в штатских костюмах стояли, прислонившись к стене, а на том месте, которое обычно предназначалось для пациентов, расположился солидный персонаж, представленный мне Ленцем как капитан Грин из отдела по расследованию убийств.

Впрочем, на меня никто больше не обращал особого внимания. Ленц сам кратко рассказал, как я обнаружил труп, а потом продолжил рассуждения, явно прерванные моим появлением:

– Как я уже начал вам объяснять, капитан, мне необходимо кое о чем вас предупредить, прежде чем вы приступите к расследованию непосредственно в стенах лечебницы. Как гражданин своей страны я наделен обязанностями перед государством, которые заключаются в том, чтобы содействовать свершению справедливости. Но как на психиатре на мне лежит даже более важная ответственность, и я говорю об ответственности перед пациентами. Их душевное здоровье целиком в моих руках. Я отвечаю за каждого из них и потому вынужден категорически запретить любые перекрестные допросы. – Грин скривился в ухмылке. – Любое подобное потрясение, – продолжал Ленц, – может нанести непоправимый вред. Разумеется, доктор Морено и другие сотрудники сделают все от них зависящее с максимальным тактом, но я не могу допустить никакого более прямого вмешательства с вашей стороны.

Грин чуть заметно кивнул, а потом бросил на меня подозрительный взгляд. Как я полагаю, он принял меня за одного из тех чрезвычайно чувствительных пациентов, о которых шла речь.

Ленц, по всей видимости, уловил смысл его взгляда. С небрежной улыбкой он заверил полицейского, что я несколько отличаюсь от остальных пациентов и, вероятно, смогу быть полезен.

– С мистером Дулутом вы можете быть вполне откровенны, капитан.

Из последовавшего затем разговора между капитаном и Ленцем мне стало ясно, что Фогарти был мертв уже три или четыре часа к моменту, когда я обнаружил его тело. В последний раз санитары видели живым вчера. Он покинул зал, посчитав свою рабочую смену законченной. Как выяснилось, миссис Фогарти и Уоррен уже подверглись допросу. Они не смогли сообщить ничего существенного, но полностью отчитались в том, где и в какое время каждый из них находился в течение минувшей ночи.

Пока Ленц и капитан обменивались вопросами и ответами, Морено хранил хладнокровное молчание. Но под конец не выдержал, склонился вперед в своем кресле и несколько раздраженно сказал:

– А вы не считаете вполне возможным, что мы имеем дело с обыкновенным несчастным случаем? В конце концов, остается совершенно непонятным, кто мог желать смерти Фогарти. Быть может, виной всему, например, розыгрыш, имевший столь печальные последствия?

– Если это был розыгрыш, – язвительно заметил Грин, – то у кого-то в вашем заведении весьма своеобразное чувство юмора. Для несчастного случая обстоятельства выглядят чересчур странно. А вот если это преднамеренное убийство, то, признаюсь, оно из числа наиболее хитроумных, с которыми мне доводилось иметь дело.

Присутствующий здесь доктор Стивенс высказал мнение, что нет никакой возможности точно определить, когда именно на убитого надели смирительную рубашку. Это могло быть сделано в

любое время прошлой ночью, а тот, кто совершил убийство, сумел обеспечить себе стопроцентное алиби.

– И преступление совершено не просто умно, – снова негромко подал голос доктор Стивенс. – Это настолько жестокое убийство, какое только можно себе вообразить. – Его обычно гладкое лицо побледнело, на нем проявились не столь заметные прежде морщины. – Медицинский эксперт, как и я сам, пришли к выводу, что Фогарти, по всей видимости, оставался в сознании до самого конца. Таким образом он мог умирать в мучительной агонии в течение шести или даже семи часов. Кляп не позволял ему позвать кого-либо на помощь, а малейшая попытка освободиться от пут только ту же стягивала петлю на шее. Именно постепенное натяжение жгута из полотенца в результате ослабления икроножных мышц и привело в итоге к смерти от удушья. – Он опустил взгляд на свои руки. – Мне остается только надеяться, что доктор Морено прав, и смерть стала следствием несчастного случая. Врачам хорошо известны инциденты с людьми, которые экспериментировали, сами себя связывая.

– В самом деле? – нетерпеливо вмешался Грин. – Они что же, сами надевали на себя смирительные рубашки, а потом затягивали веревки на шее и на лодыжках одновременно? Подобные трюки никакому Гудини не под силу. Нет, сэр. Либо мы расследуем убийство, либо мне самому пора ложиться к вам на лечение.

Затем он резко повернулся ко мне и попросил подробно описать, каким образом я сделал свое открытие в кабинете физиотерапии. Пока я говорил, он не сводил с меня взгляда, исполненного подозрительности, словно ожидал, что в любой момент я могу перейти на невнятное бормотание, а потом по-обезьяньи вскарабкаться на портьеру. Когда же я закончил, он спросил:

– Как относились к Фогарти другие пациенты? Он был им симпатичен?

Я сообщил ему, что бывший чемпион по борьбе пользовался симпатией среди всех нас, а, по слухам, был еще и дамским любимцем. Капитан потребовал подробностей, и мне пришлось поведать ему о желании покойного попасть в шоу-бизнес и о его гордости своей физической силой.

– Вот в том-то и дело! – почти в отчаянии воскликнул Грин. – С человеком такого телосложения потребовалось бы шесть или семь обычных мужчин, чтобы впихнуть его в смирительную рубашку. А наш медицинский эксперт и доктор Стивенс в один голос утверждают, что на теле нет никаких следов насилия. Его кровь проверили в вашей же лаборатории, и тест показал отсутствие успокоительного. И я не понимаю, как с ним такое проделали, если только... – Он неожиданно прервался и пристально посмотрел на доктора Ленца. – Все это представляется мне каким-то безумием, – продолжил он затем, – но вы можете полностью исключить возможность, что в вашем заведении завелся некто гораздо более опасный, чем вам кажется? Настоящий маньяк? Предполагается, что такие люди наделены сверхъестественной силой и получают неизъяснимое садистское удовольствие, наблюдая за муками и болью других.

Я с интересом наблюдал за Ленцем. Эта теория отлично вписывалась в его собственные недавние рассуждения о «подрывной деятельности». Но, к моему удивлению, его взгляд стал вдруг необычайно жестким. Садизм, холодно объяснил он, очень часто свойствен самым нормальным людям. Но немотивированное убийство предполагает развитие слабоумия в такой степени, какая не встречается ни у одного из пациентов данной лечебницы. Он был готов дать возможность любому государственному эксперту изучить состояние своих подопечных, но только не видел в этом никакой необходимости.

– По той простой причине, – продолжал он тем же холодным тоном, – что ни один склонный к убийствам маньяк не смог бы совершить столь тщательно продуманного преступления. Когда маньяк убивает, он делает это в момент острого душевного и эмоционального расстройства. Ему не хватит терпения стянуть свою жертву смирительной рубашкой и столь мудреным образом связать ее. Даже если он обладает для этого необходимой физической силой и ему предоставляется удобный случай.

Но Грина, кажется, эти аргументы не убедили.

– Пусть так. И все же мог ли один из ваших пациентов никем не замеченным проникнуть ночью в кабинет физиотерапии?

– Вероятно, мог, – ответил Ленц, поглаживая бороду сверху вниз. – Я, видите ли, не верю в необходимость слишком жесткого режима и ограничений. Для того типа пациентов, которых я лечу, важна атмосфера, максимально приближенная к нормальной. Вот почему мне хочется сделать свое учреждение по мере возможности похожим на отель или своеобразный клуб. И если пациенты не создают особых проблем и не причиняют неприятностей персоналу, то пользуются достаточно большой степенью свободы.

– Даже свободы добыть смирительную рубашку? – мгновенно задал вопрос Грин.

– Нет, разумеется, – на этот раз в разговор вмешался Морено. – У нас в лечебнице их всего-то две. Мы с доктором Ленцем едины во мнении, что они не только неэффективны и старомодны, но даже опасны. У нас вообще не прибегают к мерам насилия без особой необходимости. А смирительные рубашки предназначены для действительно экстремальных ситуаций. Они хранились под замком в стенном шкафу кабинета физиотерапии. Только Фогарти и Уоррену были выданы ключи. Я вообще сомневаюсь, чтобы кто-то другой во всей лечебнице даже догадывался об их наличии.

Внезапным озарением мое сознание пронизало воспоминание о разговоре прошлым вечером с чрезвычайно расстроенным Уорреном.

– Едва ли это важно, но лучше упомянуть о том, что мне известно, – сказал я. – Я сам слышал, как Фогарти и Уоррен постоянно говорили о том, что как-нибудь устроят тренировочную борцовскую схватку между собой, чтобы помериться мастерством. Быть может, они воспользовались смирительной рубашкой в качестве средства испытать силу каждого, и произошел несчастный случай в соответствии с предположением доктора Морено?

Ленц и Морено при этом обменялись быстрыми взглядами.

– Вот видите, – с надеждой сказал доктор Стивенс, – оказывается, такое объяснение случившегося вполне возможно. И оно бы удовлетворило всех.

Грин усмехнулся. Его реакция осталась не вполне понятной. Он задал мне еще несколько вопросов, а потом сказал:

– Существует и другая вероятность. Мистер Дулут обмолвился, что Фогарти пользовался успехом у слабого пола. Очевидно, что никакому мужчине не удалось бы так связать покойного против его воли. А вот женщина легко могла убедить его самого надеть на себя смирительную рубашку. Вы говорите, он гордился своей силой. Тем проще оказалось бы бросить ему вызов и попросить продемонстрировать мощь мускулатуры. А как только он оказался скован рубашкой, даже дамочка запросто справилась бы с остальным.

Я сразу же вспомнил позавчерашнюю сцену с участием Фогарти и мисс Браш. Шутку, которая так скандально закончилась вмешательством юного Билли Трента. Я догадался, что Морено тоже припомнил нелепый эпизод, судя по тому, как чуть порозовели его смуглые щеки. И прежде чем я сам решил, упоминать об этом или нет, Морено внезапно заявил:

– Мистер Дулут еще не полностью оправился от шока, вызванного подобной находкой, а ему противопоказано слишком перегружать нервную систему. И если у капитана больше нет к нему вопросов, я бы рекомендовал отпустить его.

Грин пожал плечами, а доктор Ленц кивнул в знак согласия. Когда Морено направился ко мне, я не мог не поразиться его стремлению поскорее избавиться от моего присутствия. Но не только это озадачило меня. Как и я сам, Ленц прекрасно знал о странных происшествиях в лечебнице. Он сам совсем недавно был первым готов привлечь к ним мое внимание. Но в присутствии Грина предпочел о них умолчать.

Морено проводил меня до двери и чуть задержал на пороге.

– Надеюсь, вы понимаете, – процедил он сквозь зубы, – что вам нельзя ни о чем рассказывать другим пациентам, мистер Дулут. И не советую слишком забивать этим голову себе самому. Вы все-таки еще не до конца вернулись к норме, знаете ли.

Х

Уже выйдя в коридор, я услышал за спиной голос доктора Стивенса:

– Если я пока больше не нужен вам, джентльмены, то разрешите и мне вернуться в свой кабинет. Как только понадобится снова, найдете меня там.

Затем он поспешил покинуть комнату и присоединиться ко мне в коридоре. Некоторое время мы шли молча, хотя меня не покидало ощущение, что ему хочется о чем-то меня спросить. И он оправдал мои ожидания, воскликнув с несколько напускной бодростью:

– Что ж, Дулут, не самое лучшее для нас всех выдалось начало дня, но это не значит, что мы должны изменять обычное расписание. Не отправиться ли вам ко мне в хирургическую прямо сейчас? Мы бы сразу покончили с вашим ежедневным осмотром.

Я согласился и последовал за ним в его владения – в одно из тех сверкающих чистотой и образцовой гигиеной больничных помещений с покрытыми белой краской шкафами и столиками со стеклянными поверхностями. Есть в каждом хирургическом кабинете нечто, неизменно наводящее на меня тоску. Запах антисептика, блеск стали скальпелей на полках шкафов, рулоны бинтов – все это почему-то вызывает у меня мысли о бренности человеческого бытия и неизбежности конца. Я сел на жесткий стул, наблюдая, как Стивенс беспокойно меряет кабинет шагами, заложив руки за спину. Пухлыми розовыми щеками и фарфоровыми голубыми глазами он напоминал перезрелого херувима, нагло выдававшего себя за взволнованного чем-то врача.

Он рассеянно задал мне серию обычных вопросов, записывая ответы какими-то загадочными иероглифами в моей истории болезни. Но затем не отпустил, а сам уселся напротив меня, глядя поверх набора хирургических инструментов и марлевых бинтов с ватой.

– Что вы думаете обо всем этом? – спросил он без обиняков.

Постепенно я уже начал привыкать к своей роли: что-то вроде стукача в тюрьме, доверенного лица начальства. По всей видимости, в психушке именно не вполне излечившиеся алкоголики вызывали у персонала желание прислушаться к их мнению.

– Ни о чем я в особенности не думаю, – устало ответил я.

– Но ведь этот тип из полиции – Грин, – упорствовал нервный херувим, – не хочет даже рассматривать вероятность несчастного случая.

– Мое театральное образование подсказывает мне, что люди, найденные мертвыми и связанными столь необычным образом, неизменно оказываются жертвами жестоких преступлений, – отозвался я, стараясь под воздействием чистейшего инстинкта самосохранения говорить об этом ужасном деле несколько легкомысленным тоном. – Вы скажете, нет мотива. Но разве требуется какой-то мотив в заведении, подобном этому?

– Вот в том-то и загвоздка! – Стивенс вскочил на ноги, дошел до стенового шкафа, а потом вернулся и сел на прежнее место. – Послушайте, Дулут, я хочу задать вам вопрос, но чтобы все осталось строго между нами. Понимаете, я ведь не психиатр. Я самый обычный медик, чья обязанность следить за вашим общим состоянием здоровья и помогать при несварении желудка. Но меня до крайности заинтересовало это чудовищное происшествие, и мне хотелось бы знать, есть ли у вас как у пациента лечебницы какие-то подозрения. Разумеется, я не имею права требовать ответа, но все же...

– Боюсь, на этот счет у меня нет никаких соображений, – поспешил перебить его я. – Но я бы сразу же с вами поделился, если бы они были. Наблюдения за моими товарищами по несчастью подсказывают, что все они достаточно безобидны, и я сам, например, не ощущаю с их стороны никакой угрозы для своей жизни.

Стивенс схватил со стола стетоскоп и принялся нервно крутить его в руках.

– Отрадно слышать это от вас, Дулут. У меня есть особая причина для тревоги. Дело в том, что один мой родственник находится здесь на излечении. Речь идет о моем сводном брате. Он был в ужасном состоянии, и я убедил его приехать сюда из Калифорнии, поскольку высоко ценю талант доктора Ленца. Теперь вам стала яснее моя проблема? Если существует реальная опасность, мне бы не хотелось, чтобы он и дальше оставался здесь. Но в то же время для меня крайне нежелательно отсылать его домой, если в том нет действительно насущной необходимости. Ко мне здесь все прекрасно относятся, а как штатный сотрудник лечебницы я имею некоторый

финансовый интерес, связанный с ней. Если я отправлю отсюда своего сводного брата, то подам дурной пример остальным, и через двадцать четыре часа мы можем вообще остаться без пациентов.

– Мне понятны ваши сложности, – пробормотал я, все еще поражаясь своей способности вызывать людей на непрощенную откровенность. – Однако в данный момент я в силу известных вам обстоятельств мало подхожу на роль советчика в моральных вопросах.

– Конечно, Дулут, конечно! – Розовое лицо Стивенса на миг осветилось улыбкой, но сразу же вновь стало серьезным. – И все-таки, если смерть Фогарти стала делом рук одного из пациентов, – очень медленно произнес он, – то я вижу простейший способ это выяснить.

– Каким же образом?

– С помощью психоанализа. Я уже внес такое предложение, но Ленц и Морено не одобрили его, и я могу лишиться работы, если начну излишне настаивать. Совать нос не в свое дело, как принято говорить.

Он примолк и посмотрел на меня. На мгновение мне показалось, что сейчас он предложит мне стать его помощником в неофициальных психологических экспериментах. Но он не сделал ничего подобного. Лишь помотал головой и сказал:

– Очень жаль, что Ленц не хочет даже попробовать.

– Но с какой стороны вы бы взялись за такую задачу?

– С помощью элементарного процесса выяснения ассоциаций, связанных с отдельными словами. Меня всегда интересовала эта презируемая многими профессионалами психологическая методика. – Стивенс с легким стуком положил стетоскоп на место. – Требуется только употребить некое ключевое слово, связанное с преступлением, и проследить за реакцией пациента.

– А ключевым словом вы бы избрали, например, фамилию Фогарти? – спросил я, неожиданно заинтересованный.

– Только не в этом случае. Слишком опасно. Пациент может быть в любом случае взволнован смертью Фогарти, и тогда мы только нанесем вред его психике. Здесь необходима крайняя осторожность.

– Тогда, быть может, «смирительная рубашка»? – предположил я.

– Решительно не подходит, – легкая улыбка промелькнула на губах Стивенса. – В лечебнице нашего типа подобное слово вызовет непредсказуемо бурную реакцию у каждого. Это должна быть фраза, которая в обычном контексте имела бы совершенно невинный смысл. Быть может, вы вспомните что-то, особенно поразившее вас, когда вы обнаружили... э-э-э... труп? Но я, кажется, оседлал своего любимого конька. Простите меня, Дулут. – Он поднялся со смущенным видом, будто понял, что вышел за рамки дозволенного. – Забудьте все, что я вам тут наговорил, – пробормотал он. – Вероятно, я слишком перенервничал. Но я в самом деле крайне обеспокоен. Все-таки он мой сводный брат.

Покинув хирургический кабинет и направляясь в сторону «Второго флигеля», я вдруг осознал, что меня чрезвычайно занимает фигура этого самого сводного брата. Кто из моих товарищей-пациентов, гадал я, имеет негласные родственные связи с сотрудником лечебницы? А потом мне вспомнилось неожиданное выступление Фенвика в актовом зале прошлым вечером. Пришло на память, как рванулся к нему в тот момент Стивенс с восклицанием: «Дэвид... Дэвид!»

Несостоявшийся психоаналитик, как я догадался, и приходился, стало быть, сводным братом спириту.

Я был так поглощен своими размышлениями, что поначалу не обратил внимания на девушку со шваброй, мывшую пол у меня на пути. А если и обратил, то не придавал этому значения, – она выглядела для меня просто одной из тех безликих женских фигур, которых я по временам видел за мытьем и чисткой помещений лечебницы. Только уже вступив на влажный, минуту назад протертый тряпкой на швабре участок пола, я разглядел уборщицу. И совершенно опешил, потому что увиденное представлялось полной бессмыслицей.

Это была Айрис Пэттисон в белом фартуке и симпатичной белой шапочке, прикрывавшей темные волосы. Причем она орудовала шваброй с более чем профессиональным рвением.

– Не надо топтаться там, где я только что навела чистоту, – сказала она, и в выражении ее лица, когда она подняла его, теперь читалась не грусть, а почти чистейшее раздражение.

Но я едва ли слышал эти слова. Меня слишком поразил ее вид, ее движения. Она могла всего лишь манипулировать шваброй, но и сейчас в ней сквозило нечто... Нечто, снова возродившее во мне ощущение театра, взволновавшее как человека сцены. Артикуляция губ, тонкий профиль, когда она стояла вполборота ко мне, чуть приоткрытый рот – все казалось великолепным. Сам того не сознавая, я словно снова вернулся в театр в разгар репетиции.

– Превосходно! – воскликнул я. – Теперь повернитесь и идите туда. Вот так... Но только не нужно торопливости... Голову чуть склоните влево, чтобы она попала в свет рампы... Да, уже намного лучше!

Она уставилась на меня одновременно с тревогой и разочарованием во взгляде, как будто прежде надеялась, что я не такой полоумный, как остальные, но поняла свою ошибку. Я же был слишком возбужден и ничего не замечал. Ухватив ее за руку, я спросил:

– Мисс Пэттисон, вы когда-нибудь играли в театре?

– Вам... Вам лучше уйти, – сказала она. – Мужчинам нельзя здесь долго находиться.

– Не уйду, пока не ответите, играли или нет.

– Не знаю, зачем вам это. Нет, не играла. И прекрасно знаю, что актрисы из меня не получится.

– Нонсенс! Вам и не надо владеть актерским мастерством. Ему смогу обучить вас я. Понимаете, у вас есть для этого все данные, – я сделал рукой широкий жест. – Послушайте, мисс Пэттисон. Когда вы выйдете отсюда, я займусь вами по-настоящему. Если у вас хватит терпения и трудолюбия, то через полгода вы сможете выступать на любой сцене. И... – я осекся, потому что выражение ее лица слишком многое говорило даже мне в нынешнем перевозбужденном состоянии. – И не думайте, что перед вами сумасшедший, – добавил я на всякий случай. – Я действительно театральный режиссер с Бродвея. А сюда попал, потому что стал много пить, но мне уже намного лучше. Все, что я вам сказал, отнюдь не бред умалишенного. Это правда.

На ее губах появилась чуть заметная улыбка.

– Боже, какое облегчение, – произнесла она. – А ведь я и в самом деле решила...

– Хотя все театральные режиссеры немного сумасшедшие, – отважился пошутить я. – Но какого черта вы делаете здесь с этой шваброй?

– Доктор Ленц назначил мне мытье коридоров. – Лицо Айрис снова приобрело сугубо деловое выражение, словно она действительно была уборщицей со сдельной оплатой труда. – Он сказал, что за всю свою жизнь я никогда не занималась ничем полезным. Но мне нравится такая работа.

На мой взгляд, ста долларов в неделю было многовато за привилегию драить тряпкой грязные полы в лечебнице. Но все же Ленц, видимо, знал, что делал, владея всеми нюансами психиатрии. Айрис трудилась увлеченно, без притворства.

Я сказал ей, что она хорошо справляется, и молодая женщина по-детски обрадовалась комплименту. На секунду белый цветок ее лица вспыхнул радостным сиянием.

– Тот коридор я уже успела помыть, – с гордостью информировала меня она.

Зная, насколько мало может представиться в будущем возможностей побыть с ней наедине, я не мог заставить себя уйти. Мне хотелось столько всего ей сказать, но совершенно внезапно все мое красноречие куда-то подевалось. И я вдруг завел речь о событиях прошлого вечера, выразил сожаление, что спиритическая выходка Фенвика и его тревожное предупреждение так сильно расстроили ее.

И почти сразу понял, что зря упомянул об этом, столь глупо напомнил о печальных событиях. Она сразу же отвернулась и принялась скрести шваброй в углу.

– Но меня расстроило вовсе не это, – неожиданно и очень тихо сказала она потом.

– Не это?

– Нет, – ее голос звучал чуть слышно. Она снова повернулась ко мне, и я заметил слезы в глазах. – Просто я кое-что услышала.

Я мгновенно насторожился. Воспоминания о гибели Фогарти и прочих пугающих происшествиях последних дней внезапно заполнили мое сознание, заставив даже слова этой очаровательной девушки прозвучать зловеще.

– Это был голос, – продолжала почти беззвучно шептать она. – Я не знаю, кому он принадлежал, но я расслышала его в толпе. Он произнес странную фразу: «Дэниел Лариби убил вашего отца. А теперь вы должны убить его». – Она подняла взгляд, посмотрев на меня одновременно и вопросительно, и с мольбой о помощи. – Я знаю, что мистер Лариби отчасти

повинен в смерти папы. Мне все понятно. Я отчетливо помню, как это было. Но ведь я не должна убивать его за это, верно?

Во всей сцене присутствовало нечто невыразимо печальное. Мне стало почти в буквальном смысле дурно при мысли, что теперь и Айрис оказалась втянута в подобную дикость. Я не сомневался в ее полнейшем душевном здоровье. Какой-то инстинкт, который был сильнее любых рациональных доводов, подсказывал мне: это еще одна примета злонамеренного плана, который на наших глазах кто-то приводил в исполнение. Айрис нуждалась в моей поддержке, а я сейчас мало подходил на роль надежного защитника. И все же попытался объяснить ей суть происходящего, чтобы она не впадала в ошибку. Пусть даже она слышала голос, это был всего лишь кто-то, пытавшийся запугать ее.

Но она даже удивила меня своей реакцией.

– Да, так и есть. Я не верю в существование духов или в потусторонние голоса. Здесь психиатрическая больница, а я стараюсь привести свои мысли в порядок. Хочу же только одного – чтобы меня оставили в покое. И на этот голос я бы не обратила внимания, если бы только твердо знала сама, что не следует поступить так, как мне нашептывают.

Я наговорил ей кучу глупостей, желая приободрить, но, скорее всего, психиатр из меня получился никчемный. Она казалась глубоко погруженной в свои размышления и едва ли вообще слушала меня. И начала снова работать шваброй, почти механически, чтобы отвлечься.

Мне пришло в голову перевести разговор в более жизнерадостное русло.

– Когда закончите с этим коридором, – предложил я, – попросите Ленца послать вас мыть окна во «Втором флигеле». Они, вообще-то, совершенно чистые, но мне бы очень хотелось увидеться с вами опять.

Еще не закончив фразы, я услышал шаги по коридору у себя за спиной. Айрис подняла глаза, и швабра замерла у нее в руках. Ее взгляд сосредоточенно устремился в одну точку с почти гипнотической интенсивностью.

– Вы не должны ничего рассказывать доктору Ленцу, – прошептала она взволнованно. – Особенно про тот голос. Он может тогда запереть меня в палате и даже работать не разрешит.

Я обернулся в ту сторону, куда она столь пристально смотрела. К нам приближался бородастый и богоподобно величавый доктор Ленц.

XI

Остаток утра я провел, предоставленный самому себе, стараясь сложить вместе безумно пеструю мозаику эпизодов, которые привели к смерти Фогарти. Но меня так разозлил факт, что в это омерзительное дело оказалась втянута даже Айрис, что я никак не мог как следует сосредоточиться. Что-то подсказывало мне необходимость рассказать ее историю Ленцу. Но она так просила не делать этого, а я не мог предать ее доверия ко мне.

Только задним числом я понял, что поступил неверно. Вероятно, я мог бы предотвратить некоторые трагические события, если бы сразу обратился к руководству лечебницы. Но в конце-то концов, кем я был? Всего-навсего испуганным бывшим пропойцей, только лишь пытавшимся снова обрести почву под ногами. Мои моральные критерии к тому времени все еще оставались до известной степени искаженными.

Никому во «Втором флигеле» о смерти Фогарти не сообщили. Но несмотря на почти безупречное поведение сотрудников, их сдержанность и стремление вести себя как обычно, в воздухе витало нечто тревожное. Люди, стоящие на самом краю безумия, зачастую оказываются особенно чувствительны к малейшим изменениям атмосферы.

Билли Трент трижды спрашивал у мисс Браш, почему Фогарти сегодня не дежурит. Она отделывалась отговорками. Но я-то видел, что его такие ответы не удовлетворяют. Более того, он был словно чем-то опечален и даже ни разу не налил себе содовой воды из сифона.

Разумеется, мне пришлось пропустить обычную утреннюю разминку. Но как только мы вернулись с дневной прогулки, появился Уоррен, усталый и раздраженный. Ему временно приходилось работать в две смены, объяснил он. И одному богу известно, когда теперь удастся поспать.

Кабинет физиотерапии был заперт, но, судя по доносившимся оттуда приглушенным звукам, которые я расслышал, проходя мимо, подчиненные Грина все еще там работали. Уоррену пришлось отвести меня в спортзал, который обычно почти не использовался. Там не было необходимого для всех процедур оборудования, и он предложил мне борьбу как наиболее эффективную разновидность упражнений для разминки разных групп мышц.

И мы стали бороться. По крайней мере он. Вероятно, это и мне приносило пользу, но в тот момент впечатление складывалось противоположное. Вопреки всем заявлениям об усталости он показал мне, как человек может превращаться в живые стальные тиски.

Мы находились там одни достаточно долго, причем на значительном удалении от главной части здания. В какой-то момент он отработал на мне какой-то особенно сложный захват, который, по его словам, носил совершенно неподходящее название «колыбель». И когда он бросал меня то на спину, то на живот, порой растягивая мне ноги на манер испанской инквизиции, мной ненадолго внезапно овладел совершенно беспричинный, слепой, но почти панический страх. Наверное, то была глупость с моей стороны, но в голову стали лезть навязчивые мысли о прошлой ночи – о Фогарти и о смирительной рубашке.

Лечебные пытки длились добрых десять минут. Уоррен применял приемы гораздо более грубые, чем требовала ситуация. А причина стала мне ясна, только когда уже все закончилось. Я мягко упрекнул его за чрезмерные старания, на что он хмуро ответил:

– Что ж, вы тоже заставили меня попотеть, когда рассказали вчера копам о наших с Фогарти делах.

Меня удивила его прямота, как и откровенная грубость со мной. В конце концов, я был всего лишь хрупким пациентом, платившим за лечение немалые деньги.

– Извините, – сказал я, – но они потребовали, чтобы я выложил им все начистоту.

– Ага! А меня потом мучили вопросами битых два часа, пытаюсь заставить признаться, что мы с Фогарти повздорили. К счастью, сестренка за меня вступилась, а то сидеть бы мне сейчас в тюрьме. Эти тупицы из полиции вечно хотят хоть кого-нибудь обязательно упечь за решетку.

– Да, можно только посочувствовать, – пробормотал я. – Но и вам следовало бы попридержать язык, если не хотите, чтобы люди потом повторяли ваши слова. – Мы уже подошли к двери, когда я вдруг кое о чем вспомнил. – Между прочим, почему миссис Фогарти прошлым вечером плакала?

Он резко повернулся ко мне, и на его лице со впалыми щеками появилось совершенно иное выражение.

– На что это вы намекаете? – спросил он.

– Я подумал, что у нее могли возникнуть какие-нибудь семейные неурядицы, – спокойно ответил я.

Мы стояли очень близко друг к другу. Меня поразило злое выражение в его глазах.

– А вас каким образом касаются семейные дела моей сестры? – почти выкрикнул он.

– Никаким, – ответил я. – Меня это вовсе не интересует. Просто спросил, и все.

Меня так и подмывало прочитать ему нотацию по поводу цивилизованного поведения, вежливости и более деликатного обращения с людьми, за чей счет он, собственно, и живет, но я не стал ничего говорить, а поспешил покинуть спортзал, даже не слишком заботясь о соблюдении чувства собственного достоинства.

Переодеваясь, я почти автоматически вернулся к размышлениям о «подрывной деятельности» и ее все более пагубном воздействии на пациентов лечебницы. Она уже сказала на всем – на мрачном настроении персонала, на всеобщей эпидемии страха, на повышенной нервозности и, по всей вероятности, стала даже причиной убийства. Что касалось меня самого, то мне уже начала казаться естественной моя неизбежная вовлеченность почти в каждый новый инцидент.

Затягивая брючный ремень, я вдруг припомнил разговор с доктором Стивенсом, и в этот момент у меня родилась идея чего-то вроде театральной постановки. Стивенс верил в

эффективность психоанализа и плакался, что не может заняться им сам в силу своего положения. Но зато я уж точно не был никому и ничем обязан. Нас с Айрис преследовали неуловимые голоса. Мы оба подвергались потенциальной угрозе. Это показалось мне достаточно веской причиной, чтобы попытаться поставить собственный эксперимент.

А суть эксперимента в изложении доктора Стивенса выглядела предельно просто. Нужно было придумать какую-то значимую фразу, произносить ее перед другими пациентами и наблюдать за их реакцией. Внешне это выглядело бы вполне невинно. Проблема состояла лишь в правильном подборе фразы.

Не без некоторого насилия над собой я заставил свою память восстановить тот жуткий момент в кабинете физиотерапии. Я снова увидел страшно изломанную фигуру на мраморном столе. Даже не фигуру, а какую-то вещь, нечто уже неодушевленное. Конечно! Вот и фраза! Вещь на мраморном столе... Для непосвященного в этих словах не могло заключаться никакого тревожащего душу смысла. Зато виновный наверняка не сдержит эмоций, услышав их. Выдаст себя дрожью или каким-то еще невольным образом.

Покончив со своим гардеробом, я вышел в коридор, уже чувствуя легкое волнение в новой для себя роли психоаналитика-любителя.

В коридоре никого не оказалось, и я нашел большинство пациентов в курительной комнате под неусыпным надзором мисс Браш. Но дневная старшая медсестра выглядела сегодня не так ярко, как обычно. Она утратила значительную часть своего величавого сияния. Без устали занимаясь хлопотами о подопечных, непрерывно двигаясь, она все равно не могла избавиться от чуть затравленного выражения в глазах. И даже забыла по привычке улыбнуться, когда Билли Трент дал ей прикурить от своей сигареты. Казалось, даже она начала сгибаться под грузом проблем.

Я сразу заметил Фенвика, сидевшего в одиночестве в углу комнаты. Наверное, не слишком корректно с моей стороны было начинать эксперимент, основанный на идее Стивенса, с его предполагаемого сводного брата, но я уже принял твердое решение и не собирался делать исключений ни для кого. Я сел в соседнее с молодым спиритом кресло и произнес тихо и немного виновато:

– Вещь на мраморном столе.

Эффект это произвело мощный, хотя и не совсем ожидаемый. Фенвик медленно повернулся и посмотрел на меня огромными, не от мира сего глазами.

– Вещь на мраморном столе? – повторил он. – Вы говорите об их проявлении в чистейшем виде. Поначалу так бывает часто – неопределенная форма на некой поверхности. Значит, теперь и вы это видели. Они вошли в контакт и с вами тоже!

На мгновение мне показалось, что это может к чему-то привести, но я ошибался. Он продолжил быстро и сбивчиво говорить об эктоплазме и прочих заумных спиритических феноменах. Его словоохотливость постепенно росла, потому что он принял меня за своего собрата, новообращенного в его веру. За его энтузиазмом, как я ни старался, нельзя было разглядеть ничего более зловещего, чем радость и приятное волнение при встрече с подобным себе спиритом. Почему-то мне стало стыдно за себя, я поднялся и поспешно оставил его.

Следующая возможность представилась мне, когда Билли Трент вышел в коридор. Я последовал за ним и втянул в разговор. Мне претила сама идея использовать свой трюк на таком юнце, как Билли, – еще почти мальчишке, неискушенном и обаятельном. Но потом я преодолел все сомнения и посреди беседы, опустив взгляд, пробормотал заветную фразу:

– Вещь на мраморном столе.

Его реакция тоже оказалась мгновенной.

– Ах, вот вы о чем! – воскликнул он. Взгляд его тоже опустился, и мне сразу стало понятно, что он мысленно нарисовал себе мраморный столик с сифоном для содовой. – Вижу, вам понравились кофейные пирожные. Это новинка. Мы тоже начали их покупать. Восемь центов за пару. Не так уж дорого.

Я посмотрел на это свежее лицо с ясными глазами и только пожал плечами.

– В самом деле? Тогда гулять так гулять, черт возьми! Закажите пару и для меня.

После этого я решил сделать перерыв в своих психологических экзерсисах. Стрельнул у мисс Браш сигарету и присоединился к Геддесу, расположившемуся в кресле у одного из столов для бриджа. Он читал какой-то роман, но оторвался от книги, заметив меня.

– Где вас носило целый день? – спросил он с улыбкой.

Во мне родилось почти неудержимое желание обсудить с ним все это безумие и получить совет от разумного англичанина, но мне не хватило отваги нарушить чрезвычайно строгие указания, полученные от Морено.

– О, я провел почти все время у Ленца, – ограничился я выдумкой. – Он сегодня устроил для меня детальную проверку и пришел к выводу, что у меня все еще есть шанс полностью оправиться.

Геддес на время принял свою англо-индийскую ипостась и ударился в рассказы, как играют в поло в Калькутте. На меня тема подействовала успокаивающе, хотя я ничего не смыслил в поло и совершенно не представлял себе, что за город Калькутта. Все время, пока Геддес говорил, он бездумно листал книгу, которую продолжал держать в руках.

– Что вы читаете? – поинтересовался я, когда возникла небольшая пауза.

– Честно говоря, я ничего не читаю. Просто нашел эту книгу здесь на столе.

Он открыл томик совершенно произвольным движением, и мы одновременно издали удивленный возглас.

Между страницами лежал небольшой листок бумаги. Причем лежал текстом вверх, и мы смогли сразу прочитать слова, написанные нетвердой рукой печатными буквами:

ОПАСАЙТЕСЬ ИЗАБЕЛЛЫ БРАШ ПРОИЗОЙДЕТ УБИЙСТВО

Какое-то время мы оба молчали. В этой уже знакомой фразе, но нанесенной на бумагу, заключалось нечто гораздо более злое, чем любые неизвестно откуда доносившиеся голоса. В моем сознании сразу возникло множество крайне неприятных предположений.

– Как считаете? Это снова проделки Фенвика? – спросил англичанин, первым прервавший затянувшуюся паузу.

– Только небу и астральному полю известно, – мрачно ответил я.

Геддес предложил показать записку мисс Браш, но я разубедил его. Мне показалось разумнее не вмешивать ее снова. Если кому-то надлежало обо всем знать, то, уж конечно, в первую очередь доктору Ленцу.

Положив листок себе в карман, я сказал, что сам позабочусь об остальном. Геддес же был только рад, что решение проблемы перестало быть бременем для него.

Мне представлялось крайне интересным, кому предназначалось послание, но гадать долго не пришлось. Мы все еще обсуждали записку, когда появился старина Лариби. Он оглядел комнату и устремился прямо к нам. Пробурчав что-то о забытой здесь книге, он взял ее со стола.

Мы с Геддесом обменялись взглядами. А затем, подчиняясь мгновенному импульсу, я произнес:

– Вещь на мраморном столе.

И снова реакция моих спутников оказалась крайне необычной. Геддес уставился на меня так, словно не мог поверить своим ушам. А Лариби замер в полной неподвижности. Его нижняя губа вдруг слегка задрожала, и показалось, что он готов расплакаться, как маленький мальчик. Но затем он сделал над собой усилие, взял выражение лица под полный контроль и обвел комнату величественным жестом – одним из тех, которые, вероятно, заставляли когда-то трепетать всю Уолл-стрит.

– Вы, должно быть, имеете в виду мраморную плиту? – спросил он уже вполне твердо. – Так вот. На мраморной плите не должно быть ничего, кроме моей фамилии с датами рождения и смерти. Похороны тоже необходимо сделать самыми скромными. Мне нужно экономить. Экономить на всем...

Затем он печально покачал головой, словно сожалея о быстротечности человеческой жизни, и побрел прочь. Я снова вытянул пустышку. И глупейшую пустышку, надо признать.

Как только мы опять остались одни, Геддес повернулся ко мне все еще с округлившимися от изумления глазами.

– Какого дьявола вы начали нести полную бессмыслицу? – спросил он.

Я усмехнулся.

– Все в порядке. Я не свихнулся. Просто шутка получилась неудачная.

– Слава тебе господи! – Выражение тревоги на его лице сменилось облегчением. – А мне уж на секунду померещилось, что последний оплот разума в этой лечебнице не выдержал напряжения. – Он удовлетворенно улыбнулся. – Для меня это стало бы последней каплей, Дулут. Пока вы рядом, я еще кое-как справляюсь с собой.

– Двое сироток в бурю, – сказал я. – Нам необходимо держаться друг друга.

Я был благодарен ему за возложенную на меня надежду. Но тот факт, что его взволновало только состояние моего собственного умственного здоровья, лишь обострил чувство вины. Пока все, что мне удалось, это изумить или расстроить четверых собратьев-пациентов. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь я сам превращался в некое подобие подрывного элемента.

Некоторое время мы продолжали сидеть молча. Потом Геддес озвучил то, что занимало сейчас наши мысли больше всего.

– Значит, послание было адресовано Лариби, – пробормотал он задумчиво.

– Да, – кивнул я, – адресат стал нам безусловно ясен. Но я бы дорого дал, чтобы узнать, с какой целью написали записку.

Геддес тихо произнес, поглаживая усы:

– Мне все это очень не нравится, Дулут. У меня такое впечатление, что происходит нечто весьма и весьма странное.

Я пожал плечами.

– И вы, черт возьми, имеете все основания так думать, – неохотно пришлось согласиться с ним.

XII

Воскресный вечер опять стал временем общения всех пациентов независимо от пола. Из привычных развлечений было решено под каким-то благовидным предлогом отменить только танцы. После ужина хлопотливая мисс Браш отвела нас в главный зал, словно не произошло ничего, что могло бы нарушить нормальное течение жизни. Меня это поначалу удивило, но потом я увидел в идее здравый смысл. Когда нервы у людей напряжены, всегда лучше их чем-то занять. Во мне теплилась надежда, что сам я целиком буду занят Айрис.

Но меня ожидало разочарование. Она не появилась. Я пристал с расспросами по поводу ее отсутствия к миссис Делл – коллеге мисс Браш из женского отделения, – на что получил совершенно спокойный ответ: мисс Пэттисон немного устала. Сначала мною овладели самые мрачные предчувствия, воображение рисовало всевозможные неприятности. Но затем я вспомнил швабру у нее в руках и решил, что на ее месте любая женщина имела полное право на усталость.

Дурное настроение воскресного дня ни у кого не улучшилось и к вечеру. Хотя присутствовало большинство и мужчин, и женщин, мы почти не общались друг с другом. Пациенты держались разрозненными группами, несмотря на все усилия сотрудников наладить общие контакты.

Геддес, Билли Трент и я какое-то время играли в карты, пока Геддес не заснул. Тогда мисс Браш предприняла попытку усадить меня за игру в бридж с тремя дамами, но я вежливо отказался. Мною, как и остальными, владела депрессия, к которой примешивалась тревога.

Мисс Пауэлл из Бостона расположилась одна в углу рядом с фортепьяно, раскладывая пасьянс. Я пересек зал и занял кожаное кресло по соседству с ней. Она приветствовала меня с безукоризненной вежливостью, но склонности к беседе не выказала. Все ее внимание поглощало правильное совмещение карт на столе.

Однако, наблюдая за ней, я заподозрил, что она добавляет карты из спрятанной где-то колоды, а потом определенно убедился в передергивании. Ей пришел джокер три раза подряд.

Ко мне сразу вернулись воспоминания о неприятном случае с секундомером, как и о моем психоаналитическом эксперименте, о котором я на время забыл. Так или иначе, но мисс Пауэлл представлялась мне вовлеченной в ситуацию, где таинственные обстоятельства все еще выглядели совершенно необъяснимыми. И я решил попытать удачи с ней.

– Такие вечера должны навевать вам ощущение, что вы снова в Бостоне, не так ли, мисс Пауэлл? – осторожно начал я. – Лично у меня этот город ассоциируется с вещью на мраморном столе.

Мисс Пауэлл раздраженно повернулась в мою сторону, уже подготовленная карта зависла в воздухе. Она хмуро наморщила лоб и сказала:

– Если вы говорите о прилавках рыбного рынка, мистер Дулут, то мне ваши ассоциации непонятны. К тому же по воскресеньям он не работает, что, разумеется, правильно.

И она отвела от меня взгляд, будто я сам внезапно вызвал у нее ассоциацию с сырой рыбой из Бостона. На ее лице даже отобразилась некоторая брезгливость. А мне ничего не оставалось, как подняться и оставить ее, так ничего и не выяснив.

Дальнейшие бесцельные блуждания по залу привели меня в итоге к герру Штрубелью. Прославленный дирижер стоял у стола и рассеянно листал какой-то музыкальный журнал. Я присоединился к нему, а он встретил меня поистине венским поклоном, после чего заговорил о сценическом искусстве.

Мне было интересно выслушать его порой экстравагантные, но по большей части любопытные суждения о театре. И если бы не его слегка бегавший взгляд, он бы производил впечатление абсолютно нормального человека. Франц спросил, доводилось ли мне заниматься оперными постановками, и высказал пожелание как-нибудь поработать со мной вместе. Когда же он пустился в описание своего видения спектаклей на музыку Вагнера, его энтузиазм еще более возрос. Он активно жестикулировал, а в речи даже появилась мелодичность.

– Им всем не хватает ритма, мистер Дулут. Возьмите, к примеру, того же «Тристана». Все играют его с чрезмерным почтением, как будто имеют дело с покойником или с древним музейным экспонатом, требующим особой бережности. Но «Тристан» должен быть исполнен жизненных сил, или за него не стоит браться вообще. В нем должен присутствовать ритм – ритм в игре оркестра, ритм в вокальных партиях. Ритм, заданный, разумеется, дирижером. Ритм... Живость... Нечто постоянно поддерживающее внимание публики!

– Как вещь на мраморном столе, – совсем уж, казалось бы, некстати ляпнул я.

– Вещь на мраморном столе! – Его глаза загорелись подлинным огнем творчества. – Какая гротескная фраза, но до чего же она приковывает внимание! – Улыбка озарила его лицо. – Я ощущаю ритм в этих словах, мистер Дулут. Ваша сентенция буквально пронизана ритмом. Она им так и пульсирует.

Он быстро устремился к фортепиано, открыл крышку и начал играть. Я вернулся в кожаное кресло, находившееся в одинаковой близости к мисс Пауэлл и к музыкальному инструменту, и стал слушать.

Это было потрясающе. Действительно вдохновленный мрачной загадочностью моей фразы, Штрубель играл собственную импровизацию, звучащую так странно и столь тревожно, как никакая музыка, знакомая мне прежде. Аккорды обрушивались один за другим, на первый взгляд в полном диссонансе между собой, но в то же время непостижимым образом связанные воедино тончайшими нюансами берущего за душу ритма.

Теперь взгляды всех в зале оказались прикованы к нему. Мне бросился в глаза легкий испуг на лице мисс Браш. Да я и сам чуть не начал поддаваться панике, когда Штрубель внезапно оборвал импровизацию и заиграл что-то спокойное на тему хоралов Баха. Умиротворяющие звуки помогли постепенно унять возникшее напряжение.

Я часто видел в прошлом, как Штрубель руководит оркестром, но никогда не слышал его игры. В ней присутствовало нечто восхитительное. Он не просто блестяще владел инструментом. Дело здесь было не только в этом. Даже совсем не в этом. Быть может, его глубоко личная грусть придавала исполнению столько необычайной, ностальгической меланхолии. Я начисто забыл о

смерти Фогарти, обо всех сложных проблемах, возникших в лечебнице, как забыл и о своих надуманных трудностях. Я весь обратился в слух.

И остальные тоже слушали. Один за другим они оставляли свои прежние занятия и подходили к фортепьяно. Скоро сидеть остались только я и мисс Пауэлл. Вероятно, люди не вполне духовно уравновешенные реагируют на музыку особым образом. Билли Трент стоял рядом со мной, погруженный в подобие транса. Глаза Фенвика сияли каким-то поистине неземным переливающимся блеском. Я мог видеть со своего места их всех – Геддеса, Лариби, доктора Стивенса, женщин. К инструменту подошли даже мисс Браш и Морено. Их плечи почти соприкасались. Они замерли в торжественном молчании.

Я же наблюдал за руками Штрубеля. Именно они стали сейчас главной точкой притяжения в этом зале. Вместе с музыкой мощь излучали и они. Пугающая и гнетущая атмосфера сменилась гипнотическим волшебством мелодии. Воцарился зачарованный покой. Я посмотрел на мисс Пауэлл. Она сидела неподвижно, устремив взор в пустоту. Между ее пальцами остался крепко зажат бубновый валет.

Наконец музыка смолкла. Наступила продолжительная, почти звенящая тишина. Ни один из нас даже не шевельнулся. Складывалось впечатление, что никто не хочет первым сознательно нарушать красоты и драматичности ситуации.

Легкий звук заставил меня обернуться в сторону мисс Пауэлл. Ее рука с бубновым валетом все еще оставалась застывшей в воздухе. Но вот выражение лица коренным образом изменилось. Узкие аристократичные губы были плотно сжаты. Глаза светились ярко, словно в экзальтации. Очень медленно ее голова склонилась над картами.

А затем я услышал ее голос. Он был тихим, но вполне разборчивым.

– В хирургическом кабинете хранятся ножи – замечательные стальные ножи. Их так просто украсть. И они сверкают. Они ярко сверкают. Я смогу спрятать их внутри музыкального местечка.

Конца этого невероятного монолога я не расслышал, потому что в зале вдруг заговорили все разом. Штрубель поднялся и очень серьезно смотрел в нашу сторону. С него я вновь перевел взгляд на мисс Пауэлл.

Она вернулась к пасьянсу. Бубновый валет лег поверх дамы пик. Но ее рука дрожала. Странное выражение загипнотизированного человека все еще читалось в ее глазах. Гипноз! Слово всплыло в моем сознании и задержалось в нем надолго. Я стал лихорадочно думать.

Вскоре после того, как Штрубель закончил играть, мисс Браш отвела нас во «Второй флигель». Обычно она задерживалась до тех пор, пока все не укладывались по постелям, но в этот вечер исчезла сразу, бросив краткое «спокойной ночи». Она казалась изможденной и предельно взвинченной.

За нами остался надзирать только Уоррен, пока мы выкурили по последней сигарете. Днем он успел урывками поспать часа два, угрюмо сообщил ночной санитар. Но по-прежнему чувствовал смертельную усталость. На смену Фогарти был уже нанят новый сотрудник, и его прибытия ожидали следующим утром.

– Быть может, тогда я смогу отдохнуть как положено, – ворчал Уоррен, – если только ваши друзья из полиции, мистер Дулут, не устроят мне снова веселую жизнь, – шепнул он мне отдельно.

Из курительной я вышел одновременно со Штрубелем. Мы вместе пошли по коридору и, повернув за угол, увидели миссис Фогарти.

Меня ее появление удивило. Я предполагал, что при сложившихся обстоятельствах она возьмет выходной. Она выглядела бледной и даже более молчаливой, чем обычно, если такое в принципе было возможно. И все же на худощавом, угловатом лице проступало непримиримое упрямство. Вероятно, подумал я, для таких людей личные проблемы всегда будут второстепенными. Для них не существует ничего важнее работы.

Заметив меня и Штрубеля, она приветствовала нас со всей вежливостью, на какую оказалась способна, позволяя просто пройти мимо. Но Штрубель неожиданно задержался и, взяв в ладони ее костлявые пальцы, посмотрел на нее добрыми и печальными глазами.

– Простите меня, – сказал он. – Вчера ночью мне не следовало вам звонить. Я должен был справиться с несчастьем сам, как вы справляетесь со своим.

Миссис Фогарти изумленно уставилась на него.

Я посчитал было реплику бестактностью с его стороны, не сразу сообразив, что пациентам никто не сообщал о смерти Фогарти. Дирижер говорил мягким голосом и трогательно извиняющимся тоном. Но в то же время я снова почувствовал, что этот человек обладает тонкой, едва заметной способностью подчинять людей своей воле.

Вероятно, миссис Фогарти тоже посетило схожее ощущение, потому что ее первая реакция оказалась чисто инстинктивной. Ее лицо помрачнело. Но она сразу же взяла себя в руки и улыбнулась.

– Вы же знаете, что можете звонить мне в любое время, мистер Штрубель.

– Это неважно. Вот только вы должны мне рассказать, почему так печальны. И я вам помогу.

Они оба, казалось, забыли о моем существовании. Штрубель вдруг склонился вперед, глядя в нее пристально и настойчиво.

– Вы и сейчас очень несчастны, – медленно произнес он. – Не потому ли... Это не из-за вещи на мраморном столе?

Миссис Фогарти тихо охнула. Ее рука потянулась к худощавой шее, а потом безвольно упала вдоль тела. Бледность на щеках приобрела серый оттенок.

Я не знал, что мне делать. Мой неуклюжий эксперимент на глазах породил монстра, как создание доктора Франкенштейна. Он зажил своей жизнью и начинал полностью выходить из-под моего контроля.

С невероятным усилием ночная сиделка сумела улыбнуться.

– Вам бы лучше уже отправиться в постель, мистер Штрубель, – мягко сказала она. – Доброй ночи.

Дирижер пожал плечами, степенно повернулся и пошел в сторону своей спальни.

Мы с миссис Фогарти остались наедине.

– Приношу свои глубочайшие соболезнования... – начал я.

Но закончить мне не дали. По линолеуму у нас за спинами раздались быстрые и четкие шаги, предвещавшие появление из-за угла доктора Морено. При виде ночной медсестры его смуглый лоб прорезали хмурые морщины.

– Я же говорил, миссис Фогарти, что вам не следует сегодня заступать на дежурство.

Он быстрым взглядом окинул меня, а потом вновь уставился на бедную женщину.

– Меня же нечем заменить, доктор, – скованно, но решительно ответила миссис Фогарти. – Мисс Прайс из женского флигеля, как нарочно, заболела. Так что им самим пришлось искать кого-то вместо нее.

– Организация работы и штатное расписание – не ваши проблемы. Вы не в том состоянии сегодня, чтобы исполнять свои обязанности. Вам необходим отдых.

Миссис Фогарти развела руками, хрустнув накрахмаленным белым халатом.

– А кто же позаботится о пациентах?

– Все телефоны в палатах так или иначе связаны с вашим альковом. Уоррен дежурит, и ему придется посидеть на вашем месте.

Честно говоря, я так и не смог понять, была ли ночная сиделка благодарна ему, недовольна таким решением или откровенно разозлилась. Она еще некоторое время стояла на месте, глядя перед собой темными, глубоко запавшими глазами, а потом с чуть слышным:

– Что ж, будь по-вашему, доктор, – повернулась и ушла.

Обдумав положение, я решил, что доктора Ленца необходимо поставить в известность о том, что сказала в актовом зале мисс Пауэлл. Конечно, это звучало почти невероятно глупо, но я уже привык с подозрением относиться к любой самой невероятной глупости. Пользуясь присутствием рядом Морено, я обратился за разрешением повидаться с директором.

Морено мгновенно превратился в образцового молодого психиатра: превосходного диагноста для пациентов и стража интересов руководства лечебницы. Его взгляд вопросительно скользнул по мне в явной попытке понять серьезность моих намерений.

– Доктор Ленц сейчас очень занят, – сказал он. – Он все еще беседует с полицейскими.

– Но мне удалось услышать нечто крайне важное для доктора Ленца, – настаивал я. А поскольку Морено лишь продолжал молча смотреть на меня, вынужден был добавить: – Думаю, наши неприятности еще далеко не закончились.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что смерть Фогарти была лишь частью чего-то большего. И основные зловещие события назревают.

– Надо постараться не позволять своей театральной фантазии заводить вас слишком далеко, мистер Дулут. – Морено бросил эту реплику, опустив голову и пристально разглядывая собственные руки. – Вы все еще далеки от нормального состояния, ваша нервная система перевозбуждена, а потому надо проявлять сдержанность.

– Но моя нервная система совершенно ни при чем! – в раздражении воскликнул я. – Мне прекрасно известно...

Внезапно Морено снова вскинул взгляд на меня.

– Если уж вам все это настолько интересно, мистер Дулут, то могу сообщить, что полиция раскрыла причины гибели Фогарти и вполне удовлетворена результатами расследования. Его смерть не имела никакого отношения ни к самому нашему учреждению, ни к его пациентам. Капитан Грин вынужден был согласиться, что это был... прискорбный несчастный случай.

Морено говорил убедительным тоном и готов был выдержать прямой взгляд в глаза.

Но я знал, что он лжет.

XIII

Когда Морено ушел, я обнаружил, что все остальные уже давно разбрелись по своим комнатам. Коридор был пуст, и я тоже направился к спальням, расположенным в самом дальнем конце флигеля.

В пустом коридоре психиатрической лечебницы есть что-то унылое и пугающее. Моя слабая нервная система расшалилась, и я почувствовал беспричинное желание поскорее избавиться от одиночества, найти себе компанию, хотя, если опасность действительно существовала, она могла гораздо скорее проявить себя в присутствии других пациентов, нежели в совершенно безлюдных коридорах.

Я добрался до двери, которая вела к спальней части корпуса, и распахнул ее. Передо мной протянулся длинный ряд дверей одноместных палат. Слева располагался маленький альков миссис Фогарти, погруженный сейчас в темноту. И я как раз проходил мимо него, когда меня окликнули по имени. Я вздрогнул, почувствовав внезапный приступ страха, но тут же отругал себя за глупость.

Это был всего-навсего голос самой миссис Фогарти, доносившийся из мрака алькова.

– Мистер Дулут!

Я покинул коридор и вошел в крохотную комнатку с тремя стенами. Сюда из коридора проникало совсем немного света. Мне удалось различить в тени резко очерченный, чуть искривленный профиль ночной сиделки под белой шапочкой. Она сидела за столом перед едва заметно поблескивавшим телефонным аппаратом. Всем своим обликом она напоминала застывшего на посту часового. Мне живо представилось, как вскакивает она по стойке смирно при любом телефонном звонке, когда поступает вызов от одного из пациентов.

– Что случилось, сестра? – спросил я. – Не предполагал снова увидеть вас на дежурстве.

– Доктор Морено запретил мне, – очень тихо сказала она, – но мой брат совсем не спал. Вот я и решила дать ему отдохнуть несколько часов, прежде чем он меня сменит. – Она устало приложила худощавую ладонь ко лбу. – У меня самой голова раскалывается. Потому я и сижу в темноте.

Вообще-то миссис Фогарти обычно не была склонна затевать с пациентами пустые беседы в столь поздний час. Но, в конце концов, именно сегодня у нее имелась веская причина изменить своим правилам.

– Меня поразил мистер Штрубель, – вдруг сказала она с почти обвинительной интонацией. – Вы слышали его слова. О вещи на мраморном столе. Кто-то рассказал ему о моем муже. – Ее глаза сверкнули холодом из полумрака. – А вы – единственный пациент, кому все известно.

Если бы я не чувствовал за собой вины, то мне едва ли понравилась бы ее манера общаться со мной – как учительница с нерадивым учеником. Но при сложившихся обстоятельствах оставалось только смутиться и злиться на самого себя за то, что невольно причинил ей боль. Я косноязычно пустился в объяснения по поводу своего псевдоаналитического эксперимента, тщательно скрывая факт заимствования самой по себе идеи у доктора Стивенса. Объяснил ей, как сумел, что Штрубель говорил всего лишь о своей необычной импровизации на фортепьяно. Она молча выслушала, а потом отреагировала на все неожиданно по-доброму:

– Я понимаю, что вы никому не хотели навредить, мистер Дулут, и не доложу об этом руководству, но, пожалуйста, не делайте впредь ничего такого. Смерть Джо стала для меня страшным ударом. Не хватало только, чтобы еще и пациенты переживали из-за нее.

– Я действительно вел себя как дурак, – ответил я мрачно. – Надеюсь, что и в самом деле не встревожил этим всю лечебницу.

Разговаривая с ней, я опирался на стол, пальцами непроизвольно касаясь телефона. И чуть не подпрыгнул, когда он внезапно и очень громко зазвонил. Миссис Фогарти тоже вздрогнула. Потом склонилась вперед и сняла трубку. Ее лицо виделось мне нечетко, но, судя по тени, она держала трубку в нескольких дюймах от уха, изо всех сил вслушиваясь и нервничая, как человек со слабым слухом, которому трудно улавливать, что говорят на противоположном конце телефонной линии.

– Алло! Алло! Дежурная слушает.

Она старалась, чтобы ее голос звучал четко и профессионально, и это казалось до странности неуместным в затемненном алькове.

Ответа не последовало.

Она сказала еще раз:

– Дежурная слушает. С кем я говорю?

Инстинктивно я переместился ближе, не сводя глаз с блестящей телефонной трубки. И потом еще многие месяцы все телефоны вызывали у меня ассоциацию со странным голосом, раздавшимся в ней. Он был почти не похож на человеческий. Низкий и сильно искаженный, ужасающе фамильярный шепот.

И я расслышал каждое слово так, как будто сам держал трубку у уха:

– Говорит вещь на мраморном столе.

Столь нежданное повторение моей фразы могло бы показаться просто шуткой, восприниматься символом всей неразберихи и путаницы, царившей в головах обитателей лечебницы. Но почему-то воспринималось совсем иначе. Это был, наверное, самый жуткий момент всей моей жизни. В хриплом голосе не прикрыто звучало само воплощенное зло.

Я замер в полной неподвижности, забыв о присутствии миссис Фогарти, пока она со сдавленным рыданием не выронила трубку.

Под влиянием мгновенного порыва я рванулся вперед, подхватил падавшую трубку и поднес ее к уху.

– Кто это? – выкрикнул я. – Что вам нужно?

Сначала ответом мне стало только молчание. А потом снова донесся низкий сипловатый шепот. Голос показался отдаленно знакомым, хотя мне никак не удавалось вспомнить, кому он мог принадлежать.

– Будет еще одна вещь на мраморном столе, Дулут, – произнес голос. – И уж постарайся, чтобы ею не стал ты сам.

Мои губы уже сложились для ответа, но почти сразу на другом конце провода раздался резкий щелчок. Я тоже положил трубку, в растерянности глядя сквозь темноту на миссис Фогарти. Ночная сиделка склонилась вперед, спрятав лицо в ладонях. Никогда раньше я не видел ее в таком состоянии – она всегда умела жестко себя контролировать.

– Мне очень жаль, – произнес я после продолжительной паузы. – Все это моя вина. Я никак не предполагал, что даже вы окажетесь вовлечены.

– Все в порядке, мистер Дулут. – Но свои слова она вымолвила машинальным, равнодушным тоном.

– Нам будет полезно сразу же попытаться узнать, откуда звонили.

Очень медленно миссис Фогарти подняла на меня взгляд. Я с трудом мог различить ее глубоко запавшие глаза.

– Это невозможно, мистер Дулут. Телефоны во всех палатах напрямую соединены с моим альковом, как и аппарат в комнате для обслуживающего персонала. Звонить могли откуда угодно.

– Но разве вы... Разве вы не узнали этот голос?

Ночная медсестра поднялась. Когда ее пальцы вцепились мне в руку, я почувствовал, как сильно они дрожат.

– Послушайте, мистер Дулут, – сказала она неожиданно сурово. – Вы совершили очень глупый и опасный поступок. Пусть это послужит для вас примерным уроком. Я не собираюсь никому докладывать о случившемся. Довольно с нас неприятностей. И я считаю, – она понизила голос до шепота, – что нам лучше забыть обо всем. Причем не только ради вашего спокойствия, но и моего тоже.

Я не понимал ее. Не понимал смысла слов, как и повышенного накала эмоций.

– Но, миссис Фогарти, если вы узнали голос...

– Мистер Дулут! – решительно оборвала меня ночная сиделка. – А *вы сами* имеете представление, кому этот голос мог принадлежать?

– Честно говоря, нет. Мне он показался знакомым, но...

– Очень хорошо! – Она говорила теперь хладнокровно и властно. – Тогда вы, быть может, поймете мои чувства лучше, если я сообщу вам, что, как мне показалось, голос узнала я.

Мы стояли теперь очень близко друг к другу, и я более отчетливо различал грубые черты ее лица, выглядевшие скульптурой, высеченной из гранита.

– Так кто же это был, миссис Фогарти? – уже несколько робко спросил я.

– У меня не все в порядке со слухом, – немного помолчав, заговорила женщина, обращаясь скорее к самой себе, – и еще выдался очень тяжелый день. Вероятно, поэтому мне кажется, что я узнала голос. Но по той же причине я никому не расскажу об этом. Поймите... – Она осеклась, но внезапное понимание уже нахлынуло на меня самого. Я заранее знал теперь, что она скажет, и почувствовал, как у меня в буквальном смысле мороз пробежал по спине. – Да, мистер Дулут. Если я кому-то расскажу нечто подобное, меня саму поместят в лечебницу как умалишенную. Понимаете, этот голос по телефону... Короче, если бы я не знала, что Джо мертв, то могла бы поклясться чем угодно: это был голос моего мужа.

XIV

Оставив миссис Фогарти в одиночестве, я поспешил вдоль пустого коридора к своей палате. Когда я разделся и скользнул под одеяло, ее слова все еще эхом отдавались у меня в ушах. Они стали своего рода символом всего прошедшего дня, который начался с убийства, а закончился тем, что самая здравомыслящая сотрудница лечебницы услышала голос своего покойного мужа.

Я беспокойно ворочался в постели и старался уgomонить вибрировавшие нервы, чтобы начать мыслить разумно. Приходилось убеждать себя, что услышанное мной самим и миссис Фогарти было совершенно невозможно. Духи мертвецов могли общаться с Дэвидом Фенвиком, но едва ли стали бы это делать по телефону с рассудительной и совершенно не склонной к вере в привидения ночной сиделкой.

Существовало только одно объяснение. По какой-то невысказанно безумной причине некто избрал столь странный способ напугать именно ее, а заодно и меня. В конце концов, все заметили, что я не отправился к себе в спальню одновременно с остальными. Любой обитатель «Второго флигеля» мог слышать мои шаги в коридоре и возглас миссис Фогарти, окликнувшей меня по фамилии. Таким образом, не требовалось сверхъестественных способностей, чтобы догадаться: я нахожусь в алькове вместе с дежурной сиделкой.

Но, окончательно убедившись в отсутствии всякой угрозы из потустороннего мира, я только еще глубже погрузился в жутковатую реальность действительно происходивших в лечебнице событий. А реальность не могла не пугать. «Вещь на мраморном столе!» Фраза приобрела теперь поистине страшное и полное зловещего смысла звучание. Она то и дело терзала мой измученный

мозг. А вместе ко мне с ней с монотонной регулярностью возвращался образ Джо Фогарти – с кляпом во рту, с искаженным предсмертной агонией лицом, с накрепко связанным телом.

Морено заявил, что полиция признала его гибель несчастным случаем. Я ни за что не поверил бы в такой вердикт. Так же ясно, как я знал, что меня зовут Питер Дулут, я считал смерть Фогарти жестоким убийством, которое было только частью какого-то плана, лишь одним из эпизодов шоу, затеянного неведомой силой, пытавшейся всех нас заставить играть в нем роли марионеток по своему сценарию.

До этого момента я не мог разгадать мотива для убийства простого санитаря, но сейчас он вдруг показался мне достаточно очевидным. Разве не могло случиться так, что Джо с его любовью к сплетням и к пересудам о людях случайно получил некую информацию? Нечто, делавшее его опасным и подвергавшее опасности самого Джо. И если дело обстояло именно так, то не могло ли произойти чего-то подобного и со мной? Неужели я, сам того не осознавая, обнаружил что-то, поставившее меня в такое же положение? Ведь именно об этом меня предупреждал голос. И я немедленно понял, что от предостережения нельзя так просто отмахнуться. Во мне нарастало чувство тревоги, и все ночные страхи вернулись с удвоенной силой. Постепенно смутная опасность стала ощущаться как недвусмысленно направленная против меня лично. Опасность!

Я не без усилия прервал течение своих мыслей. Сел в постели, глядя на полосу света, пробивавшуюся из коридора сквозь приоткрытую дверь. Обычно мне нравилось, что дверь не запиралась, – для меня это служило постоянным связующим звеном с внешним миром. Так я чувствовал себя спокойнее, зная, что в любой момент смогу бежать от невротических ужасов, нарисованных моим больным воображением.

Но этой ночью мои страхи имели не внутреннее, а внешнее происхождение. И если опасность существует, она проникнет ко мне через эту приоткрытую дверь. Я резко вскочил с кровати, подбежал к двери и захлопнул ее. Но затем, когда мои пальцы неуверенными движениями принялись искать ключ, я вспомнил, что замка в двери не было вовсе. Осознание этого простого факта исполнило меня самой настоящей паники. Но мне ничего не оставалось, как только медленно вернуться в постель.

Не знаю, долго ли я лежал потом без сна в полной темноте, прислушиваясь к собственному сердцебиению и проклиная себя за безудержное пьянство в прошлом. Под конец я дошел до такого состояния, что уже готов был согласиться со сторонниками введения сухого закона. По крайней мере, я расплачивался за годы злоупотребления спиртным такой ценой, которая удовлетворила бы самого горячего поборника трезвого образа жизни.

Вот только лечение вредило нервной системе куда больше, чем само заболевание. Думаю, что если бы не Айрис, я бы тут же поднялся, потребовал собрать мой багаж и распрощался бы с элитным заведением доктора Ленца раз и навсегда.

Прошли, как мне показалось, долгие часы, прежде чем я в достаточной мере успокоился, чтобы задремать. И мне почти удалось заснуть, наслаждаясь временным ощущением покоя, когда до меня донесся звук шагов.

В одно мгновение я в страхе пробудился. Шаги приближались. Человек направлялся в мою комнату – в этом я ничуть не сомневался. Я сел и замер, опершись спиной на подушку, неподвижный, как манекен.

Дверь стала медленно открываться. Показалась сначала полоса света, а потом на ее фоне – силуэт. Попытавшись схватиться за телефонную трубку, я понял, что миссис Фогарти наверняка уже покинула альков. Если бы я позвал на помощь, то явился бы Уоррен, а я в своем доведенном до крайности состоянии был скорее готов встретить угрозу один, чем в обществе враждебно настроенного ко мне санитаря.

Дверь открылась полностью и снова начала закрываться. Я не издавал ни звука. Смутная фигура, приближавшаяся ко мне, пока рисовалась лишь призрачной тенью. Напрягая зрение, я изо всех сил старался понять, кто из обитателей лечебницы нанес мне столь неожиданный визит.

Человек находился уже так близко, что мой лоб покрылся каплями холодного пота. А потом прозвучал голос:

– Вы не спите, Дулут?

Чувство облегчения показалось таким невероятно огромным, что я чуть не рассмеялся. Это был всего-навсего старик Лариби.

Он взялся за спинку кресла и придвинул его ближе к моей постели. Затем тяжело в него опустил – жалкий и неуклюжий в своей извечной серой пижаме.

– Мне необходимо поговорить с вами, Дулут, – жарко зашептал он.

Все мои страхи уже улетучились. Осталось только любопытство.

– Как вам удалось пройти мимо бдительного Уоррена?

– Он в алькове, но спит как убитый.

– Тогда рассказывайте, что там у вас.

Он склонился вперед. Одутловатое красное лицо сблизилось с моим, и я отчетливо увидел блеск в его глазах.

– Я не сумасшедший, – сказал он. – Теперь я твердо знаю. И хочу, чтобы вы тоже знали об этом.

– Рад за вас, – отозвался я без особого энтузиазма в голосе, как и без какой-либо убежденности в справедливости его утверждения.

Но его едва ли интересовала моя реакция. Он торопливо продолжал:

– Несколько дней подряд я действительно думал, что постепенно лишаюсь рассудка. В ту ночь, когда услышал звук тикера у себя в комнате. На прогулке, когда прямо у меня в ухе раздался голос моего биржевого агента. Этого вполне достаточно, чтобы любой человек на моем месте посчитал себя не вполне нормальным, не правда ли? Но затем вы нашли у меня в кармане секундомер. Я все обдумал и пришел к выводу, что меня намеренно подталкивали к безумию. Запугивали, чтобы я окончательно сошел с ума.

Я натянул простыню под подбородок и ждал, что еще он добавит к сказанному.

– Я разобрался в тонкостях их игры, – он говорил с легкой одышкой. – Мне теперь понятно, зачем меня травят. Хотите знать причину?

– Крайне интересно.

Он бросил беглый взгляд себе за спину на закрытую дверь.

– Когда я прибыл сюда, то пребывал в убеждении, что полностью разорен. Все вокруг, как мне казалось, падало и рушилось. Но я знал также, что кое-что у меня осталось, и я потеряю даже эти деньги, если продолжу игру на бирже. А остановиться сам был не в силах. Вот для чего я создал трастовый фонд, назначив доктора Ленца одним из его попечителей. – Лариби, как я отчетливо понял, нуждался сейчас только в слушателе, и потому предпочел помалкивать. – Причем условия таковы, – продолжал он, – что ему достанется четверть моего состояния, если я умру или на самом деле сойду с ума, – теперь в его голосе стали мелькать лукавые нотки. – Я подумал, что это заставит его лучше присматривать как за моими деньгами, так и за мной самим. Видите ли, я не думал, что слишком богат и подобная сделка может представлять опасность. Только поэтому я и пошел на нее. – Ему явно казалось, что он совершил очень хитрый ход, хотя для меня даже это звучало как чистое сумасшествие. – Повторю, – напомнил он, – что на тот момент я считал себя почти совершенно разоренным. Но теперь узнал, что по-прежнему остаюсь очень состоятельным человеком. У меня два миллиона долларов. И Ленцу это тоже прекрасно известно. Если я схожу с ума, полмиллиона долларов достаются его лечебнице. Полмиллиона! – он снова понизил голос. – Понимаете теперь, о чем я? Это огромные деньги, Дулут. А мне стало известно еще одно весьма примечательное обстоятельство. Все сотрудники лечебницы имеют свой пай в ее доходах, свой финансовый интерес в ее процветании. Разве не ясно после этого, зачем они хотят лишить меня рассудка? – Он рассмеялся. – Наивные. Они считают, что это им удастся. Да я более душевно здоров, чем любой мой коллега с Уолл-стрит!

Здесь я вполне готов был с ним согласиться. И логику его рассуждений тоже не подвергал сомнениям. Ленц ведь сам сообщил мне, что получит немалую выгоду, если Лариби навсегда поместят в государственную психиатрическую больницу как неизлечимо больного.

Некоторое время мы оба молчали. Силуэт Лариби четкой тенью вырисовывался на белой стене. Поредевшие волосы растрепались, как у неряшливого мальчишки.

Мне было трудно судить, насколько в здравом уме он находился. Еще труднее решить: заслуживал он сочувствия или нет. Мне он не нравился. Более того, вызывал во мне острую неприязнь, когда я вспоминал печаль, застывшую в глазах Айрис. Но ведь, если разобраться, передо мной сидел уже постаревший и совершенно беззащитный человек. А я и сам уже пережил достаточно, чтобы не понимать, какую веселую жизнь устроил ему некто, пока неизвестный.

– Им меня не одурачить, – неожиданно заявил он. – Я все еще вполне нормален, нахожусь в здравом уме, а потому только что составил новое завещание. Львиная доля моего состояния должна была отойти дочери. Она числилась попечительницей фонда наряду с Ленцем. Ей бы достался миллион наличными, если бы меня довели здесь до умопомрачения, о чем она прекрасно осведомлена. А уж она не стала бы им мешать, Дулут. Только не она.

Он сделал паузу, окинув меня выжидающим взглядом, словно мне полагалось именно сейчас вставить свой комментарий. Но я не смог выдавить из себя ничего более конструктивного, чем кривая усмешка.

– Я вложил сто тысяч долларов в образование этой девицы, – почти прорычал он. – И как же она поступает после этого? Отправляется в Голливуд, чтобы стать кинозвездой. Берет себе псевдоним Сильвия Дон, понимаете ли! И чем ей не угодила наша фамилия? Причем она ни разу не приехала на восток, стоило мне заболеть, Дулут. О, нет! Для нее важнее всего всегда была карьера, а не здоровье отца. На меня ей наплевать. – К этому моменту Лариби оказался полностью поглощен своими семейными проблемами. И разговаривал уже не со мной, а сам с собой. – Но что-то ее не очень заботила карьера, когда прошлым летом она вышла замуж за своего проходимца. Сначала пудрила мне мозги. Мол, он – серьезный врач, но скоро выяснилось, что на самом деле это безвестный актеришка из водевильной антрепризы! – Пальцы Лариби отбивали дробь по одеялу на моей постели. – Дочь самого Дэна Лариби выходит замуж за дешевого гуляку и паяца! Как вам это понравится? Думаю, его тоже заинтересовали мои деньги. Так вот, оба останутся в дураках. От меня ни она, ни он не получают ни цента. – Он не без злорадства рассмеялся, но внезапно совершенно сменил тон и спросил чуть ли ни застенчиво: – Вот мисс Браш – совсем другое дело. Она не из тех вертихвосток, которые готовы выскочить замуж только ради денег, вы согласны, Дулут?

Я машинально с ним согласился, не имея на сей счет никакого мнения, потому что как-то ни разу не задумывался об этом.

– Конечно, за ней ухлестывают все, кому не лень. Морено, Трент, все до единого. И ревнуют ее. Но ей нравлюсь я. Она по-настоящему влюблена в меня, Дулут, – он склонился совсем низко и говорил мне почти в ухо. – И я могу раскрыть вам важный секрет. Мы с ней поженимся. Как только я выпишусь отсюда, мы сыграем свадьбу.

И место и время казались не самыми подходящими для поздравлений, но я вышел из положения более или менее достойным образом.

– Я чувствовал, что вы нам симпатизируете, Дулут. И могу рассчитывать на ваше понимание того, как я поступил. – Он снова бегло обернулся к закрытой двери. – Я изменил условия завещания. Теперь все достанется Изабелле. Вот почему я пришел к вам. Текст завещания при мне, а Изабелла дала мне свою авторучку. Я хочу, чтобы вы стали свидетелем. Но нам следует соблюдать осторожность. – Он рассмеялся визгливо и взволнованно. – Они бы сделали все, чтобы остановить меня, если бы что-то пронюхали. Эти люди готовы на любую пакость. Думаю, они могли бы даже пойти на мое убийство.

Мне никак не удавалось выработать в голове правильную линию поведения. С одной стороны, Лариби именно сейчас выглядел не вполне нормальным и более свихнувшимся, чем я когда-либо видел его прежде, но во всем, что он говорил, присутствовали несомненная логика и здравый смысл.

– Вы спросите, почему я не уезжаю отсюда как можно быстрее, – продолжал шептать он. – По самой простой причине. Я не могу оставить здесь Изабеллу одну без защиты. Она тоже окажется в опасности, стоит им обо всем выведать. Поймите: они все домогаются Изабеллы, как и моих денег.

Лариби начал рыться по карманам пижамы. Из одного он кончиками пальцев достал лист бумаги, сиявший белизной даже в темноте.

– А, вот и завещание. Все, что от вас требуется, это заверить подлинность моей подписи в качестве свидетеля.

Я оказался несколько смущен. Но потом решил, что не мое дело выдвигать какие-либо возражения. Хотя вся эта затея представлялась мне чистейшим сумасбродством, для Лариби она явно многое значила. И в конце концов, разве не плыли мы все в одной лодке, будучи

пациентами клиники Ленца? Я чувствовал себя обязанным по мере возможности поддерживать своих товарищей по несчастью.

Мои познания в области юриспруденции были, мягко выражаясь, достаточно скудными, но сейчас представлялось не столь уж важным, признают завещание действительным или нет.

– Я подпишу документ, – сказал я. – Но для этого хотелось бы хоть что-то видеть в этой непроглядной темнотище.

– Верно, верно. – Лариби с готовностью снова запустил руку в карман и вынул какой-то небольшой предмет. – У меня есть спички. Целый коробок.

Меня это поразило. Ведь все мы считались потенциальными пироманьяками, имеющими болезненное влечение к поджогам. Раздобыть спички в лечебнице было труднее, чем бутылку абсента или водки.

– Мне их дала Изабелла, – объяснил Лариби. – Как и авторучку.

Он чиркнул спичкой и поднес небольшой язычок пламени ближе к бумаге. При тусклом мерцающем свете стали видны синие прожилки вен на его красном лице. Я слышал учащенное хрипловатое дыхание, когда склонился вперед, чтобы прочитать написанное неровным почерком завещание.

Одна из последних строк особенно привлекла мое внимание:

...Все мое имущество: финансовое, движимое и недвижимое – завещаю своей супруге Изабелле Лариби (в девичестве Изабелле Браш). В случае же, если моя кончина наступит раньше официального заключения брака, – Изабелле Браш...

Было что-то глубоко трогательное в этих неуклюжих формулировках. Но в них читалось и недоброе предзнаменование. Первая спичка быстро догорела, и он зажег другую. Лариби подал мне затем авторучку мисс Браш и произнес почти торжественно, тоном триумфатора:

– Собогадите поставить свою подпись вот здесь, мистер Дулут.

Я изобразил свою закорючку, и спичка опять погасла. Когда тьма снова сгустилась вокруг нас, я вспомнил самое элементарное правило при составлении завещаний.

– Вам понадобится еще один свидетель, – сказал я. – Завещания всегда заверяют по меньшей мере двое, ведь так?

Но в своем перевозбужденном состоянии Лариби, как оказалось, начисто забыл об этом. Он уже радостно держал подписанную бумагу перед собой, собираясь снова убрать в карман. Но теперь она замерла в воздухе. Его голос почти сорвался, когда он спросил:

– А ведь верно, Дулут. Как же нам быть?

В его голосе прозвучало такое огорчение, столь неприкрытое разочарование, что мне стало жаль старика.

– Мы все устроим, – утешил я его. – Завтра я найду второго свидетеля. Геддес – отличный мальй. Он нам поможет, я в этом уверен.

– За-а-автра? Но я не могу ждать до утра. Нужно действовать быстро, разве вы не понимаете? Быстро и в глубокой тайне. – Лариби нащупал в темноте мою руку и умоляюще сжал ее. – Позовите Геддеса сейчас же, Дулут. Пожалуйста, пусть он поставит подпись незамедлительно.

Мне не слишком по душе пришлось идея будить одного из пациентов посреди ночи, но, раз уж я дал себя вовлечь так далеко в это дело, лучше было как можно скорее с ним покончить. Лариби в волнении следил за мной, когда я встал и направился к двери.

Стоило мне выглянуть в коридор и посмотреть в дальний его конец, как я сразу же увидел Уоррена. В алькове теперь горел свет, и ночной дежурный боком сидел в кресле, которое прежде занимала его сестра. Он локтем уперся в стол рядом с телефоном, поддерживая ладонью голову.

Проскочить незамеченным через коридор к расположенной совсем близко комнате Геддеса не составило труда. Гораздо сложнее было разбудить его. Мне пришлось грубовато потрясти его за плечо, прежде чем я добился хоть какой-то реакции. Когда же он окончательно проснулся, то чуть слышно вскрикнул от страха и окаменел, опершись на подушку, как совсем недавно сделал я сам, услышав шаги Лариби.

Я знал, что нарколепсия Геддеса была чревата ночными кошмарами и постоянной боязнью темноты, а потому чувствовал себя последним негодяем.

– Все в порядке. Не пугайтесь. Это я – Дулут, – поспешил я успокоить его.

Объяснил ему ситуацию, но он, по-моему, не слишком хорошо понял меня, в чем не было его вины. Даже мне самому мои слова представлялись каким-то совершеннейшим бредом.

– Но Лариби пребывает в чрезвычайно взвинченном состоянии, – заключил я свой рассказ. – И мне показалось необходимым оказать ему поддержку, в которой он крайне нуждается именно сейчас.

После краткой паузы Геддес продемонстрировал типично английское восприятие странных предложений и необычных просьб.

– Буду только рад помочь. Да, буду только рад. Несомненно.

Он выбрался из постели, и мы вместе на цыпочках вернулись в мою палату. Лариби ждал, сгорая от нетерпения. Как только мы появились, он устремился к нам, размахивая бумагой.

– Вам нужно только поставить свою подпись вот здесь, Геддес. Подпишитесь как свидетель под моим последним волеизъявлением, пожалуйста.

Дрожащими пальцами он запалил еще спичку и отдал Геддесу авторучку. Англичанин во весь рот зевнул, приложил документ к стенке и нацарапал внизу свою фамилию.

– А теперь еще раз вы, Дулут, – воскликнул старик. – Я только что вспомнил, что оба свидетеля должны расписаться в присутствии друг друга.

Я повторил процедуру при Геддесе, который если и был свидетелем, то очень сонным и едва ли соображавшим, что делает. Он почти сразу пробормотал:

– А теперь, если нет возражений, Дулут, я бы вернулся ко сну. У меня в голове все путается.

Он направился к выходу и почти взялся за ручку двери, когда она начала сама медленно открываться внутрь. Инстинктивно он сделал шаг назад. Собственно, отшатнулись мы все и тупо уставились на полосу света, которая постепенно расширялась, а затем ее заслонила тощая нескладная фигура, переступившая через порог.

Мои нервы, должно быть, были напряжены до предела, потому что на мгновение мною овладел безотчетный страх. Босой мужчина в синей шелковой пижаме почему-то произвел поначалу жутковатое впечатление. Он не шел, а почти плыл по полу, словно двигался, погруженный в транс. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать Дэвида Фенвика.

Он закрыл за собой дверь, встал совершенно неподвижно, а потом тихо произнес:

– Я слышал голоса... Голоса.

Меня удивило, что он смог расслышать наши разговоры, потому что его палата находилась достаточно далеко от моей вдоль коридора. Фенвик медленно повернулся к Лариби, который все еще судорожно сжимал в руке лист бумаги. Причем глаза молодого человека сверкали необычным блеском даже во тьме. У меня создалась мимолетная иллюзия, будто он способен видеть в полной темноте.

– Что это у вас в руке, Лариби? – внезапно спросил он.

Миллионер сам, по всей вероятности, уже плохо соображал. Его рука машинально опустилась, и он промямлил:

– Это... Это мое завещание.

– Завещание! Значит, вы готовитесь к смерти?

– К смерти? – Голос Лариби вдруг прозвучал громко, и хотя потом он снова замолчал, его слова эхом отдавались в моих ушах.

Фенвик скованно, всем телом повернулся к двери. Он двигался, как заводная игрушка, и его голос тоже звучал невыразительно и скрипуче – голос механизма, а не человека.

– Вы же знаете о предостережении. Я передал его всем. А вам не будет необходимости умирать, если вы внимаете гласу духов и будете опасаться мисс Браш. Иначе произойдет убийство.

Мы втроем застыли в изумленной неподвижности, когда снаружи снова послышались шаги, а потом и громкий окрик:

– Эй, вы там!

Дверь распахнулась, зажегся свет. Ослепленный его яркостью, я все же разглядел Уоррена, стоявшего на пороге и вцепившегося стальными пальцами в нежную руку Фенвика. Мрачным и подозрительным взглядом санитар обвел комнату.

– Что здесь происходит? – резко спросил он.

Мы повели себя, как типичные школьники, застигнутые за ночными шалостями. Лариби поспешно сунул бумагу и авторучку в карман. Я так и не понял, заметил это наш стражник или нет.

– Так что же здесь происходит? – рявкнул он снова.

Геддес и Лариби, казалось, лишились дара речи. Но кто-то должен был отвечать на вопрос санитаря, а потому я пожал плечами и как можно небрежнее сказал:

– Просто небольшой мальчишник, Уоррен. Заходите и присоединяйтесь к нам.

XV

После ухода всех незваных гостей у меня хватило ума немного повозиться в полумраке и нашарить на полу улики в виде остатков догоревших спичек. Спустив их в сливное отверстие раковины умывальника, я вернулся в постель и, как ни странно, сразу и крепко заснул.

Наутро меня разбудил новый дневной санитар. Еще не до конца проснувшись, я решил поначалу, что это Фогарти. Осознание ошибки повергло меня в истинный шок. А затем я испытал еще что-то вроде легкого потрясения, разглядев лицо новичка. Это было самое обыкновенное лицо – молодое и даже приятное. Но оно показалось мне почему-то хорошо знакомым.

Я старался подхлестнуть свою память, пока мы шли в спортзал для моей обычной разминки перед завтраком. Он назвался Джоном Кларком, но имя мне ничего не подсказало. Под конец, уже злясь на свою забывчивость, я задал ему прямой вопрос:

– Мы с вами не встречались прежде?

Он улыбнулся и ответил:

– Нет, мистер Дулут.

На чем разговор и закончился.

После завтрака я нанес традиционный визит в хирургический кабинет. Было заметно, что доктор Стивенс уже сожалеет о своей вчерашней импульсивной откровенности. Сегодня он держался со мной немногословно и выглядел чуть смущенным. Он бы смутился гораздо сильнее, узнав, к каким катастрофическим результатам привел предложенный им психологический и аналитический эксперимент.

Вид скальпелей, поблескивавших за стеклами его шкафов, заставил меня задуматься, не стоит ли поделиться с ним подробностями странного монолога в исполнении мисс Пауэлл вчера в актовом зале. Однако в свете дальнейших событий инцидент показался мне слишком тривиальным, чтобы упоминать о нем. Кроме того, после невольного открытия родственной связи доктора с Фенвиком я уже не мог целиком и полностью доверять ему. В итоге я ограничился всего лишь сообщением, что физически чувствую себя превосходно, а это, должно быть, прозвучало удивительно после всех пренеприятных событий последних суток.

В отличие от своего коллеги, доктор Морено выглядел совершенно бесстрастным, когда проводил со мной официальное собеседование в своем кабинете. Какое-то время он обсуждал со мной мое состояние с таким видом, словно в мире не существовало ничего более важного, чем душевное и психологическое состояние бывшего горького пьяницы. Его безукоризненное умение владеть собой подействовало на меня столь внушительно, что он застал меня врасплох, когда неожиданно по собственной инициативе заявил:

– А теперь касательно самого важного происшествия последнего времени, мистер Дулут. Я тщательным образом провел опрос среди пациентов. Разумеется, все делалось с крайней осторожностью, не касаясь сути прямо. Но никто из них не видел и не слышал ничего, их обеспокоившего. Насколько я понял, никто из них не располагает информацией, проливающей свет на обстоятельства смерти Фогарти.

– Даже если им ничего не известно, – сказал я, – мне хотелось бы надеяться, что сделано все возможное для раскрытия этих обстоятельств.

Подобная реплика вызвала у Морено чуть заметное раздражение.

– Чтобы несколько унять ваше беспокойство, мистер Дулут, могу сказать, что сотрудники лечебницы почти все свободное время посвятили стараниям помочь полицейским, детально отвечая на любые вопросы с их стороны. У вас не должно возникать даже мысли о проявлении кем-либо халатности или небрежности в столь серьезном деле. – Я воспринял его саркастическую реплику как разрешение уйти и уже поднялся с места, когда он вдруг добавил: – Что прошлой ночью делали в вашей палате Лариби, Геддес и Фенвик?

Теперь настала моя очередь испытать прилив крайнего раздражения. В конце концов, Морено был моложе меня, и никто не давал ему права проявлять по отношению ко мне диктаторские замашки. И, уж конечно, я сам не чувствовал ни малейшей расположенности откровенничать с ним.

– Наверное, нам всем не спалось, – ответил я. – Мы скучали. Вот и собрались, чтобы немного развлечь себя беседой.

Меня подмывало напомнить ему, что мы платили по сто долларов в неделю за пребывание в этой богадельне и могли, черт возьми, за эти деньги сами распорядиться своим ночным временем. Но его исполненный чувства собственного достоинства вид заставил меня промолчать. Подобная реплика показалась бы по-детски обидчивой. Он же посмотрел на свои стерильно чистые руки и размеренным тоном спросил:

– И о чем же таком увлекательном вам захотелось поговорить, что вы не побоялись нарушить правила внутреннего распорядка, мистер Дулут?

– Увлечен был главным образом Лариби, – мгновенно ответил я.

– Чем же?

– Скорее, кем. Он бесконечно говорил о мисс Браш, – я намеренно пристально взгляделся в лицо Морено. – Разумеется, это не моего ума дело, но меня поразило, как далеко у нее зашли с ним дела. А вы как считаете?

Внезапно его глаза прищурились, и я заметил в них тот опасный блеск, который уже несколько раз видел прежде. Вопреки неизменному хладнокровию Морено всегда плохо умел прятать злость. Я почти ожидал, что он меня отчитает, но его голос остался на редкость ровным.

– Вы являетесь моим персональным пациентом, мистер Дулут. И поскольку руководство лечебницы, не прислушавшись к моему мнению, решило столь многое вам доверить, я чувствую настоятельную необходимость пояснить вам кое-что о происходящем в этом заведении, чего вы не понимаете.

Я кивнул, поневоле восхитившись его самообладанием. Он ведь явно считал меня мелким пакостником, который без надобности сует свой нос в дела других людей, но ничем не выдал подобного ко мне отношения.

– Первое, что вам будет полезно узнать, касается мисс Браш. Это очень старательная молодая сотрудница лечебницы, на плечах которой лежат, пожалуй, самые трудные обязанности. Вы же умный человек, а стало быть, не можете не осознавать, что у привлекательной медсестры, которая ухаживает за не вполне душевно здоровыми мужчинами, практически неизбежно могут возникать определенного свойства осложнения.

– Мне уже за тридцать, – с улыбкой отозвался я. – И со мной вам уже не нужно возвращаться к урокам о том, как пчелки опыляют цветочки, а птички дружат друг с другом.

Морено сразу же взял более жесткий и напыщенный тон.

– По причинам, которые диктуются исключительно соображениями психиатрической науки, мисс Браш порой необходимо проявлять к некоторым пациентам особое отношение. Но делает она это только по предложению и единодушному одобрению нашего ученого совета.

Мне хотелось поинтересоваться, одобрил ли ученый совет ее действия, когда она тайком дала Лариби свою авторучку для того, чтобы тот переписал в ее пользу завещание. Вертелся у меня на языке и не менее интересный вопрос. Я мог бы спросить доктора Морено, одобряет ли он как профессионал некоторые аспекты поведения мисс Браш, которые ему явно поперек горла как обычному мужчине. Но мне вовсе не хотелось делиться с ним информацией. Напротив, я желал услышать как можно больше от него самого.

– Значит, если я правильно понял, мисс Браш является как бы частью лечебных процедур для Лариби, – напустив на себя наивность, сказал я.

Морено глубоко и шумно вздохнул.

– Вероятно, можно выразиться и так, мистер Дулут. Хотя это звучит несколько театрально. Но мне хотелось бы настоятельно рекомендовать вам предоставить все подобные вопросы тем, кто непосредственно уполномочен их решать.

Его губы сложились в скупую профессиональную улыбку, и он сообщил, что ждет встречи со мной завтра в обычное время.

Выйдя в коридор, я снова увидел Джона Кларка. Новый санитар стоял спиной ко мне, доставая из стенного шкафа полотенца. И хотя на нем был традиционный форменный белый халат лечебницы, бросалось в глаза, что носить подобную одежду он не привык. Кроме того, от меня не укрылась неловкость его обращения с полотенцами. И вот это дало мне столь необходимую подсказку. Внезапно я почти мгновенно вспомнил все.

Прошло уже два года с тех пор, как я в последний раз видел Джона Кларка. Но теперь в моем сознании прошлое ожило в полнейшей ясности. Я действительно должен был хорошо помнить его. Мы с ним познакомились в те жуткие дни после того, как здание театра сгорело дотла во время репетиции «Ромео и Джульетты», в дни, когда мое сознание помутилось от непрерывно встававшей перед глазами картины – Магдален в платье Джульетты беспомощно мечется посреди огненной ловушки в самом эпицентре совершенно внезапно и необъяснимо вспыхнувшего пожара.

Возникло подозрение в умышленном поджоге, и делом занялась полиция. Кларк как раз и был одним из сыщиков. А мне он особенно запомнился, потому что производил впечатление человека солидного и основательного. В то время он стал одним из немногих людей, чье общество я еще мог выносить.

Я подошел к нему и сказал:

– Глупо было с моей стороны не узнать вас сразу, верно?

Он посмотрел на меня пустыми глазами поверх кипы полотенец, а потом, увидев, кто перед ним, расплылся в дружеской улыбке.

– Я так и думал, что вы меня не забудете, мистер Дулут, но мне было указано ничем не выдавать нашего знакомства. Кстати, мы беседовали о вас с доктором Ленцем. Он сказал, что через пару недель выпишет вас отсюда. Хорошие новости, верно?

– А вас тем временем внедрили в штат, чтобы присмотреться к нам, придуркам, не правда ли?

Он многозначительно подмигнул мне.

– Для всех я всего лишь новый дневной санитар.

– Вас понял, – сказал я. – Кто еще в курсе?

– Только Морено и доктор Ленц. Идея принадлежала капитану Грину.

– Если есть настроение поговорить сугубо конфиденциально, – сказал я, – то мне это было бы очень интересно.

– Боюсь, что я лишь тупой рядовой коп, – ответил он лукаво. – Не могу пока ничего вам сообщить, кроме того, что полиция неустанно работает над делом, и мы рассчитываем добиться значительного продвижения вперед в ближайшее время.

– Вы рассчитываете добиться продвижения вперед? – эхом повторил я в недоумении.

– Шучу. Это всего лишь наша стандартная формулировка для прессы, мистер Дулут.

Он крепче зажал между ладонями кипу полотенец и удалился, бросив мне через плечо улыбку.

И эта улыбка немного добавила мне уверенности в себе. Кларк принадлежал к числу тех надежных парней, рядом с которыми начинаешь ощущать твердую почву под ногами. И, как говорится, еще никому не мешало иметь друзей в зале суда. Но одновременно я отчетливо понимал, что одному Джону Кларку не под силу разобраться в слишком запутанной ситуации.

Запутанной – иначе не скажешь. Я ощущал, как это дело все более и более втягивает меня в свою орбиту, в то время как я все менее и менее понимал, что происходит в действительности. Хотя следовало признать и другое. Разными путями и через многих людей я собрал изрядное количество информации, которую в силу многих причин предпочитал пока держать при себе. Мне представлялась вполне логичной попытка во всем самому разобраться. Как я уже отмечал,

инстинкты детектива принадлежат к числу фундаментальных человеческих инстинктов. Даже у нас, бывших алкоголиков. А я в целом уже почти вернул себе ясность мышления.

Преисполненный новой решимости, я тут же воспользовался возможностью незаметно допросить мисс Браш, когда она вывела нас на снег для утренней прогулки.

Хотя она не относилась к числу пациентов со сдвигом в мозгу, я заранее предвидел, что расколоть ее окажется, быть может, сложнее, чем ее подопечных. К этому моменту она уже полностью оправилась от вчерашнего смущения и растерянности. Ее светловолосый ангельский облик вернулся на прежнее место – безукоризненный и образцово аккуратный, как всегда. Я сразу понял, что с ней не сработает ничего, кроме тактики внезапного шока.

Мы чуть отстали от общей группы, и тут я начал атаку.

– Могу я задать вам не совсем деликатный вопрос, мисс Браш? – спросил я.

– Разумеется, мистер Дулут. – Она плотнее затянула на шее синий шарф и включила дежурную улыбку. – Но только если вы не возражаете против не совсем деликатного ответа.

– В нашем заведении ходят упорные слухи, что вы помолвлены с Лариби. Это правда? – Улыбка сама собой пропала с ее лица, но никаких других изменений в его выражении я не уловил. – Потому что, если это правда, – продолжал я, – мне хотелось бы первым официально поздравить вас.

Мисс Браш остановилась на протоптанной в снегу тропинке. В белой шапочке медсестры, едва прикрывавшей белокурые локоны, она выглядела как иллюстрация к описанию абсолютно здоровой молодой женщины. Но при этом женщины, готовой с размаху влепить мне пощечину.

– За время моей работы здесь, мистер Дулут, я была помолвлена с тремя писателями, епископом, несколькими сенаторами и парой очаровательных молодых пьяниц вроде вас. Но, к сожалению, все еще остаюсь мисс Браш, как вам известно.

– Стало быть, это ваш первый эксперимент с миллионером? – спросил я с дружеской улыбкой.

Ей мой вопрос не показался забавным. Несколько секунд она определенно смотрела на меня в некотором изумлении. А затем, пусть и не без легкого насилия над собой, снова стала бодрой и полной энергии старшей медсестрой, отрадой для пациентов. Положив руку поверх моей ладони, она произнесла с завидным спокойствием:

– Вам не кажется, что вы ведете себя довольно глупо, мистер Дулут?

– Ужасающе глупо, – согласился я. – Но не будь я дураком, я бы не оказался здесь и не имел удовольствия свести знакомство с вами.

Мы поспешили вперед, чтобы догнать основную группу гуляющих.

Как только мы с ними поравнялись, к нам присоединился Лариби. Его лицо сияло радостью, а меня он окинул заговорщицким взглядом: «Ты один из немногих посвященных», – читалось в нем. Порывшись в нагрудном кармане, он извлек на свет божий авторучку, с помощью которой минувшей ночью мы скрепили подписями его завещание.

– Я собирался отдать вам ее раньше, Изабелла, – сказал он. – Большое вам спасибо. И все дела улажены.

Он снова бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Зато мисс Браш старательно избегала встречаться со мной глазами. С небрежностью, в которой сквозила нарочитость, она взяла ручку и сунула в карман пальто.

– Благодарю вас, мистер Лариби, – произнесла она равнодушно. – Право, жаль, что перьевые ручки в нашей библиотеке вас не устраивают. Не в моих правилах одалживать свою каждому, кто хочет написать письмо, знаете ли. Но вы сказали, что уже несколько недель никак не могли закончить послание своей дочери.

И это было все, что мисс Браш сочла нужным предложить в качестве объяснения.

Впрочем, Лариби действительно мог придумать ложный предлог, чтобы получить вожденную авторучку, и мисс Браш в таком случае ничего не подозревала, как и хотела заставить нас думать. Но мне стало ясно главное. Как и следовало ожидать, наша энергичная и крайне деятельная старшая дневная медсестра стала для меня крепким орешком.

XVI

Погода начала меняться. К тому времени, когда мы вернулись после прогулки, с востока наползли темные тучи, и все шло к тому, что скоро начнется буря или сильный дождь со снегом.

Пациенты неизменно реагировали на ухудшение погоды. После обеда атмосфера в лечебнице стала напряженной; все нервничало и тревожилось даже заметнее, чем накануне. И я готов был расцеловать умницу Геддеса, когда он предложил мне партию в сквош.

Получив разрешение мисс Браш, мы переоделись, а Джон Кларк отпер для нас закрытый корт. Это было небольшое, отдельно стоявшее строение в дальнем углу двора. Когда мы вошли, в нос ударил затхлый запах редко используемого помещения. Пациенты мужского отделения заведения доктора Ленца явно не питали склонности к физической активности. Признаться, я и сам не заглядывал прежде сюда ни разу, хотя в дни трезвого образа жизни считался неплохим игроком в сквош.

Как только Кларк нас оставил, мы начали. Геддес жаловался на плохую форму, но я мог бы догадаться, что это традиционная английская скромность. Он отделал меня как бог черепаху и лишь потом признался, что в 1926 году был чемпионом клуба любителей сквоша в Калькутте.

– Но моя треклятая болезнь затронула и испоганила в моей жизни все, Дулут. Она проявляется даже в физических упражнениях. Поистине удивительно, что я не уснул сегодня после первого же сета. – Он прислонился к стене, стирая невидимые капли пота со лба. – Это просто ужасно, Дулут. Половину своей жизни я существую словно в дреме. Тупой, как баран.

– Или как пьяница, – сказал я ему в утешение.

Я уже научился уважать мужество этого человека. Он был единственным из нас, кто никогда не устраивал публичных истерик. Вероятно, этому учат пример короля Эдуарда и традиции Британской империи.

Он отклонил мое предложение продолжить игру, сославшись на усталость. У меня сложилось впечатление, что вопреки своей бравате он в глубине души испытывал страх. Внезапно он спросил:

– Вы приходили ко мне в палату прошлой ночью, Дулут? Или это мне приснилось?

– Приходил.

– И мы что-то подписывали как свидетели подлинности завещания Лариби?

– Верно, подписывали.

Он посмотрел на меня с удивлением, и, как мне показалось, ему хотелось, чтобы я все отрицал.

– Значит, так оно и было на самом деле, – пробормотал он.

И даже его тихий голос эхом отразился от стен корта, причем пугающим эхом, как будто один из духов Фенвика подхватил его слова. Я бросил по этому поводу шутливую реплику, но он сразу же сказал:

– Мне нужно уезжать отсюда, Дулут.

Он говорил со странно отчаянной интонацией. А когда настолько уравновешенный человек, как Геддес, начинает так говорить, поневоле встревожишься сам.

– Вы считаете, что вас здесь плохо лечат? – спросил я.

– Нет, дело не в этом. Я и не ожидал полного выздоровления. – Он откинул голову с безукоризненно аккуратной прической, упершись в стену затылком, и смотрел прямо перед собой. – Конечно, все можно списать на болезнь и нервы. Я так и делал, пока вы не заверили меня, что происшедшее в вашей комнате – не плод моего воображения. Понимаете, мне все это представлялось видением во сне. Но если то был не сон, тогда не сон и другое.

Я кивнул, ощущая странную тяжесть на душе.

– События в вашей комнате мне запомнились смутно, – продолжал он. – Но у меня отложилось в памяти, как Уоррен вернул меня в мою палату. Почему-то мне стало вдруг очень страшно. И я долго лежал потом почти в прострации.

Он провел пальцем по усам. Были заметны его тщетные усилия унять дрожь в руке.

– И вдруг это произошло, Дулут. Причем нечто настолько невероятное, что вы едва ли мне поверите.

– Что же произошло?

– Я лежал в полусне, когда услышал этот дьявольский голос, который окликал меня по имени.

– Боже милостивый!

– Но это еще не все. Я сначала решил, что зову сам себя, как было в первый раз, но быстро понял свою ошибку, потому что в палате на самом деле кто-то был.

До меня дошло, что он ничего не знает о других пациентах, слышавших голоса. Я ведь даже не рассказал ему о собственном переживании. Можно было только себе вообразить, как мой визит подействовал на него.

– Вы напугали меня до полусмерти своим приходом, Дулут. Но это оказалось еще ужаснее. Я чувствовал, что в темноте кто-то есть, но больше никто ничего не говорил. И вдруг меня окликнули по имени, – он слегка пожал плечами. – Знаю, это звучит как одна из страшных историй о привидениях, какие рассказывают друг другу дети, но она подошла прямо к моей постели – та фигура. Я мог видеть ее совершенно отчетливо.

– Мужчина или женщина? – поспешил я вставить вопрос.

– Я не разобрал. Честно говоря, меня трясло, как последнего идиота. Но зато я хорошо расслышал, что было сказано. Очень тихо и зловеще: «Будет еще одна вещь на мраморном столе, Мартин Геддес. Фогарти стал лишь первой. На очереди вы, Лариби и Дулут».

На корте для сквоша воцарилась звенящая тишина, когда он замолчал.

– Конечно, – продолжил он после паузы, – это мог быть всего лишь Фенвик в своей обычной роли, но только получилось уж очень жутко. И звучало слишком серьезно. Так, словно этот человек хорошо знал, о чем говорил. Я мог бы вызвать Уоррена по внутреннему телефону, но...

– Прекрасно понимаю ваши чувства, – заверил его я, чувствуя, как холод пробежал по спине.

– Я подумал, что мне нужно обо всем вам рассказать, Дулут, – тихо добавил англичанин. – Потому что фигурировало ваше имя и была произнесена та ваша нелепая фраза: «Вещь на мраморном столе». Что все это значит?

Он пристально смотрел на меня. Я мог лишь выдерживать его взгляд. Дар речи покинул меня.

– И еще упоминание о Фогарти, – упорствовал он. – Было сказано, что Фогарти стал первым. И его больше здесь нет. С ним ничего не могло случиться?

Мне оставалось только радоваться, что Геддес ничего не знал о моей находке в кабинете физиотерапии, а у меня не было необходимости рассказывать ему обо всем.

– Должно быть, заболел, – ответил я осторожно.

– Заболел? Возможно, что так. – Геддес принялся яростно крутить в руке ракетку. – Но это объяснение меня не удовлетворяет, Дулут. Морено разговаривал со мной вчера в хирургическом кабинете, где я принимаю новое лекарство, с которым они экспериментируют. И он сказал о Фогарти нечто весьма странное. У меня сложилось впечатление, что он пытается выведать, не видел ли кто-то из нас Фогарти. Возможно, Фогарти перепугался, как и мы все, после чего сбежал без предупреждения? Насколько я его знал, ему ничего не стоило бросить все, включая и собственную жену. Как бы то ни было, но здесь что-то происходит, и по непонятным причинам мы с вами оказались в это замешаны. Я не из трусливых. Готов противостоять любой опасности, когда знаю, в чем она состоит. Но все настолько бессмысленно, до такой степени запутанно. Тебе даже не дают шанса бороться. Вот почему у меня возникло желание убраться отсюда.

Мне ли было его не понять? Получив теперь уже второе, пусть и косвенное предупреждение, я сам ощутил, что тоже хотел бы уехать, пусть возвращение к спокойной жизни представлялось чреватым возобновлением пьянства. Но у меня имелась веская причина задержаться. Я не собирался бросать здесь Айрис совершенно беззащитной. Вероятно, было большой самонадеянностью с моей стороны думать, что я смогу ей хоть чем-то помочь. Но здесь не оставалось никого другого, кому я мог бы доверять. А ведь Айрис тоже слышала голос. Ей грозила опасность.

Геддес заговорил снова до странности приглушенным тоном:

– Сначала это предупреждение от духов через Фенвика. Потом записка в книге Лариби. Именно Лариби стал их целью, это несомненно. Я только не понимаю, при чем здесь мы.

Внезапно меня осенила простая и на первый взгляд нелепая мысль.

– Быть может, все дело в завещании? Ведь мы с вами заверили его. И тогда мне ужасно жаль, что я вовлек вас в неприятности.

Геддес взял время на размышление.

– Это не может быть связано с завещанием. Я впервые услышал голос за два дня до того, как узнал о завещании. Нет, здесь что-то другое. Нечто прямо и лично направленное против нас с вами.

Мы оба замолчали. Тишина на корте для сквоша ощущалась как-то по-особенному, стоило разговору прерваться. Легкий отзвук эха голосов быстро пропадал. Рождалось безумное ощущение, что здесь разговаривал кто-то еще, умолкая, стоило умолкнуть нам, и вслушиваясь.

– Раз уж мы оба оказались вовлечены, – сказал Геддес, – то, как я считаю, нам следует сделать все возможное и разобраться, что здесь творится. Отведу на эту попытку ровно два дня, и если ничего не узнаю, сразу же уеду.

Он снова примолк, и мы обменялись взглядами.

– Я в шутку сравнил нас с двумя сиротками в бурю, – напомнил я с улыбкой. – Похоже, я сам не догадывался, насколько оказался прав. Что касается партнерства с вами, то считайте, что предложение принято.

Едва закончив фразу, я вспомнил о наложенном на меня руководством лечебницы обязательстве хранить в секрете некоторые факты. Передо мной возникла моральная проблема, которая показалась слишком сложной, чтобы сразу с ней разобраться. По крайней мере на данный момент представлялось умнее держать Геддеса в относительном неведении обо всем, что мне известно, нежели рисковать лишиться расположения начальства и вместе с ним важного источника информации. И кроме того, после обескураживающе неудачных опытов с психоанализом накануне, я едва ли чувствовал себя вправе снова подвергать риску душевное здоровье пациентов.

Продолжение игры в сквош казалось невозможным. Похоже, мы поняли это одновременно, потому что Геддес направился к двери и вышел во двор.

Я последовал за ним чуть позже. Облака еще более сгустились и почернели, а потому вечер, казалось, наступил раньше обычного времени.

Геддес уже скрылся в главном здании лечебницы, когда оттуда показались две другие фигуры. Я сразу узнал в них Дэниела Лариби и Кларка. Меня удивил вид Лариби, переодетого для игры в сквош.

Кларк вежливо улыбнулся, приветствуя меня, и пробормотал, что мисс Браш предложила финансисту заняться физическими упражнениями. После чего вошел внутрь, чтобы подготовить корт. Лариби не спешил присоединиться к нему. Он стоял в напряженной позе рядом со мной, дожидаясь, пока мнимый санитар исчезнет за дверью.

– Я кое-что забыл вам сказать прошлой ночью, – прошептал он. – Пожалуйста, никому не рассказывайте, что видели у меня спички. О них никто не знает. Даже Изабелла. Я незаметно взял их, когда она давала мне авторучку. И она рассердится, если ей станет об этом известно.

Изрядно изумленный, я дал ему слово молчать. Его взгляд устремился на оставшуюся открытой дверь корта, располагавшуюся футах в пятнадцати от нас.

– Что-то не нравится мне этот наш новый санитар, – сказал он нервно. – Все время крутится вокруг меня. Боюсь, он что-то выведал о завещании.

Прежде чем я успел ответить, Лариби сунул руку в карман и достал бумагу.

– Я постоянно ношу его при себе, – прокряхтел он. – Но сейчас это становится опасным. Мне бы хотелось, чтобы вы позаботились о нем, Дулут, – он вложил листок мне в руки. – Меня могут убить. Пойдут на все, лишь бы отобрать у меня завещание...

– Все готово, мистер Лариби, – донесся с корта звонкий голос Кларка.

– Сохраните его в целости, Дулут, – выдохнул старик умоляюще. – Только вам я могу его отдать. Потому что только вам верю.

XVII

На обратном пути от корта мне пришлось миновать центральный вход в лечебницу. Я был все еще полностью поглощен мыслями о неожиданном решении Лариби отдать мне на хранение свое завещание. При этом мною все более и более овладевало убеждение, что этот необычный документ имел крайне важное значение в той сложной, таинственной и потенциально опасной истории, в которую оказались вовлечены мы все.

Умом и совестью я понимал, что завещание следовало бы показать Ленцу. А мой инстинкт самосохранения настойчиво подсказывал мне необходимость избавиться от треклятого листка бумаги как можно скорее. Но даже в своем помраченном состоянии Лариби безгранично доверял мне и настоятельно просил сохранить секрет. Для него все остальные, включая и Ленца, были врагами. Я же не чувствовал себя готовым пойти на предательство.

Атмосфера закрытой лечебницы с ее строгими порядками оказывает поразительное влияние на моральные принципы. После нескольких недель пребывания в этих стенах начинаешь незаметно возвращаться к кодексу поведения, которого придерживался еще в начальной школе. Сотрудники заведения в твоём сознании приобретают черты придирчивых или равнодушных к тебе учителей, а пациентов ты приравниваешь к одноклассникам, объединенным общностью интересов. Отношения приобретают мальчишескую пылкость, а измена тому, кто тебе доверился, видится таким же смертным грехом, как ябедничество нормальному школьнику.

А потому в случае с завещанием Лариби мне не оставалось ничего, кроме как смириться со свалившимся на меня бременем и покорно нести его.

Не успел я прийти к этому решению в духе Горацио Элджера⁴, как увидел в коридоре доктора Ленца собственной персоной. Он был одет для выхода на улицу, а в руке держал объемистый черный портфель.

Хотя значительная часть информации была доверена мне под честное слово, я знал много такого, чем мне ничто не мешало поделиться. И я с большой охотой ухватился за возможность поведать кое-что директору без посторонних ушей поблизости.

Его внушительная фигура с огромным чувством собственного достоинства несла себя к двери. Я поспешил вслед и почти заставил его себя заметить.

– Добрый день, доктор Ленц, – произнес я любезнейшим тоном.

Он вынужден был задержаться и с улыбкой покорно отозваться на приветствие.

– А, это вы, мистер Дулут. Рад видеть, что вы решили немного заняться спортом.

Я тоже улыбнулся.

– Не могли бы вы уделить мне немного времени?

Директор бросил едва уловимый взгляд на часы у себя на запястье.

– Разумеется, мистер Дулут. Но вот только вы до сих пор сильно разгорячены, и вам не следует стоять здесь на сквозняке. – Неподражаемо божественным жестом он указал на открытую дверь приемной для посетителей. – Давайте зайдем туда.

Он провел меня в комнату и плотно закрыл за собой дверь. Его серые глаза смотрели на меня с добродушным спокойствием.

– Доктор Ленц, – я предпочел сразу перейти к сути дела. – Пару дней назад вы сказали, что я могу оказаться вам полезен. По вашим словам, вы ощущали, что в лечебнице действует некая подрывная, враждебная сила.

Его лицо слегка омрачилось.

– Да, я, конечно же, помню об этом, мистер Дулут.

– Так вот, мне удалось выяснить некоторые вещи, о которых, по моему мнению, вам следует знать. – Меня несколько сбивала с толку необходимость выдерживать его пристальный невозмутимый взгляд. – Похоже, мистеру Лариби действительно угрожает опасность. Каким-то образом вся цепочка безумных событий – даже смерть Фогарти – ведет к нему.

– Но почему у вас сложилось такое впечатление, мистер Дулут? – спросил он мягко.

---

⁴ Элджер, Горацио, (1832–1899) – американский писатель, автор более ста книг для юношества, в которых проповедуются идеалы честности, мужества и стойкости.

И я поведал ему, не упомянув лишь о завещании, обо всех происшествиях, которые непосредственно касались финансового магната. О тиканье в его спальне и о том, как обнаружил потом в его кармане секундомер, о голосе брокера во время прогулки, о предупреждении духов, переданном через Фенвика, и о записке, которую мы с Геддесом нашли в его книге.

По мере того как я переходил от факта к факту, Ленц лишь кивал головой, не сводя при этом взгляда с моего лица. У меня возникло не слишком приятное ощущение, что его больше интересовала моя личная реакция на события, чем инциденты как таковые.

– Обо всем этом мне уже доложили, мистер Дулут, – сказал он, дослушав до конца. – Обо всем, кроме эпизода с запиской, найденной вами и Геддесом. Но меня это нисколько не удивляет. Мне показывали и другие подобные записки.

Само по себе его спокойствие поражало меня.

– Да, но как вы это можете объяснить?

– Мистер Дулут! На протяжении двадцати пяти лет я ежедневно, чтобы не сказать – ежечасно, сталкивался с вещами, которых не мог понять. И если вы полагаете, что все эти загадочные факты каким-то образом прямо связаны с ужасной смертью Фогарти, то чувствую необходимость сообщить вам, что я лично о них думаю. Мне представляется, что все случаи, о которых вы упомянули, могут иметь относительно простое объяснение. – Я был изумлен, что, видимо, отразилось у меня на лице, потому что он добавил с отечески покровительственной улыбкой: – Раз уж вы стали нашим доверенным лицом, мистер Дулут, я преподам вам элементарный урок психиатрии. Не в моих привычках нарушать врачебную этику, обсуждая своих пациентов, но обстоятельства действительно крайне необычные, а доктор Морено считает, что вы чрезмерно тревожитесь из-за всего этого. Учитывая ваше состояние, для меня важно избавить вас от повода для любых тревог.

Его слова вызвали у меня ощущения мальчишки, который с непозволительным упрямством пытается лезть в дела взрослых мужчин.

– Вы совершенно правы, мистер Дулут, когда утверждаете, что все эти предостережения кажутся направленными против Лариби, но вы забываете о другом человеке, фигурирующем в этой истории.

– Вы имеете в виду мисс Браш? – спросил я резко. – Ей тоже угрожает опасность?

Доктор Ленц погладил бороду, и я заметил в его глазах проблеск лукавства.

– Нет, мистер Дулут, я вообще не считаю, что опасность грозит кому бы то ни было. Однако упоминание о мисс Браш в этих сообщениях значительно упрощает нашу задачу как медиков. – Он снова выглядел совершенно серьезным. – Боюсь, что мистер Лариби в последнее время начал демонстрировать все симптомы шизофрении. А это всего лишь научный термин для обозначения раздвоения сознания. Раздвоения между реальностью и иллюзией. Подверженная иллюзиям часть его мозга говорит ему о том, что он женится на мисс Браш. Это безобидно и даже полезно, поскольку отвлекает его от мыслей о мнимых финансовых проблемах. Но вот здоровая и не лишившаяся здравого смысла часть сознания подсказывает ему, что молодые женщины опасны – они слишком охочи до его денег. И получается, что здоровая часть ума предостерегает его от собственных иллюзий. Он сам себе пишет записки, подсознательно вовлекая во все это других пациентов. Вполне вероятно, что он разговаривает сам с собой вслух, а такой человек, как мистер Фенвик, случайно услышав подобный монолог, способен воспринять его как предостережение от духов и сообщить об этом публично, замыкая тем самым порочный круг. Вы же не раз видели, мистер Дулут, что происходит, если бросить в воду камень. Начинают расходиться круги, вода не пребывает уже в прежнем спокойном состоянии. И многие из описанных вами вполне тривиальных происшествий, по моему мнению, имеют схожее происхождение.

– А случай с секундомером? – спросил я, все еще ни в чем не убежденный.

– И это тоже, мистер Дулут, относится к проявлениям одного и того же заболевания. Для пациентов с симптомами мистера Лариби вполне типично воспринимать собственные действия за происки других людей. Он знает, что по нашему нынешнему с ним финансовому договору лечебнице достанется крупная сумма денег, если будет установлено его полное и окончательное безумие. И это знание порождает у него идею, будто кто-то сознательно стремится свести его с ума. А отсюда всего один шаг до следующей стадии, когда в целях доказать реальность своих иллюзий он начинает сам создавать доказательства. Он мог, например, взять секундомер из

хирургического кабинета, напугать себя им, а вскоре уже начисто забыть, что все проделал собственноручно.

Доктор, как обычно, сумел заинтересовать меня познавательной лекцией, но не смог до конца склонить на свою сторону.

– Но ведь есть еще и многое другое, – настаивал я.

Пришлось рассказать ему о мисс Пауэлл и о ее красноречивом заявлении о хирургических ножах. Теперь мистер Ленц действительно слегка обеспокоился.

– Признаюсь, этот факт озадачил меня, мистер Дулут, но с чисто профессиональной точки зрения. Вы только что подтвердили высказанное мной ранее опасение, что происходящее в лечебнице может самым пагубным образом отразиться на других пациентах. Вот и миссис Пауэлл никогда прежде не разговаривала сама с собой, хотя ее склонность к воровству совсем не новость.

– Что верно, то верно. Она воровала и прежде, причем прямо у меня на глазах, – пришлось согласиться мне.

– Мисс Пауэлл страдает kleptomанией. Это умная и в высшей степени культурная женщина, но одержимая импульсивной страстью к воровству. Причем ею движет вовсе не корысть. Она крадет вещи без всякой выгоды для себя и прячет их. И она, разумеется, тоже личность легко внушаемая. Вы или я могли бы предложить ей украсть что-нибудь, и она, скорее всего, так бы и поступила. Таким образом, по временам недуг заставляет ее импульсивно красть вещи, а потом, вполне возможно, она, сама того не сознавая, начинает говорить о своих поступках вслух, что вы и слышали.

– Если я вас правильно понял, вы не видите в происшедшем ничего из ряда вон выходящего? – спросил я. – И вы не считаете возможным, что кто-то может пускать в ход гипноз, месмеризм или нечто в этом роде?

Исполненный странного магнетизма взгляд доктора Ленца снова притянул к себе мои глаза.

– Месмеризм, мистер Дулут, – это совершеннейшая чепуха, сенсационности ради придуманная для салонных игр и сюжетов до нелепости фантастических романов. Что касается гипноза, то он всего лишь является иным термином для описания случаев повышенной внушаемости. Иногда он имеет ценность как метод терапии, если необходимо выяснить нечто, спрятанное глубоко в подсознании пациента. Но нельзя впадать в ошибку, полагая, что с помощью гипноза можно заставить человека нарушить свои фундаментальные моральные принципы и заставить его совершить акт насилия, если только склонность к насилию изначально не заложена в индивидууме.

Я почти готов был выпалить ему все о том, как некий голос работал над внушаемостью Айрис, стараясь воспользоваться ее укоренившейся неприязнью к Лариби, но что-то меня вовремя удержало.

Воспоминание о ее бледном и грустном лице возникло в моем сознании, как и мольба: «Вы не должны ничего рассказывать доктору Ленцу. Он может тогда запереть меня в палате. Даже работать мне не разрешит...»

Оживший в памяти страх Айрис перед директором и меня самого настроил на несколько настороженный к нему лад. Его теории представлялись слишком уж упрощенными и выхолощенными.

– Но у вас нет объяснения для голосов, – не без торжества сказал я. – Я сам слышал такой голос, а ведь с моими мозгами почти все в порядке. Лариби слышал нечто подобное, только как звук тикера. Фенвик слышал, считая это голосами духов. А ведь есть еще Геддес.

И я рассказал ему о двух случаях, когда предостережения прозвучали для англичанина. Доктор слушал молча, но у меня сложилось впечатление, что его лицо еще чуть заметнее помрачнело.

– Должен признать, что в ваших с мистером Геддесом случаях действительно сложно сразу определить причину слуховых галлюцинаций, – уже не так уверенно сказал он. – Но я твердо знаю, что и для них найдется простое объяснение. Даже очень опытному и специально обученному медику трудно загипнотизировать другого человека. Зато до крайности просто страдающему самой легкой формой умственного расстройства пациенту ввести в состояние гипноза самого себя. Душевнобольные люди обладают повышенной чувствительностью к атмосфере – именно поэтому им часто ошибочно приписывают сверхъестественные способности.

Они ощущают ложную опасность или угрозу, якобы витающую где-то рядом с ними, особенно в условиях ограниченного пространства психиатрической лечебницы. Кроме того, они в высшей степени эгоцентричны, а потому неизменно считают объектами угрозы самих себя. Вот когда создаются все условия для того, чтобы воображать несуществующее – те же голоса, например, – а фантазии способствуют повышению внушаемости. Это своего рода самогипноз.

Еще пару дней назад директор внушал мне нечто совершенно противоположное. Он обладал поразительным талантом использовать сложности психиатрической науки, чтобы всякий раз находить удобную для себя точку зрения.

– Пусть даже так, – сказал я, переходя на более агрессивный тон, – но не станете же вы меня убеждать, что именно самогипноз заставил здравомыслящего до твердолобости Фогарти нацепить на себя смирительную рубашку?

– Верно, не стану. – Теперь доктор Ленц печально улыбался, но так, словно ему постоянно приходилось сталкиваться с явлениями гораздо более трагическими, чем сама смерть. – Попытки разобраться в этом, если быть до конца корректным, выходят за пределы моей врачебной квалификации. Вот почему я всего лишь сделал попытку показать ошибочность вашего предположения, что остальные, чисто психиатрические феномены, с которыми мы столкнулись, могут иметь связь с гибелью Фогарти.

Я пристально вглядывался в него, пытаюсь догадаться, что происходило сейчас в голове бородатого человека, неизменно напускавшего на себя вид почти божественного величия.

– Но ведь и у смерти Фогарти есть какое-то объяснение, доктор Ленц. Не может не быть. И полиция непременно захочет...

– Полиция, – оборвал меня Ленц уже с откровенным холодом в голосе, – почти полностью приняла – как официальную – версию смерти Фогарти в результате несчастного случая.

– Да? Но зачем же в таком случае...

Ленц выразительно посмотрел на часы. Он сразу потерял интерес к беседе, как только мы покинули столь благодатное для него поле спекулятивной патопсихологии.

– Я доверю вам важную информацию на условиях сугубой конфиденциальности, мистер Дулут, поскольку чувствую, что вам лучше знать правду. Миссис Фогарти признала, что они с мужем поссорились в ночь его смерти. По всей видимости, Фогарти уведомил ее, что решил уйти с работы в лечебнице и попытаться счастья в вашей, мистер Дулут, сфере деятельности. Если не в театре, то в иной разновидности развлекательного бизнеса. Он хотел, чтобы жена последовала его примеру, но она отказалась и настоятельно выступила против его планов.

Директор сделал паузу. Что ж, это по меньшей мере проясняло для меня, почему миссис Фогарти плакала в ночь гибели мужа.

– Вот ведь что получается, – продолжал доктор, и чуть заметная усмешка снова промелькнула в бороде. – В какой-то степени у меня есть основания полагать, что часть ответственности за гибель Фогарти лежит лично на вас. Вероятно, само по себе присутствие здесь знаменитого человека театра возбудило в нем желание попробовать себя на сцене, к чему обычно склонны гораздо более молодые люди. Мне бы не хотелось пускать в ход психологические догмы, рассуждая о вполне нормальном человеке. Но всем известно, что Фогарти был тщеславен, чрезмерно гордился своей физической силой. А жена нанесла по его самолюбию болезненный удар. Вот почему выглядит вполне правдоподобной теория, что в момент раздражения он отправился в кабинет физиотерапии совершенно один, полный решимости еще раз доказать себе свои способности. Он попытался исполнить некий сложный трюк – а смирительная рубашка как раз является атрибутом многих подобных фокусов. И вот результат...

– Но полиция... – попытался перебить его я.

– Полиция, мистер Дулут, не обнаружила никаких улик, которые опровергали бы версию, что Фогарти связал себя сам, а потом уже не смог освободиться от пут. Капитан Грин детально проработал это объяснение вместе со мной, и как психолог я не увидел явных противоречий в такой интерпретации происшествия.

Директор поднялся, не преминув снова красноречиво посмотреть на часы. Это означало, что он больше не смеет меня задерживать.

Только провожая его до двери, я вспомнил, как высоко ценится время специалистов его уровня. Пришлось признать: он щедро одарил меня им. Впрочем, я мог лишь надеяться, что стоимость его лекции не будет включена в очередной счет, который мне предъявят для оплаты.

– Что ж, мистер Дулут, я был рад возможности поговорить с вами. Приходите ко мне в любое время, когда сочтете необходимым. И еще... – Он чуть задержался на пороге. – Мне остается только констатировать... заметное улучшение в вашем состоянии. Приятно сознавать, что все тревожения последних дней не причинили вам никакого вреда.

Мимолетная улыбка в бороду. И затем он ушел.

Поднимаясь вверх, я раздумывал, до какой степени Ленц сам верил в то, о чем мне вещал. Не мог ли он попросту затеять очередной сеанс психологических манипуляций только лишь с целью улучшить мое настроение? Если так, то в этом он преуспел. После длительного разговора с ним было невозможно не почувствовать, как тебя переполняет новая уверенность в себе. Ему почти удалось во многом убедить меня.

И все же инстинкт подсказывал мне не слишком доверять его, казалось бы, обезоруживающей логике, простым и ясным разъяснениям. А потому я скоро понял, что прилив оптимизма, переживаемый мной, был всего лишь порождением основной цели существования этой лечебницы – стать райским местом для дураков.

XVIII

Вернувшись к себе в спальню, я достал из кармана пальто завещание Лариби. Миллионер просил сохранить его как можно надежнее, и я принялся искать подходящее место, чтобы спрятать документ. Но подобных мест оказалось не слишком много в наших аккуратных, но скудно обставленных палатах. Кончилось тем, что я сунул бумагу под резиновый коврик, лежавший у раковины умывальника. Вероятно, мой поступок смахивал на первостатейную глупость, однако я достиг той стадии, когда мне уже ничто не казалось особенно глупым.

В курительной комнате, куда я спустился потом, все выглядело на редкость умиротворенно. Билли Трент предложил мне содовой воды, чтобы утолить жажду после партии в сквош. Он выглядел заметно повеселевшим. Штрубель сидел за столом, с улыбкой разглядывая свои непрерывно двигавшиеся руки. Фенвик был занят игрой в карты с мисс Браш, явно игнорируя грозные предостережения духов, рекомендовавших ее опасаться.

На мгновение я почти поверил в правоту доктора Ленца. В лечебнице не происходило ничего зловещего, если не считать трагической случайности со связавшим самого себя санитаром, пытавшимся освоить силовой трюк. А все остальные странные инциденты легко объяснялись с точки зрения обычных аномалий.

Но почти сразу мне вспомнилась Айрис и выражение ее лица, когда она рассказывала об услышанном голосе. Прошло лишь двадцать четыре часа со времени нашей последней встречи, но в неизбывной скуке лечебницы эти сутки представлялись целой чередой вечностей. Я с нетерпением ждал вечера, когда снова предстояло общение пациентов двух отделений. Она должна прийти сегодня в актовый зал, уверял я себя. Если же не появится, то я устрою настоящий скандал, пока меня не убедят в том, что с ней все хорошо.

Наконец ужин закончился, и неутомимая мисс Браш повела нас в главный зал лечебницы. Айрис я увидел, как только мы туда вошли. Она сидела у фортепьяно в стороне от остальных женщин.

Вне себя от радости, я хотел подойти к ней, но путь мне преградила мисс Браш. Дневная медсестра с ослепительной улыбкой предложила стать четвертым за столом для игры в бридж. Я извинился и сказал, что мне совсем не хочется играть в карты. Тон мой был на грани грубости. Но она по-прежнему не двигалась с места, загораживая мне проход с командирским и напористым видом, контрастировавшим с ее почти девичьим платьем, голубишной напоминавшим яйца малиновки.

– Ну же, мистер Дулут! Нельзя вести себя так необщительно. Вам будет весьма полезна увлекательная игра.

И, наверное, впервые за все это время мне пришлось пожалеть, что я достиг той стадии выздоровления, когда больше не мог себе позволить обрушиваться на персонал с отборной руганью. Мисс Браш взяла меня за руку и повела к одному из столов. У меня сложилось впечатление, что она намеренно хотела изолировать меня от Айрис. Но что мне оставалось делать? Пойти вразнос и устроить бунт?

Бридж я вообще терпеть не мог, а эта партия стала сплошным кошмаром. Мисс Браш непрерывно весело щебетала, а играла так же плохо, как две другие дамы – умственно отсталые пациентки. Что касается моего взгляда, то он почти все время оставался прикован к углу, где стоял музыкальный инструмент.

Айрис казалась чем-то обеспокоенной, но более оживленной и даже загадочной, чем обычно, в своем темно-зеленом платье с широкими рукавами. Когда мы все-таки встретились с ней взглядами, мне почудилось, что ее глаза о чем-то умоляют меня. Мои ставки в игре сделались еще более вздорными и бессистемными. Хотелось как можно скорее закончить роббер.

Но мне в партнерши досталась робкая маленькая школьная учительница, принадлежавшая к числу тех картежниц, которые не вступают в игру, не имея на руках полного набора тузов или хотя бы королей. И мне никак не удавалось получить хотя бы небольшой перерыв, оказавшись в роли «болвана».

Я заметил, что Геддес этим вечером выглядел необычайно для себя общительным. Мне подумалось, что это часть его плана самостоятельно раскрыть тайну ночного голоса. Когда же я увидел, как он отвел в сторону Лариби, мое убеждение только окрепло. Мне было бы крайне любопытно узнать, о чем они беседовали.

– Четверка пик, – объявила мисс Браш.

– У меня нет пик на руках, – снова некстати сказала моя напарница.

– Шестерка пик, – отозвалась партнерша мисс Браш.

Мое внимание теперь разрывалось между Геддесом и Айрис. Когда я рассеянно, но героически заказал семерную игру без козыря, то заметил, как Айрис поднялась и пересекла зал, направляясь в сторону мисс Пауэлл. Старая дева из Бостона прервала раскладку пасьянса и что-то сказала. Геддес уже оставил Лариби и разговаривал со Штрубелем. Ничто не доставляет таких мучений, как знание, что происходят события, в которых ты никак не можешь принять участия.

Я с треском проиграл заказанную партию. К моему удивлению, но и облегчению тоже, всегда сдержанная мисс Браш не смогла скрыть своего недовольства моим легкомыслием.

– Право же, мистер Дулут, вы никак не можете сосредоточиться.

– Согласен, – поспешно кивнул я. – Позвольте мне найти для себя замену.

Мгновенно поднявшись из-за стола, я усадил на свое место Билли Трента, который был только счастлив оказаться рядом с мисс Браш, и сразу же направился к Айрис.

Она уже успела вернуться на стул у фортепьяно. Еще только пристраиваясь рядом с ней, я уже понял: что-то стряслось. Ее пальчики нервно играли с застежкой сумочки, а выражение лица только добавило мне новый повод для тревоги.

И хотя мы находились на виду у всего зала, я взял ее за руку и тихо спросил:

– Что случилось, Айрис?

Она отдернула руку. Но не думаю, что ей не нравилось мое прикосновение. Просто как раз в этот момент мимо нас прошел Морено, осматриваясь по сторонам профессионально острым взглядом.

Пока она ждала, чтобы он удалился, ее голова слегка склонилась вперед, словно она старалась вслушаться во что-то, но никак не могла расслышать. Потом прошептала:

– Это происходило снова прямо сейчас.

Я понял, что она имеет в виду этот дьявольский голос. Мы оба слегка дрожали от волнения.

– Что он говорил? – спросил я хрипло.

– Почти то же самое.

– Про Лариби?

– Да. Но добавил и кое-что еще. – Она резко повернулась ко мне, и я внезапно ощутил щекой теплое дыхание. Ее глаза, обычно темные и чуть сонные, теперь горели странным живым огнем. – Если я расскажу вам об этом, вы тоже решите, что я сумасшедшая, как думают все.

Я снова взял ее за руку. Какое-то время мы оба молчали. Было так приятно касаться ее. И мне казалось, что она испытывает такое же ощущение.

Когда же после долгой паузы она заговорила снова, ее голос звучал почти спокойно.

– Он сказал, я должна отомстить за смерть отца, в которой виноват мистер Лариби. Только расправившись с ним, я смогу снова стать здоровой. А потом...

– Что?

– Он сказал, что у меня в сумке лежит скальпель.

– Скальпель? – повторил я в полнейшей растерянности.

– Да. Но у меня не хватает духа посмотреть. Потому я очень надеялась, что вы ко мне подойдете.

Вероятно, это произошло только в моем воображении, но показалось, что все в зале разом замолчали, прислушиваясь и наблюдая за нами.

Мне стоило изрядного усилия взять себя в руки.

– Передайте мне сумочку, – сказал я.

Она покорно отдала ее, не вымолвив больше ни слова. Мои пальцы сильно дрожали, пока я возился с застежкой. А потом она пружинисто открылась.

Поначалу я лишь тупо разглядывал содержимое. Носовой платок, пудреницу и еще несколько мелочей, которые Айрис позволялось иметь при себе. В них было нечто, вызывавшее даже некоторую жалость к хозяйке вещей. Но они казались такими обыденными, такими естественными на своих местах.

И, наверное, именно поэтому столь ужасным выглядел другой предмет. Среди пустяков в самой обыкновенной кожаной дамской сумочке с шелковой подкладкой особенно странно смотрелся тонкий хирургический нож.

Одним мимолетным движением я достал его и сунул себе в карман. Мы с Айрис обменялись взглядами.

– Но ведь это абсолютно невозможно, – прошептала она.

Я тоже знал, что это невозможно, но вот только размышлял уже о другом. Я строил догадки, как и кому удалось совершить этот чудовищный трюк.

А затем, пока мы все еще продолжали сидеть рядом, я снова заметил, как остекленели, приобрели полусонное выражение ее глаза.

– Кто-то хочет, чтобы я убила Лариби, – медленно произнесла она. – Старается заставить меня сделать это против моей воли. – Ее руки бессильно опустились, и она добавила с внезапной мольбой и надеждой: – Но ведь вы не позволите ничему такому случиться, правда?

– Конечно же, не позволю. Нож теперь у меня. Я спрячу его. Вы можете полностью мне довериться.

Между тем вокруг нас в зале продолжалось активное общение. Краем уха я услышал смех мисс Браш, а затем басовитый голос Лариби. За столом неподалеку мисс Пауэлл тасовала карты для нового пасьянса. Они у нее неизменно сходились.

Айрис снова проняла крупная дрожь. Не обращая внимания ни на кого и ни на что, я обнял ее за плечи и тихо сказал:

– Не позволяйте запугать себя, Айрис. Помните, я всегда здесь.

– Но...

– Никаких «но» быть не может, – мои губы почти касались ее уха. – Я встану на вашу защиту, что бы ни случилось. Потому что... Потому что я люблю вас.

Ее взгляд снова встретился с моим, и она улыбнулась. Я же вдруг обнаружил, что мне глубоко наплевать на скальпели, голоса, да и на все остальное.

А когда мои губы ощутили мягкость ее волос, я подумал, не самое ли большое безумство совершается сейчас в повидавшем немало безрассудных поступков заведении доктора Ленца?

XIX

Айрис улыбнулась еще раз, и у меня мгновенно прояснилось сознание. Я почувствовал себя сильным, целеустремленным мужчиной. Таинственное появление скальпеля полностью подтверждало мои подозрения, что в лечебнице творились жуткие и весьма опасные дела. Мне было необходимо снова встретиться с Ленцем. Причем незамедлительно.

Но стоило сказать об этом Айрис, как выражение тревоги исказило столь милые мне черты ее лица.

– Нет, вы не должны ни о чем ему рассказывать. Не должны! Он решит, что мне стало хуже, запрет в палате. Он может даже...

– Но у него не будет оснований думать, что ваше состояние ухудшилось, Айрис. Разве вы не понимаете? У нас теперь есть нож. А это – весомое доказательство.

Она не успокаивалась. Губы у нее дрожали так, словно она готова была разрыдаться. Ей не выдержать заточения в палате одной, сказала она.

– Но Ленцу придется смириться с фактом кражи скальпеля, Айрис, – убеждал ее я. – Впрочем, если так для вас лучше, я не расскажу ему, что нож передали мне именно вы.

Мой последний довод, казалось, развеял ее страхи. Она чуть склонила голову и прошептала:

– Вы должны поступать так, как считаете нужным. Но все это настолько ужасно! У меня порой даже возникает чувство, что мне уже никогда не поправиться, не выбраться из этого пугающего места.

Я прекрасно представлял себе ее ощущения. Мною тоже иногда овладевало отчаяние. Но сейчас я вложил в свой тон весь оптимизм, на какой только был способен.

– Ерунда! – сказал я. – Мы оба уедем отсюда через пару недель. А все сказанное вчера остается в силе. Я собираюсь взять вас с собой, заставить работать на репетициях до седьмого пота, трудиться так, как вы никогда в жизни не трудились. И либо я сделаю из вас великую актрису, либо пойду по миру без гроша в кармане.

Я говорил совершенно серьезно. Каким-то непостижимым образом моя жизнь оказалась теснейшим образом связана с этой молодой женщиной. Что бы ни происходило здесь дальше, я твердо намеревался вытащить отсюда Айрис и полностью вернуть ей душевное равновесие.

– Оставайтесь здесь и ничего не бойтесь, – сказал я с ободряющей улыбкой. – А я отправляюсь к Ленцу.

Уже отходя от нее, я случайно бросил взгляд на мисс Пауэлл. До этого момента злость и смятение не позволяли мне построить логичную версию, как скальпель мог оказаться в сумочке Айрис. Но, увидев бостонскую старую деву, тихо сидевшую за своим пасьянсом, я сразу вспомнил те странные слова, которые она произнесла накануне: «В хирургическом кабинете хранятся ножи – замечательные стальные ножи».

И в ту же минуту мне стало ясно одно. Кто бы ни затеял гнусную игру против Айрис, действовал он либо совместно с мисс Пауэлл, либо при ее неосознанном участии.

Я еще не успел закончить размышлений на сей счет, когда престарелая жительница Бостона повернулась ко мне и кивнула с подчеркнутым вниманием.

– Добрый вечер, мистер Дулут. Какой типичный март стоит на дворе, не правда ли? Невольно вспоминаешь пословицу: «Март всегда приходит с бурей, а уходит с теплом».

После чего она коротко и нервно рассмеялась, вернувшись к привычному передергиванию карт в своем пасьянсе.

Морено был единственным сотрудником лечебницы, способным дать официальное разрешение на встречу с директором в неурочное время. Но сейчас ни его, ни Стивенса я в зале не видел, и моим первым порывом стало поспешить на их поиски. Но затем я вспомнил данное Айрис обещание не упоминать ее в связи с этой историей. Между тем все видели, как я долго с ней разговаривал. И если бы я покинул зал немедленно, могли возникнуть нежелательные подозрения относительно нее.

Поэтому, укротив свое нетерпение, я провел последние минуты, отведенные на вечер общения, в разговорах сразу с несколькими людьми в надежде отвлечь внимание от Айрис. Потратил несколько минут, достаточно убедительно демонстрируя интерес к раскладу карт мисс

Пауэлл и ее весьма позитивным воззрениям на социальные реформы. Постоял немного за спиной мисс Браш, окончательно удостоверившись, что в бридж она играет даже хуже, чем я сам. Поддразнил Билли Трента. А затем по очереди обменялся репликами с Лариби, Фенвиком и Штрубелем.

Как я почувствовал, моя неожиданная социальная активность не укрылась от наметанного взгляда мисс Браш. Несомненно, она приняла ее за дальнейшее свидетельство прогресса в лечении.

И только когда мы уже вышли в коридор, направляясь в свой флигель к спальням, у меня появилась возможность перебраться словом наедине с Геддесом. Мне хотелось выяснить, не узнал ли он чего-то нового от Лариби, но мне хватило времени лишь для того, чтобы шепнуть ему:

– Отправляюсь к Ленцу. Произошло еще кое-что. Расскажу подробности позже.

Как назло, в этот момент с нами поравнялась мисс Браш.

– Мисс Пэттисон очень привлекательная девушка, – промурлыкала она.

– Да, я заметил... – Мой ответ должен был прозвучать осторожно.

– И вы, кажется, с ней очень хорошо поладили, не так ли, мистер Дулут?

– Это тоже будет внесено в мою историю болезни? – спросил я, не сдержав легкого раздражения.

Она улыбнулась, но мне почудилось, что в глазах ее сверкнули злые искры.

– О мистер Дулут, не надо все усложнять. Я всего лишь хотела подчеркнуть, что у вас хороший вкус, пусть вы и предпочитаете брюнеток.

Мисс Браш могла быть прошедшей огонь и воду, в высшей степени знающей медсестрой, но чисто по-человечески ей явно не нравилось, когда мужчина из небольшой группы ее вечных поклонников начинал уделять чрезмерное внимание другой женщине.

Не решаясь откладывать сообщения слишком надолго, я уведомил ее о желании видеть доктора Ленца. Улыбка тут же слетела с ее лица, и она довольно угрюмо заявила, что мне придется обратиться за разрешением к Морено. Как раз вовремя появился Уоррен, и она попросила его отвести меня в кабинет молодого психиатра.

Ночной санитар выглядел отдохнувшим и не таким мрачным, как обычно. Более того, он даже проявлял некоторое дружелюбие. Как я догадывался, хорошее настроение навеяло ему известие о том, что полиция списала смерть его зятя на несчастный случай. А когда угроза новых перекрестных допросов улетучилась, он явно решил простить мне мои прежние перед ним прегрешения.

Когда я вошел, доктор Морено закрывал дверцу небольшого стенового шкафа, но я успел заметить до боли знакомую этикетку на бутылке и стакан, еще остававшийся наполовину полным. Это был «Джонни Уокер», и мне оставалось только позавидовать доктору. Но я с удовольствием отметил, что моя зависть не стала чрезмерной. Еще пару недель назад я бы набросился на него, как голодный хищник, и вырвал бутылку из рук.

По выражению на моем лице он понял, что я поймал его, улыбнулся и сказал почти по-доброму:

– Жаль, не могу предложить вам составить мне компанию, мистер Дулут.

Он указал на кресло перед своим столом, но я не стал садиться.

– С радостью составил бы вам ее, доктор, – ответил я, – но, к сожалению, не имею возможности задерживаться у вас. Мне нужно немедленно увидеться с доктором Ленцем.

Морено замер, и выражение его лица утратило всякое добродушие. Как нетрудно было предположить, он ненавидел ситуации, когда пациенты изъявляли желание обратиться к более высокому начальству через его голову.

– Доктор Ленц выступает с докладом на медицинской конференции в Нью-Йорке, – холодно ответил он. – Он вернется только завтра.

– Но мне настоятельно необходимо поговорить с ним, – настаивал я.

– В отсутствие доктора Ленца временным главой лечебницы становлюсь я. И если вопрос действительно важный, посвятите в его суть меня, мистер Дулут. – Перемена в выражении моего лица оказалась, видимо, настолько явной, что это никак не могло польстить ему, и он с горячностью добавил: – Думаю, настал момент поделиться с вами, мистер Дулут, своим мнением: ваше отношение ко мне лично и к прочим сотрудникам лечебницы выглядит крайне негативным.

У меня такое чувство, что вы скрываете от нас потенциально очень важную информацию, пытаетесь на пустом месте создать мелодраму...

– Мелодраму? – оборвал его я. – Как бы мне хотелось, чтобы все это действительно оказалось не более чем мелодрамой! Но, к сожалению, мы сталкиваемся с реальностью. С устрашающей реальностью. Это вы сами делаете все возможное, чтобы спасти честь мундира. Вы ведь пытались стать актером, угадал? Предполагаю, что вам доставались роли высоколобых рыцарей науки, врачей милостью божией. И вы продолжаете играть свою роль до сих пор. Причем настолько оторвались от нормальной жизни, что уже не в состоянии уловить момент, когда люди начинают себя вести, как свойственно обычным людям, а не марионеткам-невротикам, чья функция сводится исключительно к тому, чтобы правильно реагировать на вашу терапию, давая вам возможность отмечать прогресс лечения в их медицинских картах.

Морено заметно покраснел.

– Вы слишком возбуждены, мистер Дулут, – сказал он тем не менее вполне спокойно. – Причем, насколько я вижу, ваше поведение вызывает повышенную возбудимость среди других пациентов. И если вы вовремя не остановитесь, то станете для нас не помощником, а досадной помехой, что, кстати, помешает и вашему выздоровлению.

Я смотрел на него, стоявшего передо мной в безупречном врачебном халате с почти высокомерным видом, и он превращался для меня в символ бюрократии, легкомыслия и лицемерия, которыми была пронизана жизнь в этой дорогой лечебнице. И я сказал ему, что кому-то нужно стать помехой для всего того, что творится в их заведении. Назвал его чопорным и надменным невежей, а потом использовал по его адресу еще несколько достаточно оскорбительных эпитетов.

Он воспринял мои слова на удивление бесстрастно, учитывая, как совсем недавно не мог скрыть своего раздражения и гнева на меня. И пока я произносил свою страстную тираду, возникло неприятное предчувствие, что все это будет тщательно занесено в мою историю болезни, как только я удалюсь.

Но его спокойствие только еще больше вывело меня из равновесия. Мне было плевать – пусть считает меня сумасшедшим, пусть запрет в этих стенах еще на полгода. Мое существо жаждало выплеснуть накопившуюся злость на бесчувственное отношение медицинских бюрократов к людям. И это было восхитительное ощущение – высказать ему все прямо в лицо.

Однако стоило мне замолкнуть, чтобы перевести дыхание, он по-прежнему тихо сказал:

– Если вы закончили, мистер Дулут, предлагаю поговорить теперь просто как мужчина с мужчиной. Я рассматривал вас в качестве пациента, а вы относились ко мне как к врачу. Давайте отбросим это на время. Идет?

– Я не верю, что Ленц уехал, – упрямо заявил я. – А я не буду разговаривать ни с кем, кроме него лично.

– Вы, разумеется, вольны отправиться на его поиски, но только напрасно потеряете время. Взгляните на это, – и он показал мне медицинский журнал, анонсировавший предстоящее выступление Ленца на крупном научном форуме сегодня вечером. – Вы хотели сообщить ему что-то по-настоящему существенное? – задал он вопрос с оттенком сарказма. – Или собирались снова завести волюнку о неких мифических голосах, которые вы и другие...

– Существенное? – оборвал его я. – Как вам кажется, это существенно или нет, если я скажу, что из хирургического кабинета крадут скальпели?

– Я бы посчитал это совершенно невозможным, мистер Дулут, хотя охотно проведу проверку.

– Значит, вы мне не верите?

– Я лишь сказал, что считаю это невозможным. Доктор Стивенс отвечает за хирургический кабинет и...

– Хорошо, тогда, быть может, мне удастся убедить вас в своей правоте.

Я довел себя до такого взвинченного состояния, что едва контролировал свой голос. Вся моя нервозность вернулась ко мне. И мне оставалось только запустить дрожащую руку в карман.

– Так смотрите же!

– Жажду получить доказательства, мистер Дулут.

Я вынул руку из бокового кармана и стал лихорадочно обшаривать остальные – нагрудный, внутренний, карманы брюк.

– И долго мне ждать, мистер Дулут?

В его голосе звучало такое непоколебимое спокойствие, такая несокрушимая уверенность в себе, что я понял: он заранее знал, чего ожидать.

Я обшарил все карманы. Вероятность ошибки исключалась.

Нож бесследно пропал!

А затем что-то во мне вдруг сломалось, потому что очнулся я уже в постели, а миссис Фогарти вливала мне в рот какую-то сладкую успокаивающую жидкость.

XX

На следующее утро мне не позволили встать с кровати и нянчились со мной как могли. Морено навестил меня первым и вел себя безукоризненно в роли молодого невозмутимого психиатра, словно накануне ничего не случилось. Мисс Браш то появлялась, то торопливо куда-то уходила, убедившись, что я получал все необходимое. Как я понял, им было важно уgomонить мои расшалившиеся нервы.

Но успеха они не добились. Я беспокойно вертелся под одеялом, вспоминая о ноже и о том, каким дураком меня выставили вчера. Во мне все же сохранялось достаточно здравого смысла, чтобы понимать реальность инцидента в актовом зале. Случившееся не было плодом моих фантазий. Кто-то намеренно похитил нож у меня из кармана. В этом не было ни малейших сомнений.

Вновь и вновь я восстанавливал в памяти свои хаотичные передвижения по залу после того, как оставил Айрис. И пришел к неутешительному выводу, повергшему меня в депрессию. В своем стремлении оградить ее от сплетен я успел пообщаться почти со всеми обитателями лечебницы, предоставив практически любому из них возможность незаметно вытащить нож у меня из кармана.

К моему удивлению, чуть позже утром меня посетил в палате доктор Стивенс. При виде его розовощекого, округлого, но мрачного сейчас лица я решил сначала, что драма вчерашнего вечера каким-то образом пагубно сказалась на моем физическом состоянии. Однако уже скоро я понял, что его приход едва ли был официальным медицинским визитом. Он все же принялся осматривать и ощупывать меня, но я заметил, как он внутренне собирается, чтобы задать действительно волновавший его вопрос. И доктор не заставил меня ждать слишком долго.

– Морено сообщил мне, что Дэвид, то есть... мой сводный брат побывал у вас в комнате позапрошлой ночью, – начал он, уже застегивая пуговицы на моей пижаме. – Вы знаете, насколько волнует меня его судьба, и я подумал, что вы могли бы рассказать мне, зачем...

Он осекся, и вид у него был при этом довольно робкий. Меня же настолько сейчас занимали другие проблемы, что я совершенно не чувствовал желания помогать ему в семейных делах.

– О, вам не о чем особенно беспокоиться, – ответил я небрежным тоном. – Ко мне приходили еще двое пациентов, а Фенвик услышал, как мы разговариваем. Вероятно, он решил, что мы духи, и явился проверить это.

– Понятно... – Доктор Стивенс пододвинул к моей постели стул и сел. Его пальцы нашли обычное место для отдохновения – висевший на шее стетоскоп. – Раз уж я начал объяснять вам свою ситуацию, мистер Дулут, то будет лишь справедливо информировать вас о моих дальнейших намерениях. За последние несколько дней Дэвиду определенно стало хуже. И я принял решение, невзирая на возможное негативное впечатление, которое это может произвести на других пациентов, удалить его отсюда. Он покинет лечебницу уже завтра. Разумеется, все будет сделано без лишней огласки. Никакой шумихи. Я собираюсь поговорить об этом с доктором Ленцем, когда он вернется из Нью-Йорка.

– Вы предполагаете, полиция даст согласие на чей-либо отъезд? – спросил я словно мимоходом. – Здесь ведь произошли достаточно необычные события, знаете ли.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду. – Лицо херувима приобрело холодное и суровое выражение. – Неужели же вы считаете...

– Я ничего не считаю, – пришлось прервать его мне, поскольку я чувствовал усталость и полную неготовность к любым спорам. – И, вероятно, вы поступаете правильно, Стивенс. Здесь не стоит задерживаться тому, кто действительно хочет выздороветь.

Но вместо того, чтобы на этом закончить разговор, я лишь внес в него, по всей видимости, новую ноту. Стивенс стал настойчиво требовать объяснения смысла моих слов. Слышал ли я или, быть может, видел нечто, указывавшее на серьезные неприятности? Сообщил ли я доктору Ленцу обо всем, что мне известно? Был ли в этом как-то замешан Дэвид? Я без зазрения совести все отрицал. Другого выхода из создавшегося положения мне не виделось.

Но, упорствуя в своих попытках получить от меня необходимую информацию, Стивенс откровенно вышел за рамки врачебной этики. В виде ниточки он подкинул мне очередной вопрос:

– Не думаете же вы, что Дэвид так встревожился по поводу мисс Браш? Мне трудно себе представить, зачем он публично заявил о якобы полученном относительно нее предупреждении, если только...

– Это потому, что вы не психиатр, доктор Стивенс.

Голос донесся от двери. Мы оба повернулись и, к своему ужасу, увидели дневную медсестру на пороге палаты, напряженную, но излучавшую небесное сияние, подобную сейчас ангелу с огненным мечом в руках. В ее голубых глазах сверкала злость и нескрываемое раздражение. Она неторопливо приблизилась к моей постели.

– Не знаю, с чего началась ваша столь интересная беседа, – сказала она, – но не думаю, чтобы доктору Ленцу нравилось, когда сотрудник лечебницы и пациент столь откровенно сплетничают между собой. Вы совсем недавно работаете у нас, доктор Стивенс, но вам пора бы уже усвоить, что это заведение для душевнобольных, а потому в обращении с ними требуется проявлять особую сдержанность.

Мне еще не приходилось видеть ее в такой ярости. И я не мог даже сразу понять, что вызвало гнев в большей степени – преданность делу или же ремарка, так неудачно отпущенная Стивенсом, в которой фигурировало ее имя. В любом случае победа за явным преимуществом досталась медсестре. Стивенс вскочил со стула, густо покраснел, пробормотал что-то невразумительное и бросился вон из палаты.

Как только он исчез, мисс Браш совершенно неожиданно одарила меня улыбкой, в которой читалось прощение, хотя взгляд ее оставался пристальным.

– Боюсь, я совершила ошибку, выйдя из себя в присутствии пациента, мистер Дулут. Но нам всем доктор Стивенс начинает действовать на нервы. В нем есть что-то от пожилой матроны, нечто чисто женское, если вы меня понимаете.

– Он всего лишь расспрашивал меня о своем сводном брате, – вяло попытался оправдать Стивенса я.

– Даже имея самую уважительную причину, ему не следовало заводить разговор об этом с вами, – и мисс Браш принялась с излишней активностью заботиться о моем удобстве, взбивая подушки и с силой натягивая простыни. Закончив, она подняла на меня взгляд, который наводил страх своей жесткой решимостью. – Вам необходимо унять свои тревоги, мистер Дулут. Если вас преследует ощущение, что в лечебнице творится неладное, то вы глубоко ошибаетесь. Это просто игра вашего воображения.

А подобное заявление со стороны мисс Браш было равносильно приказу. Она одернула накрахмаленные рукава, прошелестела юбкой и величаво удалилась.

Непогода, грозившая нам еще накануне, за ночь разбушевалась вовсю. Утром нисколько не прояснилось, и за моим окном было отчетливо видно, как с небес густо падает смесь дождя со снегом.

После нескольких часов пребывания в одиночестве я затем вновь удостоился посещения мисс Браш. Она появилась в моей палате уже в седьмой или восьмой раз, чтобы сообщить о намечавшейся демонстрации кинофильма. Кино было неременной частью диеты в этой лечебнице, и показ очередной картины наметили на сегодняшний вечер. Но поскольку плохая погода не давала пациентам возможности отправиться на регулярную прогулку, сеанс в этот раз решили устроить сразу после обеда. Пациентам старались не оставлять слишком много свободного времени, чтобы грустить из-за своих недугов и предаваться печали.

– Вы, конечно же, тоже должны прийти, мистер Дулут, – отдала распоряжение медсестра. – Вам это будет чрезвычайно полезно.

– А что за фильм? – спросил я с не слишком довольным видом.

Она улыбнулась.

– Что-то о животном мире. Вид зверушек всегда действует на пациентов самым благоприятным образом.

– Только не на меня, – мрачно заявил я. – Я все-таки человек с Бродвея. Наблюдение за сексуальными играми белохвостых бабуинов – это не мой вид развлечений.

Мисс Браш рассмеялась. Мне оставалось только поражаться, как угнетающе порой действовала на окружающих ее извечная жизнерадостность.

Обед мне принесли в постель – жареное куриное крылышко и пирог с заварным кремом. Но я едва успел расправиться с курятиной, как поступило указание одеваться. Поспешно облачившись в свою одежду, я присоединился к процессии, направлявшейся на просмотр кинофильма.

При виде Геддеса я устроил так, чтобы мы вдвоем оказались в конце небольшой очереди, образовавшейся в коридоре у двери. Лицо англичанина носило следы усталости и хандры. Идея кинопросмотра ему тоже явно не пришлась по душе.

– Ничего глупее, чем заставлять меня смотреть эту муру, они и придумать не могли, – сказал он мрачно. – Тоска зеленая. И я все равно засну, а если в фильме будет хоть что-то по-настоящему интересное, со мной непременно случится приступ окаменения. Но что поделаешь, приходится подчиняться их распорядку.

Предаваясь размышлениям в утренние часы, я решил, что пора сообщить Геддесу все, о чем стало известно мне самому. Вечно двусмысленные психиатрические заключения Ленца, напыщенность Морено, излишнее любопытство Стивенса и энергичное равнодушие ко всему мисс Браш раз и навсегда внушили мне мысль, что не следует ожидать ни понимания, ни поддержки со стороны сотрудников лечебницы. А мне сейчас было крайне необходимо и то и другое. Мне нужен был кто-то, с кем я мог говорить о здравом смысле, не сбиваясь на обсуждение его отсутствия у каждого из нас, некто, кто мне поверит, не подвергая каждое слово сомнению и не делая потом мое умственное состояние предметом обсуждения между коллегами. Геддес взялся за собственное расследование. Двое сыщиков-любителей должны заключить союз и послать к дьяволу весь бюрократический официоз.

– Послушайте, – начал я осторожно, – мне нужно о многом вам рассказать. О вещах, которые давно знал, но был слишком глуп, чтобы поделиться ими.

Геддес чуть задержался. Перед нами все еще стояла небольшая толпа желавших посмотреть кино, постепенно проходившая в зал.

– Вы имеете в виду тот голос?

– Да. И не только. Помните наш разговор о Фогарти? Так вот, он вовсе не уехал из лечебницы. Его здесь убили.

– Убили! – На лице англичанина отобразилось величайшее изумление. – Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Полиция считает это несчастным случаем, но лично я...

– Когда это произошло?

– Пару дней назад.

– И что, действительно прямо в стенах лечебницы?

– Да. В кабинете физиотерапии в субботу ночью.

– Так вот оно что! – В глазах Геддеса вспыхнуло выражение понимания чего-то очень важного, а потом взгляд стал до крайности серьезным. – Теперь мне все ясно, Дулут. Почему от меня хотят избавиться, почему угрожают убить. Боже! Если бы я только узнал об этом раньше! Послушайте, мне необходимо срочно увидеться с Ленцем.

– Не надо этого делать, – настойчиво посоветовал ему я. – По крайней мере сначала расскажите обо всем мне. Вы что-то такое видели или...

– Да, видел нечто очень интересное и...

Мы оба слишком увлеклись, чтобы заметить приближение мисс Браш. И увидели ее, только когда она уже стояла буквально в двух футах от нас, ослепительно улыбаясь.

– Что вы топчетесь на месте, как двое копуш? Если не поторопитесь, половину фильма пропустите.

У этой женщины был особый талант всегда появляться не вовремя. Я не мог даже догадываться, успела она что-то подслушать или нет, а она ничем себя не выдала. Проскользнув между нами, она взяла нас за руки и повела за собой, как водит высокооплачиваемая няня двух малолетних отпрысков богатого семейства.

В качестве одного из своих самых современных удобств для пациентов лечебница доктора Ленца могла похвастаться специальным кинозалом. Сам директор глубоко верил в успокаивающий эффект некоторых тщательно отобранных картин и, чтобы добиться желаемого воздействия, приказал установить совершенно роскошный проектор в смежной комнате с залом, изначально предназначенном для театральных спектаклей.

Самое трудное в стенах закрытого заведения для душевнобольных – это избавиться от постоянного ощущения, что ты связан множеством ограничений. Поэтому Ленц пошел на многое, чтобы создать именно в этом зале свободную атмосферу внешнего мира, дабы у каждого возникала иллюзия, что он просто зашел сюда с улицы по своему желанию. Зальчик был крохотный, но мягкие кресла в нем установили ровными рядами точно так же, как в любом настоящем кинотеатре. Освещение контролировалось из киноаппаратной комнаты, и оно тоже выглядело подлинным – медленно меркло, а потом столь же постепенно возвращалось. В качестве последнего важного штриха проектор расположили в полностью звуконепроходимом помещении, и его стрекотание не отвлекало зрителей от просмотра, а для многих чувствительных натур даже это представлялось необходимым.

Отступление от нормы существовало только одно, но зато от него веяло неприкрытой азиатчиной. Зрителей строго делили по половому признаку: женщины садились слева от центрального прохода, мужчины – справа.

Когда мы вошли, женская половина была уже заполнена. Левая от прохода сторона жила своей жизнью – головы сплетниц, склоненные поближе друг к другу, возбужденная болтовня и взрывы хохота. Я сразу же заметил Айрис. Она сидела у самого прохода, а ее соседкой была мисс Пауэлл. Но как я ни старался встретиться с Айрис взглядом, она пока не видела меня.

Зато мужчины в большинстве своем все еще оставались на ногах, то и дело вступая между собой в перепалки из-за более удобных мест. Мне не терпелось снова оказаться в паре с Геддесом и выслушать то, что он собирался рассказать, но как только я двинулся в его сторону, меня навязчиво и прочно взяла под свой контроль мисс Браш. Я не успел и пискнуть в знак протеста, мгновенно оказавшись усаженным в кресло рядом с Билли Трентом.

Я был слишком озабочен и погружен в раздумья, чтобы обращать внимание на происходившее вокруг, но постепенно все остались довольны своими местами в зале. Разговоры ожидаемо стихли, воцарилась тишина, и Уоррен, бывший по совместительству киномехаником, плавно убрал свет в помещении кинозала. Я успел лишь заметить массивную фигуру Лариби, занявшего кресло в проходе как раз напротив Айрис, прежде чем установился полный мрак.

Раздался нервный смех одной из пациенток, шарканье ног, а затем тишина снова стала полнейшей, и фильм о животных начался.

Газели с раскосыми глазами, напоминавшими глаза Дэвида Фенвика, резвились в африканской саванне. Ленивец смачно жевал плод баньяна или какой-то другой фрукт. Маленькие бабуины чесали друг другу спинки. На меня все это наводило тоску. Но не на остальных. Почти сразу в зале установилась атмосфера живейшего интереса к происходившему на экране. Юный Билли Трент рядом со мной даже склонился вперед с сиявшими любопытством глазами. По временам с женской половины кто-то громко начинал подавать одобрительные реплики.

Это сосредоточенное, почти детское восприятие снова заставило меня осознать, насколько мировосприятие пациентов лечебницы все же отличалось от умственного настроения большинства нормальных людей. И одновременно пришло понимание, как просто было сотрудникам лечебницы держать своих подопечных в совершенной изоляции, в невежестве даже относительно того, что происходило вокруг них. Они могли на несколько секунд проявить яркую эмоциональную реакцию на события, но уже скоро напрочь забыть о том, что ее вызвало.

Лицо Билли Трента сейчас служило символом именно этого. В течение очень короткого времени выражение тревоги на нем сменялось полнейшим восторгом, грусть – радостным возбуждением. И все из-за того, что на экране две обезьянки с синими мордочками дрались из-за горстки фиников.

Я вспомнил слова Геддеса о его собственной реакции на нервные потрясения. И сам же дал ему достаточно оснований для волнений, а потому сейчас мне больше всего хотелось убедиться, что мое сообщение не произвело на него чрезмерно негативного воздействия.

Глаза уже успели относительно привыкнуть к полумраку зала. Оглядываясь вокруг, я сначала различил Штрубеля, ритмично покачивавшего величавой головой. Фенвик смотрел на экран своим обычным, ярким, словно подсвеченным изнутри взором. Потом мне наконец удалось выделить среди аудитории и моего друга англичанина. Он сидел очень прямо и скованно, напоминая восковую фигуру. У меня сердце оборвалось, когда я понял, что ожидавшийся приступ настиг его.

На мгновение у меня возникло желание сообщить об этом одному из сотрудников лечебницы, но потом я решил, что только вызову ненужную суету и шум. Геддесу едва ли стало бы сейчас более комфортно где-то в другом месте.

Я снова попытался заинтересоваться содержанием фильма, забыть обо всех запутанных и таинственных происшествиях, наблюдая за бесхитростными забавами зверей. Мне хотелось бы увидеть, например, сцену, когда крупный и сильный лев рвет на части тела попавших в его лапы туземцев, но все жестокие эпизоды из фильмов, несомненно, заблаговременно удалялись.

Между тем атмосфера возбуждения в затемненном зале вокруг меня постепенно все более сгущалась. Я мог почти физически ощущать это странное явление. И потому стал единственным человеком среди зрителей, который заметил, как у нас за спинами медленно открылась дверь.

Я бросил беглый взгляд назад и увидел на пороге высокого человека с широкими и прямыми плечами. Он стоял, полуобернувшись в профиль, и потому невозможно было не разглядеть линию бороды, искажавшую обычный силуэт лица. Стало быть, доктор Ленц уже вернулся из Нью-Йорка.

Обычно вид этого бородатого, обладавшего мощным энергетическим полем мужчины вселял уверенность. Но сейчас я наблюдал за ним с некоторой настороженностью. Он выглядел настолько реальным, что тем самым только подчеркивал нереальность происходившего на экране, как и эфемерность человеческих кукол, заполнивших кинозал.

У меня возникло импульсивное желание броситься к нему и сразу же рассказать все об Айрис и о скальпеле. Но мне помешал мужчина, поднявшийся из кресла в первых рядах и промелькнувший мимо меня. Я узнал Морено. Он поспешил к Ленцу, и они оба, стоя в проеме двери, перешептывались между собой. Это только усилило во мне тревожные предчувствия.

Теперь по экрану галопом пробегали жирафы – более чем необычные, почти до сумасшествия странные существа. Не случайно именно они часто приходили в бреду к алкоголикам, допившимся до белой горячки.

Я задумался об этом, вспомнил, насколько близок был к ней сам, когда громкий крик разрезал тишину зала.

Голос был высокий, истеричный, похожий на испуганный женский. И прозвучало только одно слово:

– Пожар!

На секунду я словно приклеился к своему креслу в совершенной неподвижности. Мне показалось сначала, что это воспаленное воображение снова начало играть со мной, потому что я сидел в одном из последних рядов, но голос все равно донесся сзади. А я точно знал, что никаких женщин там быть не могло.

Но голос прозвучал снова. И во второй, и в третий раз. Теперь он эхом отдавался от стен и, как казалось, исходил из многих мест одновременно.

– Пожар! Пожар! Пожар!

В последовавшей затем панике у меня уже не оставалось времени задуматься, усомниться в том, была ли серьезна грозившая нам опасность. Все вскочили с мест в одно мгновение. Женщины завизжали, захлопали откидные сиденья кресел. И окружавшие меня мужчины тоже устремились к выходу. Билли Трент при этом чуть не сбил меня с ног. Я мельком уловил белый халат мисс Браш, сверкнувший посреди темноты и хаоса.

А фильм продолжался. Жирафы только ускорили свой галоп, как будто тоже стремились спастись от огненной угрозы.

Моим первым порывом было немедленно найти Айрис. Пока толпа ломилась к выходу мимо меня, я постарался пробиться ей наперекор. Жирафы пропали, и им на смену появился тапир, слепо двигавшийся поперек экрана. Было что-то особенно пугающее в том, как кино продолжалось посреди воцарившегося безумия.

– Дайте свет! – выкрикнул я, но, кажется, меня не услышали. Я забыл, что выключатель находился вне зала, в звуконепроницаемой комнате Уоррена, который едва ли мог видеть происходившее.

Затем раздался гулкий бас Ленца от двери:

– Не нужно ни о чем беспокоиться. Никакого пожара нет. Возвращайтесь на свои места, пожалуйста.

Но и это возымело лишь чуть заметный эффект. Общее движение к выходу не остановилось. Наиболее ошеломленные из пациентов бегали по залу кругами совершенно бесцельно, полностью потеряв в сумраке ориентировку. Положение представлялось невозможным взять под контроль. Крики, охи, громкие ругательства сливались в гротескную какофонию.

На экране тапир успел уступить место стае фламинго. Они летели вперед, на глазах увеличиваясь в размерах, и стало мерещиться, что в любой момент одна из птиц может коснуться тебя крылом.

Я протискивался дальше. Откуда-то донесся голос Уоррена, теперь тоже взволнованно кричавшего:

– В чем дело? Что там у вас происходит?

– Вернитесь назад, болван, и включите свет в зале, – ответил ему Морено почти взбешенным тоном. – И остановите чертов проектор!

С большим трудом мне удалось спуститься двумя или тремя рядами ниже. Мой взгляд метался в поисках Айрис, когда нога наткнулась на нечто, лежавшее на полу. Склонившись, я разглядел Геддеса, распластанного под накренившимися креслами. На ощупь его рука казалась тверже стали.

Пришлось встать над ним, чтобы обезумевшая толпа случайно не затоптала его. Мне почудилось, что я различил мисс Пауэлл, мелькавшую то там, то здесь, как напуганный мотылек. А потом я почувствовал чью-то руку на своем плече, и голос Кларка шепнул мне прямо в ухо:

– Это вы, Дулут? Тогда помогите мне вынести его отсюда.

– Но кто же поднял ложную пожарную тревогу? – спросил я, перекрикивая гвалт.

– Никто пока не знает. Не понимаю, почему Уоррен никак не может включить свет.

Мы вдвоем взяли Геддеса на руки и, переступая через опрокинутые кресла, добрались до выхода. Мгновенно к нам подлетел еще один санитар, и они с Кларком понесли Геддеса дальше. Я остался в коридоре, щурясь от света и глядя в лица других пациентов, пока Ленц, мисс Браш и кто-то еще из персонала старались привести их в чувство.

Мне, разумеется, важнее всего было найти Айрис, но как раз ее в коридоре не оказалось. В безотчетной тревоге я бросился назад к двери кинозала и вошел внутрь.

Уоррен уже успел включить освещение. Люстры под потолком полыхали ослепительной иллюминацией, заставив совершенно поблекнуть изображение на экране – стоп-кадр из фильма. И теперь я смог ясно рассмотреть то, что скрывала темнота.

В зале никого не осталось, кроме двух человек. Они сидели близко друг к другу, разделенные только центральным проходом, и выглядели необычно на общем фоне валявшийся перевернутой мебели. Первым оказалась Айрис, и она держалась совершенно неподвижно, как вырезанная из камня статуя. Глаза ее смотрели вниз, упершись в нечто, лежавшее у нее на коленях.

С невольным возникшим недобрым предчувствием я повернулся ко второму человеку, сидевшему так близко от Айрис в кресле рядом с проходом в мужской части зала. Я употребил выражение «сидевшему», но на самом деле он скрючился в неудобном и неестественном положении, полулежа на спинке кресла, стоявшего впереди.

Это был Дэниел Лариби.

И я стал свидетелем момента, когда его тело лишилось опоры, соскользнуло, а потом медленно повалилось на пол.

Мне показалось, что Айрис до этой секунды даже не подозревала о его присутствии поблизости. Но когда раздался тяжелый звук упавшего на паркет тела, она тоже повернулась в его сторону. И тут же, издав короткий вскрик, схватила вещь, лежавшую у нее на коленях, и бросила ее, сама не видя куда, в глубь зала.

У меня сохранилось лишь смутное воспоминание о том, что произошло дальше. Но помню, как рванулся вперед в стремлении чем-то ей помочь, спрятать в случае необходимости тот предмет, который она отбросила от себя. Но не мне было тягаться в проворстве с мисс Браш. Пока я неуклюже выбирался из нагромождения перевернутых кресел, она просто сбежала вниз по ступеням и подобрала брошенную вещь.

Ее взгляд метался между Лариби и тем, что она держала в руке с выражением все более нарастающего ужаса. Затем, теперь уже очень медленно, она направилась к Айрис.

Мне никогда не забыть этой сцены: склонившаяся Изабелла Браш со светлыми локонами, обрамлявшими лицо, и Айрис, сидевшая не шелохнувшись, вытянув перед собой руки в жесте глубочайшего отвращения.

Я же не мог отвести глаз от ее рук – хрупких и белых рук, обгаренных пятнами крови. Такие же пятна проступали и на подоле ее платья, местами пропитав серую ткань.

Сзади раздалась громкие шаги, и скоро почти все остальные сотрудники лечебницы вошли в зал. Большинство из них поспешили к Лариби, только Морено присоединился к нам, и теперь мы втроем молча стояли рядом с Айрис. Она же, словно вдруг очнувшись, только сейчас осознала наше присутствие. Посмотрела на нас и издала громкий крик.

– Посмотрите на это, доктор, – мисс Браш протягивала ему предмет, подобранный с пола. – Я видела, как она отбросила его в сторону.

Глаза Морено выглядели совершенно лишенными всякого выражения. Я же почувствовал невероятно сильную пульсацию в висках. Старшая медсестра держала в руке тонкий хирургический скальпель. Его лезвие было густо покрыто кровью.

– Мисс Пэттисон, – тихо спросил Морено, – что все это значит?

Айрис отвернулась от нас.

– Я... Я не знаю... Не понимаю, что произошло, – ответила она так же тихо, но вполне внятно.

– Но у вас был этот нож, а мистер Лариби...

– Лариби! – Айрис резко дернулась в кресле, и в ее взгляде внезапно вспыхнули отчаяние и глубочайший страх. – Значит, с ним это случилось? Он мертв! И, как я понимаю, вы считаете меня виновницей его смерти.

Мне хотелось броситься к ней, утешить, унять ее испуг, но почему-то я не мог сдвинуться с места. Складывалось впечатление, что нас сковало какое-то общее заклятие.

Айрис медленно поднесла ладонь к лицу. Ее плечи дрогнули, и я услышал тихий, исполненный безнадежности плач.

– Не знаю, как это получилось, – срывающимся голосом произнесла она. – Ничего не помню. Я не хотела убивать его. Из всех сил пыталась не совершать того, что мне нашептывали. Это... Это так ужасно!

В этот момент над ней склонилась материнская фигура миссис Делл. Она решительно заставила нас расступиться, прежде чем кто-то успел вымолвить хотя бы еще слово, а потом обняла Айрис за талию и вывела из зала.

Дверь за ними сразу же закрылась.

Я повернулся к небольшой группе, которая склонилась над распростертым внизу телом Дэниела Лариби. Доктор Ленц прижал бородатое лицо почти к самой груди биржевого магната. От небольшой лужицы крови уже потемнел пол в проходе.

– Удар ножом в спину! – воскликнул доктор Стивенс, стоявший на коленях рядом.

Я успел уловить изменение в выражении лица Морено, когда он присоединился к своим коллегам, уже точно зная, что Лариби либо умирает, либо мертв.

Итак, она все-таки произошла – страшная трагедия, к которой нас постепенно, но с неизбежностью подводили многочисленные факты последних дней. Лариби убили, зарезали ножом во время демонстрации самого заурядного документального фильма о повадках зверушек.

Кто-то выкрикнул предупреждение о пожаре, Уоррен не сумел вовремя дать свет в зал, и воцарился полнейший хаос. Было ли это простым совпадением? Или же каждый эпизод стал

частью продуманного плана, в который так жестоко и необратимо втянули Айрис, завершив дело тем, что подбросили ей орудие убийства?

– Кто поднял ложную пожарную тревогу? – оборвал мои размышления голос Ленца.

Поначалу никто ему не ответил. Затем инициативу взял на себя Морено:

– Мне показалось, что голос донесся откуда-то из задних рядов почти рядом с тем местом, где в тот момент стояли мы с вами.

Ленц снова склонился над телом. Остальные обменивались краткими репликами и комментариями. Был голос, выкрикнувший слово «Пожар!», мужским или женским? Мнения разделились.

Я стоял чуть в стороне от общей группы, и в суете обо мне, кажется, совсем забыли. Лишь спустя какое-то время мисс Браш подняла взгляд и заметила меня. Она все еще сжимала в руке нож и потому, когда двинулась в мою сторону, напоминала величественную леди Макбет после убийства Дункана.

Ее яркие голубые глаза окинули меня пронизывающим взглядом.

– Вам нет нужды больше находиться здесь, мистер Дулут, – сказала она. – Будет лучше, если вы уйдете пока к себе в спальню.

XXI

Вот и свершилось! Вопреки страшным для Айрис обстоятельствам смерть Лариби принесла с собой нежданное и странное чувство облегчения. Это напоминало истерический финал плохо сыгранной и дурно написанной пьесы, которую критики раздули чуть ли не до размеров главной сенсации сезона.

Покинувший этот мир богатый финансист выглядел теперь персоной незначительной и даже жалкой. Мне вспомнилась его мания разорения, сложные отношения с мисс Браш, нелепое завещание, написанное и заверенное ночью.

И внезапно я подумал: а ведь оно все еще лежит под резиновым ковриком в моей палате! Между тем документ теперь мог представлять особую ценность. С его помощью реальной становилась попытка убедить полицию, что Айрис не имела к убийству никакого отношения. Я решил немедленно отправиться за ним.

Пока я сам, возбужденный и еще не до конца пришедший в себя, проходил по зданию в сторону «Второго флигеля», вокруг все выглядело сплошным бедламом. Пациенты бесцельно бродили кругами, оживленно обсуждая реальность возникновения пожара. Подобно малолетним детям, они проникали туда, где им находиться было никак не положено, а уж о смещении полов и говорить не приходилось. Попытки навести порядок выглядели чисто номинальными, причем вид нескольких встреченных мной сотрудников лечебницы свидетельствовал о том, что они находились в таком же смятении, как и их подопечные.

Дежурных во «Втором флигеле» не оказалось вообще. Но это нисколько меня не удивило. С куда большим изумлением я обнаружил завещание Лариби по-прежнему лежащим под ковриком, где я его спрятал. А все потому, что сейчас нормальное и ожидаемое представлялось невероятнее ненормального и неожиданного.

Сунув бумагу в карман, я вспомнил о разговоре с Геддесом, прерванном перед самым началом фильма. Он хотел рассказать мне что-то о смерти Фогарти, нечто, объяснявшее, почему ему поступали пугающие предостережения.

Я поторопился зайти к нему в комнату, но обнаружил Геддеса вытянувшимся на постели в той же позе, в какой санитары доставили его. Он по-прежнему спал, и, несмотря на все возбуждение и горячее желание закончить разговор, мне не пришла по душе идея разбудить его. Впрочем, это могло оказаться невозможным, поскольку мышцы его лица все еще выглядели застывшими, хотя тело не казалось больше совершенно окостеневшим.

Оставив Геддеса в покое, я побрел в курительную комнату. Там собралась небольшая компания, а Билли Трент с обычной своей непосредственностью радовался находке – он где-то

подобрал коробок спичек. Зажигая их теперь одну за другой, он предлагал дать прикурить каждому, кто входил в помещение. Это придавало совершаемому действию потешное сходство с группой школьников, тайком собравшихся подыметь в туалете.

Я нашел более или менее уединенный угол и сел, терзая себя мыслями об Айрис. Полиция не могла считать ее единственной подозреваемой, как мне очень хотелось верить. Конечно, они непременно узнают о ее отношении к Лариби и той роли, которую покойный финансист сыграл в ситуации, приведшей к самоубийству ее отца. Но не могли же они быть настолько глупы, чтобы не связать убийство Лариби со смертью Фогарти. А уж Айрис никак невозможно было подозревать в причастности к гибели санитара.

Но в любом случае ее ожидают допросы, следственные эксперименты и прочее. Поэтому ее душевное здоровье волновало меня даже больше, чем грозившая ей опасность. Мне легко было представить, какой ужас наведут на нее неизбежно пристрастные вопросы полицейских, до какой степени она не способна хоть как-то защитить себя сама. В моем воображении ее нежные и печальные черты лица уподобились лепесткам цветка, грубо попираемым тяжелыми башмаками копов.

Я выворачивал себе мозги наизнанку, размышляя, что могу предпринять, когда ко мне подплыл Дэвид Фенвик. Его смуглое, всегда как будто бесплотное лицо сейчас светилось плохо скрытыми эмоциями.

– Вы слышали голос, прокричавший о пожаре, Дулут?

Я нетерпеливо кивнул, желая избавиться от его общества, но он придвинул стул и уселся рядом со мной, тщательно проследив, как легли стрелки на брюках.

– Это очень плохо, – прошептал он, покачивая головой. – Когда случаются проявления, подобные этому, ситуация становится крайне тяжелой.

У меня не было сил вступать с ним в спор. Если он считал, что ложный сигнал пожарной тревоги подал какой-то злонамеренный дух, не стоило пытаться переубедить его. В моем нынешнем состоянии даже поддерживать пустую беседу показалось бы обременительной обязанностью.

– Хотел сообщить вам кое-что, – едва слышно пробормотал он. – В этой лечебнице установилась предельно неблагоприятная атмосфера. Строго между нами. Завтра я уеду отсюда. Мой сводный... То есть, простите, доктор Стивенс организует для меня отъезд, – чувственные пальцы мяли пастельных тонов галстук. – И я настоятельно рекомендую вам тоже уехать, Дулут. Здесь стало опасно находиться – очень опасно.

Я всмотрелся в его огромные сияющие глаза, силясь прочесть в них, что на самом деле стояло за его столь неожиданной заботой обо мне, если вообще что-нибудь стояло.

– Мне и здесь хорошо, – лаконично отозвался я.

– Неужели? – улыбка Фенвика выглядела механической. – Что ж, я вас предупредил. И если вы завели в этом заведении настоящих друзей, советую и им передать мои слова.

В этот момент раздался какой-то неясный шаркающий звук. Я заметил, как Билли Трент поспешно спрятал спички в карман, а остальные затушили сигареты. Дверь открылась, и в комнату вошел Уоррен.

Он окинул курительную сумрачным взглядом, а потом подошел ко мне.

– Вас вызывают, мистер Дулут, – сказал он. – Вам надлежит, не мешкая, явиться в кабинет доктора Ленца.

Уже выйдя в коридор, я услышал, как санитар раздраженно спросил:

– Кто из вас посмел стащить спички?

Если не считать присутствия Кларка и отсутствия Стивенса, в кабинете директора собрались все, кто присутствовал на встрече после гибели Фогарти. Но в тот раз меня пригласили в роли более или менее полезного помощника. Теперь же, судя по более чем холодным взглядам полицейских, державшихся строго официально, я рассудил, что капитан Грин включил меня в число потенциальных сообщников или невольных пособников убийцы.

Складывалось впечатление, что доктор Ленц уже успел посвятить его в детали моего визита к Морено накануне вечером.

– После ухода мистера Дулута, доктор, – спросил Грин резко, – вы провели проверку в хирургической?

– Да, капитан, – мужественно красивое испанское лицо Морено отчасти напоминало маску. – Я не до конца поверил в историю, рассказанную мне мистером Дулутом. Но тем не менее тут же разыскал доктора Стивенса, и мы вместе пошли в хирургический кабинет.

– И одного скальпеля не оказалось на месте?

– Именно так.

– Вы что-то предприняли по этому поводу?

– Естественно. Понимая потенциальную опасность, мы половину ночи провели в поисках. Стивенс уведомил меня, что в то утро мисс Пауэлл обращалась к нему с жалобой на свищ и заходила в хирургическую. Я подумал, что нож тайком взяла именно она.

– Кажется, вы слишком небрежно относитесь к хранению своего режущего инструмента, доктор, – хмуро усмехнулся Грин.

– Уверю вас, это не так. Однако мисс Пауэлл страдает kleptomанией, а люди с подобным заболеванием отличаются исключительной хитростью и ловкостью рук. Как правило, она прячет украденные вещи под подушками мягкой мебели. Мы осмотрели ее традиционные тайники – диван в зале и большое кресло в женской библиотеке. Мисс Браш и миссис Делл даже обыскали одежду пациентов, пока они спали. Но ничего обнаружить не удалось.

Грин со свойственной ему резкостью движений повернулся затем ко мне:

– По словам доктора Морено, в какой-то момент скальпель находился у вас в кармане, мистер Дулут. Кто взял его у вас?

– Не имею ни малейшего представления, – с чувством неловкости ответил я. – Шанс вытащить его имели почти все.

– Могла это быть, например, мисс Пэттисон?

– Маловероятно, если учесть, что она, собственно, и вручила мне его.

Только уже закончив фразу, я мысленно обозвал себя кретином. Стало очевидно, что Грин поставил на меня капкан, в который я и угодил обеими ногами.

– Ах, так вы, стало быть, получили нож от мисс Пэттисон! – Голос Грина звучал обманчиво сдержанно и задумчиво. – А потом мисс Браш видела, как та же девушка выбросила его, когда зажгли свет в зале кинотеатра.

Последняя фраза, в отличие от предыдущей, была произнесена торжествующим тоном, словно дело было раскрыто. Оставалось уточнить мелкие детали.

По своему обыкновению, я мгновенно вскипел.

– Разве вы не видите, что это была искусная ловушка? – темпераментно воскликнул я. – Любой, в ком остался хотя бы гран здравого смысла, понимает, что Айрис Пэттисон так же невиновна, как... Как доктор Ленц. Кто-то подставил ее, использовал, чтобы отвести подозрения от себя.

Довольно-таки бестолково я поведал им потом, как Айрис слышались голоса, убеждавшие, что она должна убить Лариби. Я сбился на драматические интонации, дошел чуть ли не до истерики, но чем более горячо я защищал Айрис, тем сильнее затягивал петлю на ее шее. Если у Грина еще оставались какие-то сомнения, то теперь я дал ему повод окончательно считать Айрис крайне опасной умалишенной.

К моему облегчению, мне на выручку неожиданно пришел сам доктор Ленц. Его голос звучал устало и удрученно.

– Лично я склонен согласиться с мистером Дулутом, – сказал он негромко. – Мне трудно поверить, что мисс Пэттисон причастна ко второй трагедии. При этом я не принимаю на веру теорию мистера Дулута о намеренном преследовании мисс Пэттисон, хотя она действительно страдает легкой формой мании преследования, которую, к сожалению, только осложнило присутствие в стенах лечебницы мистера Лариби. Как мне представляется, мисс Пауэлл, вероятно, украла скальпель и спрятала его в сумочке мисс Пэттисон – либо намеренно, либо в силу необходимости. Мисс Пэттисон заметила его. А поскольку она весьма внушаема, то вообразила себе все остальное – навязчивые голоса и некую внешнюю силу, понуждавшую ее совершить убийство.

– Но это не объясняет, каким образом она получила назад скальпель, – упорствовал Грин, – или почему он оказался у нее в руках, когда зажегся свет в зрительном зале. И вообще, насколько я понял, она практически признала перед Морено свою вину.

– И опять-таки здесь все вполне естественно, – не менее настойчиво разъяснял полицейскому доктор Ленц. – Мисс Пэттисон много думала о Лариби, ее в высшей степени встревожило его близкое соседство. И потому, когда трагедия произошла на самом деле, она вполне могла в какой-то момент внушить себе, что бессознательно, по чьей-то злой воле сама совершила преступление.

– Я так и предполагал, что вокруг этого дела возникнет множество психологической тарабарщины, – проворчал капитан. – Никто не отрицает, что девушку могли подставить, но мне необходимо с ней встретиться, доктор Ленц. Важно выяснить, например, где она была и чем занималась в ночь убийства Фогарти. Ведь стало очевидно, что мы ошибались по поводу первого случая. Фогарти был убит, и это такой же факт, как убийство Лариби.

– Не могу вам возразить, – кивнул Ленц. – Приходится признать, что я тоже впал в глубочайшее заблуждение, когда посчитал смерть своего сотрудника несчастным случаем.

– Тогда давайте попросим привести девушку сюда.

– Не позволяйте ему устраивать ей допрос, Ленц! – воскликнул я с мольбой. – Она совсем еще дитя и к тому же сильно напугана. Они доведут ее до полного умопомрачения, если...

Я сам оборвал свою речь, заметив суровое выражение лица директора.

– В том, что касается защиты интересов пациентов, находящихся на моем попечении, мистер Дулут, вы можете целиком на меня положиться.

Он повернулся к полицейскому:

– В данный момент я не могу доверить права провести беседу с мисс Пэттисон никому, кроме эксперта-психиатра.

– Что ж, прекрасно! – иронично усмехнулся Грин. – Я вызову сюда доктора Эйсмана. Он, правда, занят сейчас разбором другого дела, но, думаю, сумеет прибыть в лечебницу часам к десяти. Это официальный государственный судебный психиатр, и если он обнаружит...

– Если он обнаружит нечто новое для меня в ее болезни, – очень тихо произнес доктор Ленц, – или установит, что мною неверно истолкованы известные нам факты, то я попросту закрою свою лечебницу.

Мне нестерпимо было слышать их разговор об Айрис как просто о рядовой пациентке психиатрической больницы, ненавистой представлялась идея, что бездушный государственный психолог, то есть, по сути, тот же полицейский чиновник, получит возможность копаться у нее в голове. Как угодно, сказал я себе, любыми путями, но ты должен найти способ представить дело в верном свете до того, как прибудет официальный эксперт.

Из моих лихорадочных размышлений меня вывел голос Кларка.

– Доктор Ленц, – спросил он неожиданно напористо, – возможна ли ситуация, при которой кто-то совершенно психически здоровый мог бы попасть в вашу клинику под видом больного? То есть симулировать заболевание так, чтобы вы не сумели распознать обман?

– Это вполне возможно, – доктор Ленц провел рукой по бороде и терпеливо объяснил: – В точности как вы в полиции далеко не всегда можете определить, насколько склонен тот или иной человек к преступным действиям, докторам не во всех случаях удается установить степень отклонения от нормы у потенциального пациента. Душевное здоровье вообще понятие относительное. Мы не можем изучать мозг каждого под микроскопом, чтобы обнаружить болезнь. Наше главное правило – поначалу верить всему, что готов сообщить о себе сам индивидуум. Только потом мы начинаем внимательно наблюдать за его поведением, проводить тесты. И лишь по истечении какого-то времени, накопив достаточное количество данных, ставим диагноз.

– Выражаясь простым языком, – сказал Грин, ухватившись за подброшенную ему идею, – если бы мисс Пэттисон захотела убить Лариби и при этом не угодить в тюрьму, ей как раз и следовало приехать сюда, изобразив манию преследования, а потом держаться выдумки, что некая мифическая сила заставила ее пойти на преступление. Она может быть здорова, как молодой призывник в армию, но разыгрывать из себя умалишенную, обведя вас, врачей, вокруг пальца. И для этого ей...

– Для этого ей прежде всего необходим талант истинной актрисы, – перебил его Морено, неожиданно встав на нашу сторону. – Не забывайте, что она провела в лечебнице уже целых полгода.

И именно упоминание о таланте актрисы подсказало мне наконец нечто конструктивное, первую возможность для конкретных действий. А я-то ломал себе голову в поисках выхода из положения! Любой зацепки, малейшей отправной точки. И, пожалуйста, сам того не сознавая, Морено подбросил мне искомое.

– Кстати, об актрисах, – поспешил вставить реплику я. – Дочь мистера Лариби как раз голливудская актриса. С ней кто-нибудь пытался связаться?

– Из моего управления звонили в полицию Лос-Анджелеса, – кратко ответил Грин. – Они не сомневаются, что она прилетит на восток страны, чтобы принять участие в похоронах.

– Она прилетит сюда хотя бы из-за миллиона долларов, – сказал я с нарастающей уверенностью в себе. А потом еще одна идея пришла вслед за первой. Я обратился к директору: – Вы позволите мне сделать один телефонный звонок, доктор Ленц?

Тот бросил вопрошающий взгляд на Грина.

– Мы не можем допустить утечки информации об этом деле, – заявил капитан. – Я дал обещание доктору Ленцу и сам не хотел бы огласки в прессе, пока мы не установим что-то определенно.

– Клянусь, я даже не упомяну об убийстве, – заверил его я. – Вы будете слышать каждое сказанное мной слово.

– С кем вы хотите поговорить?

– С Принсом Уорбергом, продюсером. Мне хотелось бы больше узнать об этой дочке Лариби. А Уорбергу известна подноготная каждого, кто хотя бы на пять минут появлялся в свете софитов.

– Зачем попусту тратить время? – передернул плечами Морено. – В конце концов, она определенно находится в Калифорнии, а убийство совершено здесь.

– Но и мотив тоже здесь, – настаивал я. – Как мне представляется, найдется немало людей, которые за миллион долларов готовы пойти на убийство отца, а тем более – тестя, как вполне может оказаться в нашем случае. Муж дочери тоже был актером, и никто его не видел. Даже сам Лариби. Он, вероятно, либо работал в прошлом врачом, либо продолжает практиковать до сих пор. Это делает весьма логичной версию, что именно он проник в лечебницу.

Я должен был казаться ему невыносимым дилетантом, а мое предложение чистейшим жестом отчаяния, но по каким-то своим причинам Грин капитулировал. Вполне возможно, он решил, что я избавлю его по крайней мере от некоторых рутинных обязанностей. Или на него подействовало имя Принса Уорберга, самого известного продюсера Нью-Йорка. Или же он попросту решил не спорить с умалишенным.

– Хорошо, – сказал он, – звоните своему Уорбергу, но только ни слова о деле. Надеюсь, это вы усвоили?

Я поспешил к телефонному аппарату.

– Послушайте, диспетчер, мне нужно заказать личный разговор с Нью-Йорком... С Принсом Уорбергом... Да, с *тем самым* Принсом Уорбергом... Не имею никакого представления, куда ему сейчас лучше звонить. Попробуйте сначала связаться с его квартирой, потом с клубом актеров, а затем пройдитесь по телефонам театров и баров... Да, все знают его любимые бары... Что?.. Нет, я вас не разыгрываю. Дело очень серьезное. Найдите его, во имя всего святого!

Зная, насколько подвижный образ жизни ведет Уорберг, мне оставалось только пожалеть девушку-диспетчера, но я приободрил ее заявлением, что верю в магическое могущество ее телефонной компании.

Пока я разговаривал, остальные внимательно слушали, но стоило мне положить трубку, как общая беседа в кабинете директора возобновилась. Грин мрачно сообщил, что мисс Браш умудрилась стереть с ножа все отпечатки пальцев. Потом он пустился в обсуждение раскладки зрителей в зале и со слов Морено набросал схему с местом Лариби в центре, прикинув, кто из пациентов и сотрудников сидел близко от него. Все припомнили, что непосредственно за спиной финансиста располагался Штрубель, но Ленц сразу же холодно отметил бесполезность всякой дедукции на подобной основе. В воцарившемся хаосе кто угодно мог подобраться со своего места, нанести Лариби удар скальпелем и остаться никем не замеченным.

– Но тот возглас о пожаре, – напомнил Грин. – Трудно поверить, что никто из вас не заметил, откуда он исходил.

Ленц покачал головой.

– Здесь мы не можем прийти к единому мнению. Мне показалось, что крик о пожаре подхватили сразу несколько человек.

– И свет не включали слишком долго, – продолжал Грин. – Мне непонятно, как такое могло произойти.

Морено пришлось объяснить надежность звукоизоляции комнаты киномеханика, а когда Грин продолжил настаивать на более подробных объяснениях, попросил Джона Кларка найти Уоррена.

Ночной сторож выглядел даже более удрученным, чем обычно, когда вошел в комнату. Он с испугом посмотрел темными, глубоко посаженными глазами на капитана полиции, а потом прочно уперся взглядом в пол.

– Мне сказали, что все освещение в зале контролируется из помещения с кинопроектором, – начал Грин.

– Точно так, сэр.

– Почему же вы не включили свет, как только услышали голос, предупреждавший о пожаре?

– Я не слышал никакого голоса, – пробормотал Уоррен. – Кабина киномеханика непроницаема для посторонних звуков.

– Тогда опишите свои действия сами.

– Там есть только небольшое окошко, сэр, через которое с трудом можно заглянуть в зал. Я совершенно случайно сделал это и увидел, что люди не сидят на местах, а мечутся в темноте. А фильм никто не смотрит. И я вышел в кинозал узнать, что случилось.

– Не включив сразу же свет?

Уоррен пожал плечами:

– Я как-то не сообразил. Мне трудно было понять, нужно это делать или нет.

– И вы вошли в зал?

– Я успел сделать всего несколько шагов, когда доктор Морено велел мне немедленно вернуться к себе и включить освещение.

– И это все, что вы можете нам сообщить?

– Да, это все. – Уоррен обратил хмурый взгляд на доктора Ленца. – Если ко мне больше нет вопросов, сэр, я бы предпочел вернуться к пациентам. С ними сейчас очень трудно справиться.

– Свободны, – ответил за Ленца капитан и кивком головы указал на дверь.

Едва ночной сторож удалился, как зазвонил телефон. Я возблагодарил небеса, услышав на другом конце провода голос Принса Уорберга.

– Какого черта тебе от меня надо? – Он был, как обычно, крайне любезен. – А я-то думал, тебя безболезненно усыпили.

Пришлось дать ему возможность поиздеваться надо мной всласть, смирившись с этим как с неизбежностью. Он, например, заверил меня, что я тут же сбежал бы из любой темницы для пьяниц, если бы мог почувствовать через трубку, до какой степени от него разит алкоголем. Радостно информировал, что даже в мое отсутствие ему и еще несколькими нашим общим приятелям удалось окончательно спить весь Бродвей. У меня долго никак не получалось прервать его самодовольный монолог.

– Ты знаешь киноактрису, которую зовут Сильвия Дон? – спросил я в редкой паузе.

– Смутно что-то припоминаю.

– Так вот, узнай для меня о ней все. Какие роли она играла, насколько хорошая актриса, описание внешности – то есть как можно больше. Поскольку ты у нас известный богач, тебя не разорят несколько звонков в Голливуд. И если она неотлучно находится там, тогда мне она станет уже не так интересна. Но у нее еще есть муж – тоже пытался подвизаться в шоу-бизнесе. Добудь сведения о нем. И когда я прошу – добудь, то мои слова следует воспринимать буквально. Добудь срочно.

– Мой бедный старина Пит, – спокойно реагировал на мои горячие просьбы Уорберг. – Неужели ты докатился до такого состояния? И совершенно трезв.

– Да, представь себе. Кстати, не забудь проверить, нет ли у муженька медицинского образования. Если есть, то в каком заведении он получил диплом и где обретается сейчас.

– Послушай, у меня, вообще-то, других дел по горло.

– Выполни мое поручение, – пришлось прибегнуть к угрозе, – или я умру, а мой призрак будет преследовать тебя до конца твоих дней.

– Выполню, но только из чистой любви к своему другу Питу!

– Хорошо, пусть будет из чистой любви, но только сделай. И умоляю, отправь мне всю информацию телеграммой прямо сегодня до половины десятого вечера.

Он начал грязно ругаться, и это означало с его стороны полное согласие на мои условия. Когда же он пустился в рассказ о своей новой постановке, я положил трубку.

Даже короткого разговора с Уорбергом оказалось достаточно, чтобы во мне вновь ожила прежняя любовь к театру: к Бродвею, загримированным лицам актеров, блеску роскошных премьер. И с внезапным ощущением радости я понял, что сам по себе этот день, оказавшийся полным самых невероятных и, казалось бы, ужасающих событий, непостижимым образом сказался на изменениях в моей личности. Я больше не чувствовал себя слабым, вялым и потерянным. Жизненная необходимость действовать восстановила во мне и способность к действиям.

Кабинет доктора Ленца выглядел сумрачно при скудном свете мартовских сумерек. Впрочем, сумрачным было и лицо директора. Сумрачным и бледным. Он первым встал с кресла. Следом за ним поднялись на ноги мы все и примерно минуту стояли совершенно неподвижно, как актеры в финальной сцене перед закрытием занавеса.

После продолжительного молчания первым заговорил Ленц, причем тон его был не просто серьезным, а повелительным:

– Должен настойчиво потребовать соблюдения моего требования, которое касается всех здесь присутствующих. Насколько это возможно, необходимо наладить для пациентов нормальное течение жизни. А потому сегодня все пойдет по обычному распорядку. Вечером состоится традиционная встреча для общения и развлечений. Несмотря на исключительную сложность положения, я не допущу, чтобы пациентов встревожили больше, чем это уже было сделано. Вас, Морено, я попрошу проследить за персоналом и обеспечить исполнение всеми своих обязанностей так, словно ничего особенного не случилось.

Юпитер высказался. Что оставалось добавить к этому простым смертным?

По пути обратно на мужскую половину меня одолело желание закурить. Когда я сунул руку в карман за сигаретами, то сразу же наткнулся на листок бумаги и достал полуночное завещание Лариби. Я начисто забыл о нем!

И уже хотел поторопиться обратно к Грину, но внезапно ощутил ту тайную радость, которая порой посещает нас при сознательном нарушении общепринятых правил и даже законов. Да, я утаил от полиции важную улику. Ну и что из того? По крайней мере в моем распоряжении осталось хоть что-то, способное оказаться полезным в попытках защитить Айрис, когда ее начнет мучить представлявшийся грозной фигурой государственный эксперт-психиатр.

Но каким образом я смогу пустить бумагу в ход с подобной целью, я в тот момент не имел ни малейшего представления.

XXII

Добравшись до «Второго флигеля», я сразу отправился на поиски Геддеса. Мне он сейчас был просто необходим. С того момента, как я, выражаясь языком героев кино, решил перейти к активной фазе операции, он становился моей единственной опорой и главным союзником. И он владел какой-то информацией. Причем, по всей видимости, информацией ценной. Если бы я получил ее раньше Ленца и полицейских, кто знает, мог появиться шанс...

Однако в нашей гостиной, где остальные пациенты все еще постепенно приходили в себя, англичанина не оказалось. Оставалось попытать счастья в его комнате, хотя приступ должен был давно миновать, а, насколько я знал, он терпеть не мог лежать в постели дольше, чем было абсолютно необходимо.

Я поспешил пройти вдоль пустого коридора. Вечер уже наступил, но почему-то никому в голову не пришло включить в проходе свет. И, двигаясь в полумраке, я снова почувствовал

тревогу, нараставшую тем больше, чем дальше я удалялся от остальных пациентов. Однажды, пообещав себе, непременно напишу очень страшную пьесу о человеке, который остался в полном одиночестве посреди психиатрической лечебницы. Он ищет хоть кого-нибудь, но не может найти. А его единственным компаньоном становится Голос.

При этом я вдруг подумал о том Голосе, который слышали мы. И понял, что он нам ни разу не солгал. Ведь он предупреждал и Геддеса. Объединил его с Лариби и Фогарти. А если кто-то хотел причинить ему вред, для этого открывалась превосходная возможность именно сейчас, когда в заведении властвовала неразбериха, когда кто угодно мог проникнуть куда угодно, а персонал оказался перегружен и откровенно растерян. Геддес же как раз спал в полном одиночестве.

Последние ярды коридора я преодолел уже бегом, распахнул дверь комнаты англичанина и включил свет. Мои глаза ничего не различали всего лишь секунду, а потом я увидел все даже слишком отчетливо.

Геддес по-прежнему лежал в постели, но уже не спал, как прежде. Недвижимо застыв на пороге, я словно снова услышал зловеще пророческие слова, услышанные им и повторенные мне на корте для сквоша.

«Фогарти стал лишь первой жертвой. На очереди вы, Лариби и Дулут».

Даже в состоянии глубокого шока я понимал, что Геддес был связан почти в точности, как Фогарти. Смирительная рубашка отсутствовала, но лежал он на животе с руками, каким-то образом зажатыми под тяжестью его тела. А вокруг шеи, натянутый внешне ужасающе туго, был обмотан хирургический бинт, причем другой его конец обвивал ноги. То есть его скрутили столь же жестоким, изуверским способом. А во рту, как и у Фогарти, вместе кляпа торчал скомканный носовой платок.

Несколько мгновений я мог лишь стоять, чувствуя, что всякая способность двигаться покинула меня. Но затем мне вдруг померещилось какое-то движение, легкое подергивание мышц шеи, постепенно закинувшей назад под тяжестью ног. Глаза Геддеса выкатились и таращились в страхе. Но, слова Богу, это не были глаза мертвеца.

Моментально ко мне вернулось чувство реальности. Метнувшись к нему, я начал, как последний идиот, пытаться разорвать бинты. Но их прочность поразила меня. Мои дальнейшие попытки развязать узлы могли окончательно задушить Геддеса, но в итоге мне все же удалось освободить его от пут.

Он находился в совершенно невменяемом состоянии, не мог говорить, едва ли был способен пошевелиться. Я кое-как сумел уложить его на спину и начал массировать наводившие ужас красные рубцы, успевшие образоваться вокруг шеи и запястий. И я еще долго сидел рядом, массируя его тело. Не знаю, много ли в том было толку, но я сам пребывал в полнейшей прострации и не мог придумать ничего лучше, даже не пытаюсь найти кого-то себе в помощь. Повсюду установилась тишина – спокойствие места, навсегда покинутого последней живой душой.

Постепенно я ощутил пальцами, как тело Геддеса начало расслабляться. Затем он с огромным трудом сумел сесть и размял плечевые суставы. Его глаза снова ожили, и взгляд сразу упал на кипу валявшихся на полу бинтов.

Но при попытке заговорить слова не шли у него с языка. Я налил ему стакан воды, и это помогло. Он жадно выпил воду и прохрипел с кривой улыбкой на лице:

– Я всегда считал бинты средством оказания помощи людям. А оказалось, что они вполне годятся для пыток.

Мне и самому пришла в голову схожая мысль. Бинты неизменно представлялись мне чем-то тонким и непрочным, но, скрученные нужным образом, они становились крепкими, как стальные тросы.

Глядя на кипу, лежавшую на полу, я припомнил слова миссис Фогарти, сказанные в вечер танцев. Она вернула доктору Стивенсу предметы, найденные в сокровищнице мисс Пауэлл, и сказала тогда: «Вот некоторые вещи, пропавшие из вашего кабинета, доктор. Не хватает только еще пары бинтов и секундомера».

Что ж, теперь и бинты нашлись. Все еще плохо соображая, я стал размышлять, похитили ли их изначально для столь зловещего применения, как это было с секундомером и скальпелем? В

таком случае все еще разгуливавший по лечебнице таинственный преступник уж точно нашел наилучшее применение способностям мисс Пауэлл.

По-прежнему передвигаясь с заметными усилиями, Геддес поднялся на ноги и доковылял до зеркала. Он принялся расческой приводить в порядок волосы, а я буквально засыпал его вопросами.

Разумеется, он ничего не помнил. Последним, что приходило на память, были кадры из фильма. Кажется, показывали еще бабуинов, сказал он. После этого – белое пятно, если не считать приснившегося ему кошмара, что его насмерть душит огромный питон. Именно после этого Геддес проснулся и обнаружил себя связанным и беспомощным. Таким же беспомощным, как обвитый кольцами питона в страшном сне.

– Должно быть, я очнулся всего за несколько минут до вашего появления, Дулут, – сказал он дрожащим голосом. – Вы спасли мне жизнь.

Мы кисло улыбнулись друг другу, почему-то оба смущенные. Но потом я понял, что он абсолютно прав. И мог только поражаться безжалостной эффективности методов, к которым прибегал злодей, затерявшийся среди нас. Лишь по чистой случайности благодаря исключительно везению я вовремя обнаружил Геддеса. Если бы беседа в кабинете Ленца продолжалась еще несколько минут, эта медленная и мучительная пытка стала бы смертельной во второй раз. И снова убийца располагал почти неограниченным временем, чтобы обеспечить себе алиби прямо под носом у находившихся в здании полицейских. Более того, как я внезапно совершенно ясно осознал, если бы англичанин не страдал катаlepsией, делавшей его мышцы необычайно твердыми, он мог бы умереть еще до моего прихода.

– Мне, наверное, будет лучше позвать к вам мисс Браш или кого-то еще, кто сможет заняться вашими рубцами и синяками? – спросил я.

– Не надо. Я уже в порядке. – Геддес сел на кровать и стал разглядывать красные полосы на запястьях. – Мне хотелось бы сначала навести порядок в своих мыслях. Я понимаю, с какой целью тот дьявольский голос предупреждал меня, отчего им так захотелось разделаться со мной, но, черт возьми, почему меня просто не задушили сразу? Зачем устраивать такой странный и сложный трюк?

– Точно так же убили Фогарти. – У меня не было больше причин скрывать это.

– Неужели? – Англичанин уставился на меня с испуганным удивлением.

– Да. Но, ради всего святого, расскажите наконец, что вам стало известно, если вы сами подвергали опасности свою жизнь.

Взгляд Геддеса приобрел стальную твердость.

– Меня, вероятно, попытались убить, – медленно произнес он, – думая, что я знаю, кто расправился с Фогарти.

У меня мелькнул проблеск надежды.

– И вам действительно известно имя убийцы?

– Нет. В том-то и дело, что неизвестно, и как раз это бесит больше всего, – он даже выдал из себя улыбку. – Я претерпел такие адские страдания совершенно зря. В субботу вечером после окончания танцев я захотел поговорить с Фогарти. Собирался попросить поменять время моих процедур с Билли Трентом. И пошел в кабинет физиотерапии наудачу: вдруг он там.

Я кивнул.

– Уже в коридоре я услышал доносившиеся оттуда голоса. Один из них принадлежал Фогарти, а потому я открыл дверь и вошел. Но никого не увидел. Они, должно быть, находились как раз в нише. Я окликнул Фогарти, и разговор сразу умолк, – он пожал плечами. – Потом я заметил одежду на полу. Нам всем была известна репутация Фогари как большого бабника. Я подумал, что у него, должно быть, очередное интимное свидание, и тактично удалился. А потом даже не вспоминал об этом эпизоде, хотя теперь понял, почему Морено задавал мне свои странные вопросы.

– Но второй голос вы не узнали?

– Боюсь, что нет. В такие моменты это даже в голову не приходит. У меня сложилось смутное впечатление, что голос принадлежал женщине, хотя, вполне вероятно, именно потому, что ничего другого я не ждал, учитывая обстоятельства.

– Вы, должно быть, попали туда перед самым убийством, – сказал я. – Вот причина, почему вы стали для них опасны. Они узнали ваш голос и решили, что вы что-то могли слышать или видеть.

Англичанин усмехнулся.

– Это я еще могу понять, но непостижимым остается другое. Зачем сначала предупреждать об угрозе? Если уж решили избавиться от меня, то почему не сразу?

– Напрашивается простое объяснение. Вас не воспринимали как серьезного противника, пока вы оставались всего лишь одним из пациентов, ничего не знавших о гибели Фогарти. Как вы сами только что признали, эпизод сразу же напроць вылетел у вас из головы. И только когда я вам все выложил, вы превратились в реальную угрозу. Боюсь, что отчасти в вашей беде виноват именно я. Кто-то подслушал наш разговор перед входом в кинозал.

Мы недолго помолчали. Потом Геддес сказал:

– Есть еще одна загадка, которая не дает мне покоя. Как могло случиться, что я провалялся здесь связанный так долго, а ни один из сотрудников лечебницы не обнаружил меня?

Только в этот момент я осознал, что приступ настиг Геддеса в самом начале фильма. Он до сих пор ничего не знал о пожарной тревоге, убийстве Лариби и воцарившемся потом хаосе. Я поспешил сообщить ему в нескольких словах все, что мне было известно. При этом, выговорившись, я ощутил на удивление странное облегчение. Я даже поделился с ним историей Айрис, как и собственным стремлением хоть чем-то помочь ей до прибытия сюда государственного эксперта, намеченного на десять часов вечера.

Поначалу от обилия подробностей у него явно голова пошла кругом, но постепенно он сумел объединить их в общую, более или менее ясную картину.

– Значит, они убили Лариби, а потом поспешили сюда, чтобы покончить со мной! – воскликнул он мрачно. – Два убийства за такое короткое время. Амбициозный план, ничего не скажешь! Но ведь опасность грозит и вам, Дулут. Пока вам на удивление везет.

– Не спешите верить в мою счастливую звезду, – сказал я, грустно улыбаясь. – Я могу не пережить уже следующей ночи. Но послушайте, я твердо намерен перевернуть всю лечебницу вверх дном, устроить здесь настоящий ад, но найти тех, кто стоит за всем этим. И я надеялся на вашу помощь.

Геддес вдруг замер в полной неподвижности. Потом пальцами прикоснулся к кровавому следу у себя на шее.

– Вообще-то, я хочу уехать отсюда, – произнес он очень тихо. – С меня хватит развлечений в этом заведении. Но, с другой стороны, если что-то в моих силах, я готов...

– Я бы посчитал это правильным решением с вашей стороны.

– Всего лишь правильным решением? – внезапно взорвался он. – Неужели вы не видите, что у меня есть свои мотивы? Я не меньше, чем вы, хотел бы добраться до грязной свиньи, которая связала меня в бессознательном состоянии. Поверьте, злобы во мне скопилось предостаточно!

Он и в самом деле выглядел таким взбешенным, каким я никогда его прежде не видел. И это выражение его лица мне сейчас нравилось – как раз то, что нужно для совместных действий.

– Вдвоем против всех, – заметил я чуть иронично, чтобы немного унять бушевавшие в нем чувства. – Это трогательно, в духе самых героических романов. Вот только что нам с вами делать?

– У нас есть хоть какая-то зацепка, с чего можно начать?

– Очень незначительная. Я питаю некоторые подозрения относительно зятя Лариби. У меня есть предчувствие, что он затаился где-то здесь под чужой личиной.

– Возможно, так и есть. И дочка тоже. Идея только на первый взгляд выглядит маловероятной. Ведь она, как вы говорите, актриса, а Лариби был не в себе. Ей стоило немного поработать над своей внешностью, чтобы он не узнал ее.

– Это предположение действительно представляется невероятным, – признал я. – Но ведь до сих пор мы постоянно имели дело с самыми невероятными вещами.

– Разумеется, есть еще сотрудники лечебницы, – в задумчивости продолжал Геддес. – В какой-то степени здесь перед нами открывается даже более обширное поле для проверки. Вы узнали, что они все имеют некоторый финансовый интерес в преуспевании этого учреждения, а между тем смерть старого Лариби дает в их распоряжение полмиллиона долларов. Абсурдно было бы подозревать самого Ленца, а вот некоторые другие...

– Вот именно, – подхватил я. – Но тогда стоит пойти в своих подозрениях до конца. Что вы скажете, например, о мисс Браш? Если новое завещание признают имеющим юридическую силу...

– Боже, я совершенно забыл о новом завещании! Вы говорите, что оно по-прежнему у вас и никто об этом не знает? Вот документ, который мы могли бы пустить в ход.

Я почувствовал, что дело сдвинулось с мертвой точки, и у нас начали появляться рабочие гипотезы. Геддес первым четко сформулировал одну из таких идей.

– Послушайте, – сказал он, – как мне теперь кажется, мы можем с уверенностью предполагать, что в центре этого дела с самого начала стояла фигура Лариби. Его убийца совершенно очевидно охотился за деньгами. А это значит, что теперь ему отчаянно необходимо добыть новое завещание.

– Поясните свою мысль.

– Все очень просто. Практически каждый сотрудник получал прямую выгоду по условиям прежнего завещания Лариби. И если один из них убил Лариби, ему теперь во что бы то ни стало надо найти и уничтожить новый документ, опасаясь признания его действительным. С другой стороны, если преступник из тех, кому выгодно новое завещание, он тоже начнет его поиски, чтобы заявить о своих правах на наследство. По-моему, здесь все логично.

– Боже, конечно! – с жаром воскликнул я. – Значит, мы имеем-таки на руках козырную карту. Вопрос только в том, как правильно разыграть ее.

Геддес в задумчивости провел пальцем по усам.

– Если бы нам удалось спрятать завещание в таком месте, о котором знает только убийца. Это, конечно, тоже смахивает на сюжет из детективного комикса, но все же...

– Вы сразу же навели меня именно на то, что нужно, – прервал я его. – Нам известно, что каким-то образом неопознанный пока преступник использует kleптоманию мисс Пауэлл, побуждая ее воровать нужные ему вещи. Хотя бы все то, что исчезло из хирургического кабинета. Когда я невольно подслушал ее реплику о намечавшемся похищении скальпелей, она упомянула о том, что могла бы спрятать их внутри какого-то музыкального местечка. Весьма вероятно, это именно тот тайник, где она хранит украденные для него предметы.

– Верно. И убийца считает, что о тайнике больше никто не знает. Но как мы поступим в таком случае?

– Не предвижу никаких сложностей, – сказал я. – Мы спрячем завещание в тайнике, дадим преступнику знать об этом, и останется только поймать его, когда он явится, чтобы забрать документ.

– В своем рвении вы, к сожалению, забываете, – возразил Геддес с улыбкой, – что нам пока неизвестно, кто именно преступник или преступники, а потому представляется затруднительным поставить обо всем в известность именно нужного нам человека.

– Тогда пусть слух дойдет до каждого, – настаивал я. – Но слух мы пустим так, что он покажется совершенно бессмысленным невинному, а его подлинное значение поймет только убийца. Это станет своего рода повторением моего первого психологического эксперимента, пусть он и не дал нужного результата.

– И как же нам сделать столь хитрый ход?

Фонтан моего вдохновения, казалось, совсем иссякнувший, ожил с новой силой.

– Меня осенила еще одна мысль! – возбужденно воскликнул я. – Мы можем опять-таки воспользоваться подсказкой нашего столь богатого на выдумки противника. Совершенно очевидно, что он использовал в своих целях Фенвика, подкинув ложное сообщение якобы от духов, которое ему нужно было распространить. Так почему бы и нам не придумать такое же послание? Если повезет, мы сумеем убедить Фенвика, что он услышал голос из астрального пространства, уведомивший о новом завещании, составленном Лариби и спрятанном в некоем месте, связанном с музыкой. После этого будет совсем просто внушить Фенвику необходимость передать сообщение индивидуально каждому. Виновный сразу же бросится к указанному месту. А остальные припишут слова Фенвика к числу его обычных чудачеств.

– Ловко придумано, – согласился Геддес, – но такой фокус сработает только с пациентами. Если же человек, на которого мы охотимся, из числа сотрудников лечебницы, он сразу заподозрит ловушку. Для них нам нужно придумать нечто более тонкое. Послушайте, насколько я понял, они вам более или менее доверяют. Так почему бы не подкинуть им иную версию? Вы можете

притвориться, что видели, как мисс Пауэлл тайком вытащила лист бумаги из кармана Лариби перед самым началом показа кинофильма и что-то пробормотала про музыкальный тайник. Вариант представляется хлипким, но в этом заведении они порой готовы принять на веру самые невероятные происшествия.

– Абсолютно блестяще придумано! – Я вскочил и начал беспокойно мерить комнату шагами. – Такая схема должна сработать безотказно. Я спрячу завещание в это самое музыкальное местечко. Потом мы с Фенвиком распространим каждый свое сообщение, и останется только... – я посмотрел на Геддеса с надеждой. – Вы сможете симулировать один из своих приступов?

– Настоящий приступ имитировать невозможно, но вот сделать вид, что я заснул, ничего не стоит.

– Прекрасно. Все знают, что вы способны впасть в сон в любой момент. И мы устроим так, чтобы вас, якобы глубоко спящего, положили где-то рядом с тайником. Преступник решит, что может действовать смело прямо у вас под носом, и даже не заподозрит опасности!

– Почти безукоризненный план, чтобы схватить самого хитроумного преступника. Но вот только... – он осекся, и я увидел грустную улыбку на его лице. – Мы с вами полные кретины, Дулут! Забыли одну крайне важную деталь. Ведь мы не знаем в точности, что имеется в виду под словами «музыкальное местечко».

Я почувствовал себе проколотым воздушным шариком.

– Вероятно, это радио или место где-то рядом с ним, – нерешительно сказал я.

– Или фортепьяно, или даже граммофон в дальнем углу зала, – стал перечислять Геддес. – Боюсь, мы уперлись в тупик, если только не сумеем разговорить мисс Пауэлл. Она может невольно выдать нам свой секрет.

– Сомневаюсь. – Я угрюмо покачал головой. – Я плохо разбираюсь в психиатрии, но уверен: она сама не знает, о каком музыкальном местечке идет речь. Это находится у нее где-то на подсознательном уровне. В нормальном состоянии она инстинктивно стремится обо всем подобном забыть.

Геддес тоже вскочил на ноги.

– Тогда почему бы не пуститься в еще одну авантюру и не уподобиться преступнику, успешно использующему подсознание мисс Пауэлл? У вас есть мало-мальски ценные ювелирные украшения, Дулут?

Я мог показать ему только золотое кольцо на пальце.

– Вы заметили, как она ворует вещи, пока беседует с людьми, – продолжал развивать свою мысль англичанин. – А потом прячет украденное в определенных местах. Тогда, если нам будет сопутствовать удача...

– ...Мы соблазним ее на кражу кольца, а она положит его в свой музыкальный тайник, – закончил я за него. – Ничего лучше я бы придумать не смог!

Вероятно, если бы я создал подобную схему один, основываясь на шатких предположениях и попытках разобраться в особенностях психологии других людей, все это представлялось бы мне совершенно безнадежной затеей, фантазией не совсем здорового ума. Но я так долго находился в обществе душевнобольных людей, что мне уже ничто не могло казаться совершенно невероятным или безумным. А кроме того, было в личности Геддеса нечто сугубо позитивное. От него исходил здравый смысл. И любой план, получивший его одобрение, начинал выглядеть логичным и осуществимым.

– Думаю, нужно осуществить наш маленький фокус сегодня же вечером, Дулут, – рассудительно сказал он. – Мы отправимся в главный зал к восьми, что даст нам два часа до приезда государственного эксперта. Вы сможете начать обрабатывать мисс Пауэлл, а я сделаю так, чтобы Фенвик приступил к распространению якобы услышанного гласа духов среди пациентов. Затем мы спрячем завещание, и я сделаю вид, что заснул. Вам останется только поделиться своим слухом с сотрудниками, и ловушка будет расставлена.

– Но даже если кто-то заберет завещание, – спросил я, внезапно охваченный сомнениями, – вы считаете, этого будет достаточно для вмешательства полиции?

– По крайней мере им придется всерьез рассмотреть такую версию, – ответил Геддес. – А рассчитывать на большее нам пока не приходится.

Он снова посмотрел на свои исполосованные запястья и осторожно ощупал их пальцами.

– Между прочим, как вы думаете, мне следует рассказать о случившемся врачам?

После недолгого обсуждения мы сошлись во мнении, что лучше пока сохранить покушение на Геддеса в секрете. Хотя ему предстояли дополнительные объяснения с полицейскими после того, как будет приведен в исполнение наш план.

Когда мы собирали с пола бинты, чтобы временно спрятать под матрац, я обратил внимание на платок, который использовали в качестве кляпа. Он тоже валялся на полу рядом с кроватью. Подобрал его, я невольно издал удивленное восклицание. Белый хлопок был запятнан кровью.

– У вас развилось кровотечение, – заметил я.

Геддес подошел ко мне, взял платок и осмотрел его, после чего в недоумении наморщил лоб.

– Это не мой носовой платок, – сказал он тихо. – Я всегда пользуюсь платками из коричневого шелка. Купил их в Индии примерно по десять центов за штуку.

– Так или иначе, но он весь в крови.

– Интересно... – Геддес повернулся ко мне. – Проверьте очень внимательно, Дулут. Поищите на мне источник возможного кровотечения.

Я тщательно осмотрел его. Горло обвивал красный рубец, но ни на нем, ни во рту не виднелось пореза или ссадины. Мы невольно переглянулись.

– Он не мог совершить столь вопиющей ошибки! – воскликнул Геддес после долгой паузы. – Преступник не стал бы затыкать мне рот собственным носовым платком.

– И все же такая вероятность существует, – возразил я. – Он очень торопился, и потому...

– Да, но это не объясняет пятен крови!

– Верно, – воскликнул я. – Кажется, мы получили столь необходимую нам улику. Понимаете, о чем я? Скорее всего, это кровь Лариби. Платок сначала использовали, чтобы стереть отпечатки пальцев со скальпеля.

Мы снова посмотрели друг на друга, как два подростка, нашедших клад.

– Нам необходимо информировать полицию, – сказал Геддес. – Слишком важное вещественное доказательство, чтобы утаить его.

– Ладно. Мы обо всем расскажем Кларку. Он отличный мальчик, и к тому же мы давно знакомы. Сегодня вечером нам очень понадобится его помощь, если из нашего спектакля выйдет хоть какой-то толк. Я передам ему платок и попрошу выяснить, кому он принадлежит.

– Отлично. – Геддес повернулся к зеркалу и принялся с обеспокоенным видом изучать свою, мягко говоря, неординарную сейчас внешность. – Тогда все вопросы решены, кроме моих безнадежно помятых брюк. Не может ваш приятель Кларк заодно их погладить?

XXIII

Уже почти наступило время ужина, когда мы закончили обсуждение заговорщицких планов и я вернулся в свою комнату. Порядок и дисциплина в лечебнице, как казалось, были окончательно восстановлены. Мисс Браш и миссис Фогарти, обычно надзиравшие за нами порознь, теперь объединили усилия, чтобы развеять все тревоги пациентов. А пациенты, однако, не унимались, по-прежнему живо обсуждая предполагаемый пожар. Кто-то даже пустил слух, что от кинотеатра остались одни головешки. Но аппетит у всех оставался вполне здоровым, и к вечерней трапезе все явились на редкость пунктуально.

Кларк стоял у двери столовой в белом халате санитаря. Заметив меня, он подмигнул и чуть слышно прошептал:

– Босс приказал и сегодня продолжать играть роль.

– Есть новости?

– Никаких. Они все еще обыскивают зал и провели проверку ножа. Грин оказался прав. На нем не оказалось ничьих отпечатков пальцев, кроме мисс Браш и мисс Пэттисон, которые едва различимы.

– А что с мисс Пэттисон? – озабоченно спросил я.

– Полный порядок. – Кларк взглянул на меня с сочувствием. – Она у себя в палате, а Ленц не допускает к ней пока нашего шефа.

Я порылся в кармане и достал запятнанный кровью носовой платок.

– Я тут тоже кое-что нашел, – мы продолжали разговаривать шепотом.

Он взял платок и осмотрел его.

– У меня в квартире стоят три непочатых ящика «Джонни Уокера», – продолжал я. – Когда выйду отсюда, мне они уже не понадобятся. Можете забирать их себе, но при условии, что установите, кому принадлежит этот платочек.

Он с сомнением посмотрел на меня.

– Вам ничего не придется скрывать от Грина, – заверил его я. – Только чуть придержите вещицу до того, как я подам сигнал.

Кларк кивнул и убрал платок в брючный карман.

– Хорошо. Сделаю сегодня же вечером. Есть что-нибудь еще?

– Да. Позже я планирую провести сеанс разоблачения, как говорят фокусники. И если я попрошу, вы сможете прилипнуть к определенному человеку как пиявка, пока я схожу к Грину, чтобы все ему рассказать?

– За три ящика доброго шотландского виски, – сказал Кларк с широкой улыбкой, – я готов весь вечер не спускать глаз с самого Ленца.

Он уже готов был отойти от меня, когда ему, видимо, пришло в голову, что мне лучше будет узнать еще одну подробность.

– Послушайте, мистер Дулут, – сказал он. – Вам бы лучше поторопиться со своим сеансом. Доктор Эйсман приедет в десять, и они заберут мисс Пэттисон с собой.

– Вы имеете в виду, что ее увезут из лечебницы?

– По крайней мере таков нынешний план Грина.

По всей вероятности, меня выдавало выражение лица, потому что он, слегка смутившись, добавил:

– Быть может, мне удастся устроить для вас краткую встречу с ней прямо сейчас.

Кларк принадлежал к тому редкому типу людей в нашем безумном мире, которые, как казалось порой, уже окончательно вывелись. Они восстанавливали твою веру в то, что здравый смысл и доброта все-таки еще не полностью утрачены человечеством в целом и полицейскими в частности.

– Это противоречит всем установленным правилам, – признал он, – но, как я понял, у миссис Делл добрая душа.

– Послушайте, – сказал я растроганно, – вы достойны золотого нимба над головой.

Кларк усмехнулся.

– Три ящика виски вполне его заменят.

Он велел мне следовать за ним на некотором отдалении и повел вдоль длинного заднего коридора, о существовании которого я прежде даже не подозревал.

Женщины тоже ужинали, а потому их жилое помещение выглядело совершенно опустевшим. Но мое воспаленное воображение и чувство вины населили его чудовищами в женском облики, готовыми наброситься на меня из-за любого угла, чтобы наказать за самое страшное прегрешение, какое только можно было совершить в стенах лечебницы. Потом из дальнего конца коридора действительно донесся какой-то звук. Кларк мгновенно впихнул меня за дверь туалета, где я и прятался, затаив дыхание, пока стук каблучков одной из санитарок не стих в противоположном направлении. Никогда в жизни не испытывал я такого страха и стыда одновременно.

Но потом мы все же добрались до своей цели. Теперь уже больше изображая опасность шутки ради, Кларк заставил меня снова скрыться в небольшой нише, а сам отправился на поиски миссис Делл. Понятно, что Айрис держали под замком, и Кларку было не обойтись без ключа.

Ожидание показалось мне угнетающе долгим, но через какое-то время он вернулся.

– У вас ровно три минуты, – прошептал Кларк. – Если вдруг услышите шаги Морено, немедленно прячьтесь под кровать, или, как выразилась миссис Делл, у нас сегодня прибавится еще два трупа.

Он отпер дверь, а потом снова закрыл ее за мной.

Айрис сидела у окна, глядя на раскинувшийся перед ней сумрачный вечерний парк. Увидев меня, она поднялась, импульсивно шагнула навстречу, но затем замерла на месте.

– Это вы! – чуть слышно воскликнула она.

Мое сердце билось так сильно, что возникло ощущение, словно его стук глухо отдается в стенах по всему зданию и его может услышать каждый. Я пытался что-то сказать, но не мог сложить ни единой связной фразы. Я понимал лишь, что люблю ее, и вот она – стоит передо мной.

Затем она все же бросилась ко мне и оказалась в моих объятиях. Мы оба молчали. Лишь прижимались друг к другу, как пара влюбленных глухонемых.

Так прошла первая из отведенных мне драгоценных трех минут.

Потом Айрис немного отстранилась, и я смог рассмотреть ее лицо. С удивлением и радостью я заметил, что мучительная тоска не читалась больше в ее глазах. Они сияли ярким и вполне здоровым негодованием.

– Вы знаете, какие у полиции планы относительно меня? – прямо спросила она.

Я колебался с ответом, и она стиснула мои руки.

– Вы должны мне все рассказать. Больше никто не скажет. Миссис Делл относится ко мне как к ребенку и старается уберечь от всех дурных новостей. Понимаете? Мне необходимо знать правду.

В ее голосе зазвучали решимость и отвага, что несказанно обрадовало меня.

– Они послали за человеком, который имеет полномочия провести с вами беседу, – объяснил я все же с изрядной долей осторожности. – Он прибудет сюда около десяти часов.

– Вы имеете в виду полицейского психолога?

– Да... Кого-то в этом роде.

– Значит, они все-таки подозревают меня! – Айрис негодуяще помотала головой, и ее глаза снова сверкнули гневом. Но потом она пожала плечами. – Впрочем, мне трудно винить их. Я сидела там чуть ли не с ножом в руках и повела себя очень глупо. Но в тот момент все представлялось каким-то жутким сном. Я сама не знала, что делаю, и не помнила, что могла сделать.

– Это вполне естественно, милая.

– Но теперь мне все ясно, – продолжала она. – Я понимаю, что меня заманили в ловушку. Именно поэтому и запугивали эти их голоса. Они хотели смутить мой разум, довести до такого отчаяния, чтобы, когда все произойдет в реальности, я была сама не своя и не отдавала себе отчета в своих поступках. Оказалась готова взять вину на себя. У них почти получилось задуманное, но только почти...

Она отвернулась в сторону, а потом ее голос зазвучал уже совершенно спокойно.

– А самое странное заключается в том – и вы можете посчитать это подлинным безумием, – что я, кажется, неожиданно вновь обрела способность видеть все в истинном свете. Какой же идиоткой я была, когда сходила с ума и тревожилась из-за пустяков, из-за того, что сейчас уже представляется совершенно неважным! Со мной сегодня случилось нечто очень серьезное. Я четко осознаю опасность. Вероятно, полиция увезет меня отсюда, даже арестует, но...

– Они этого не сделают, – перебил ее я, чувствуя себя до абсурда уверенным в себе. – Я не киногерой, чтобы бежать с вами по водосточной трубе, но я камня на камне не оставлю от этого заведения, чтобы не допустить к вам заведомо предвзятого государственного эксперта.

– Нет, пусть он допросит меня, – возразила Айрис с улыбкой. – Пусть они все придут. Теперь я готова сражаться за себя, сумею защититься. Уж не знаю, назовет ли это Ленц «хорошей психиатрией», но все, что мне было необходимо для выздоровления, – это мощный шок. Именно такой шок я пережила и благодарна судьбе, что бы ни случилось дальше.

Мы стояли в ее комнате напротив друг друга и улыбались. Я даже не предполагал, что события могут принять такой оборот. Все казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Славная девочка! – прошептал я. – Дайте им настоящий бой, а я тоже скоро начну спланированную атаку. Вдвоем мы их непременно одолеем.

– Вдвоем... Я и вы... – чуть слышно прошептала Айрис. – Кто мог себе представить такое?

Она стояла очень близко. И ее губы показались очень теплыми, когда коснулись моих. Таким стал наш с ней первый поцелуй.

Когда она снова отстранилась, на ее лице все еще играла улыбка.

– Между прочим, мне стыдно, но... Я ведь так и не запомнила вашего имени, – призналась она.

– Питер, – ответил я. – Питер Дулут.

– Питер Дулут! – Она словно опешила и выглядела искренне изумленной. – Значит, вы тот самый Питер Дулут, и ваши слова о театре...

– ... Были правдивы от первого до последнего, – поспешил закончить я ее фразу. – Я же сразу сказал вам, что не сумасшедший. По крайней мере, не до такой степени.

Она пристально посмотрела на меня. Но постепенно улыбка померкла на ее лице, а в глаза вновь закралось выражение страха.

– Вы ведь сделаете все, что в ваших силах, Питер? – спросила она с мольбой. – Я стараюсь изображать отважную инженеру, но все же меня пугает вероятность, что... Что меня увезут отсюда и посадят в тюремную камеру.

И это помогло мне сразу же спуститься с небес на землю, напомним, что, несмотря на истинное чудо обретения Айрис душевного равновесия, положение оставалось для нее по-прежнему неблагоприятным и крайне тяжелым. Мне хотелось снова утешить ее, пообещать, что все закончится хорошо, когда дверь распахнулась и появилась миссис Делл, которая принесла поднос с ужином.

Она последними словами отругала меня, успевшего скрыться Кларка, обложила отборными проклятиями Морено и почти всех остальных сотрудников лечебницы, но не произнесла ни единого бранного слова по адресу Айрис. Напротив, с ней она обращалась ласково, словно девушка была ее дочерью.

Я готов был расцеловать медсестру.

Сам я чуть не пропустил ужин, но успел шепотом поблагодарить Кларка, когда мы встретились в столовой.

– Не за что, мистер Дулут, – ответил он. – Я видел, как тяжело вам пришлось два года назад, и не хотел, чтобы чрезмерные испытания выпали на вашу долю снова. Вот и подумал, что вам наверняка захочется побыть с ней хотя бы немного наедине, прежде чем ее увезут.

Увезут! Сейчас, вновь оказавшись в холодной и жестокой реальности, я поспешно поглощал быстро остывавшее жаркое из говяжьей печени с беконом, все больше проникаясь пониманием, насколько близка развязка событий. Как только полиция сконцентрирует свои усилия на Айрис, они на время забудут обо всем остальном, и, если только я не слишком переоценивал ум своего врага, он успеет за это время тщательно замести за собой следы. Ситуация должна была неизбежно ухудшиться, и спасти положение мог только успех нашего с Геддесом отчаянного и дерзкого плана.

Когда на смену блюду с печенью мне принесли мороженое, приготовленное почти как произведение искусства, я уже успел понять главное, усвоить фундаментальный факт, от которого зависело все мое дальнейшее будущее. Если с Айрис случится худшее, тогда и мне конец. Кларку не видать моего виски как своих ушей. А все дорогое лечение пойдет насмарку. Виски понадобится мне самому. И последний запой Питера Дулута окажется грустным финалом его жизни.

XXIV

Нам часто приходится слышать об ослепительной улыбке, под которой прячется глубокое горе, или о модных ботинках, скрывающих покрытые язвами ноги. Все это затертые языковые штампы, но их словно только что придумали, до такой степени точно они описывали состояние сотрудников лечебницы доктора Ленца, когда тем вечером они собрались в главном зале. Верховное божество повелевало, а значит, все должно было выглядеть, как обычно. И жизнь пациентов тоже текла своим чередом.

Это представлялось самым обычным официальным вечерним собранием, но платье мисс Браш выглядело почти до неприличия вызывающе роскошным. Ткань была расписана тигриным

узором, и она смотрелась в своем наряде как величавая, хотя и немного усталая тигрица. Ее профессиональная улыбка казалась даже ярче, чем обычно, но я обратил внимание, что она то появлялась на ее лице, то пропадала, как вспышки луча маяка. И не раз я ловил мисс Браш на том, что она улыбается чисто автоматически, даже ни на кого не глядя.

Морено тоже оделся с иголочки и был явно преисполнен решимости вести себя приветливо, пусть это давалось ему с мучительным трудом. Женщины из числа пациенток пришли в полный восторг от его необычной общительности, и я даже слышал, как маленькая школьная учительница сравнила его с киноактером Джорджем Рафтом. Когда он проходил мимо, я уловил запах превосходного виски. Он явно основательно приложился к той бутылке, которую я заметил в его кабинете накануне.

Уоррен облачился в свежий белый халат, а волосы старательно пригладил с помощью огромного количества бриллиантина. Причем сегодня его улыбка казалась даже более искренней, чем выражения лиц большинства остальных работников клиники. Вероятно, он ощущал, что смерть Лариби окончательно сняла с него все подозрения в причастности к гибели Фогарти.

Даже несчастная миссис Фогарти появилась в необычном виде. Подобно королеве Елизавете, она была готова на все в минуту крайней необходимости. Ее усилия вылились в несколько полинявшее лиловое платье, которое не шло ни к лицу, ни к фигуре этой женщины, и румяна на щеках, лишь подчеркивавшие глубокую черноту под глазами. Только что овдовевшая, она покорно несла бремя своего долга перед пациентами.

А сами пациенты выглядели вполне довольными жизнью. Среди них царил веселое оживление, что было вполне в пределах нормы. Пожарная тревога дала им тему для бесконечных пересудов, внесла разнообразие в течение их монотонной жизни. Никто из них, как мне казалось, даже не догадывался, что труп Лариби лежал на расстоянии каких-то пятидесяти ярдов от зала, не замечал присутствия в лечебнице полицейских. Их не волновало, что Айрис заперта в одиночестве у себя в палате. Это вообще не заботило никого, кроме меня.

Мысли об Айрис напомнили мне, что пора приступать к действиям. И первой на очереди у меня числилась мисс Пауэлл. Она была важным звеном в цепи, и без ее участия нам ничего не удалось бы осуществить. Наш план мог быть приведен в исполнение только в том случае, если бы мне удалось выяснить местонахождение музыкального тайника.

Бостонская старая дева сегодня с изрядной смелостью нацепила на себя наряд в красных и желтых тонах. Быть может, облачаясь в него, она отдавала дань огню, который совсем недавно угрожал погубить нас всех. Она все время находилась на виду, но вот улучшить момент, чтобы оказаться с ней наедине, оказалось сложной задачей, потому что она порхала от одной группы к другой, обсуждая страхование от пожаров и те огромные взносы, которые приходилось вносить в страховые компании обитателям хорошо знакомых ей домов на Коммонуэлс-авеню. Вела она себя столь же беспечно и фривольно, как велели цвета ее платья. Я уже начал всерьез беспокоиться, что пережитый днем шок излечил ее от kleptomании и сделал совершенно обычной светской дамой, какой она старалась казаться.

– Вероятно, особенно высока опасность пожаров в бостонских трущобах... – увлеченно подал реплику я, когда мне удалось наконец зажать ее между столиком с фонографом и отопительным радиатором.

И это был успех. Потом мне уже не стоило никакого труда увлечь ее к дивану в углу – тому самому, где мы когда-то сидели при первом знакомстве. Она поплелась за мной покорно, как овечка, чтобы затем пуститься в долгие рассуждения о проблеме ликвидации трущоб, жилищных вопросах и социальных реформах в целом.

Был лишь один тревожный для меня момент, когда вдруг раздался голос мисс Браш, собиравшей четверку для игры в бридж и выразительно поглядывавшей в нашу сторону. Но на ее призывы вообще никто не отозвался, и, к счастью, я мог снова полностью сосредоточиться на мисс Пауэлл.

На мое обручальное кольцо она не посмотрела ни разу, как ни выставлял я его напоказ. Более того, чтобы облегчить ей задачу, я будто невзначай даже сдвинул его на кончик пальца. А потом случилось нечто странное. Меня настолько увлек поток красноречия леди из Бостона, что я поймал себя на неотрывном внимании к ее сентенциям. Пытаясь загипнотизировать мисс Пауэлл, я сам попал под ее гипнотическое воздействие, глядя на эту женщину со смесью восхищения и

легкого испуга. Ее хорошо поставленный голос лился, подобно усыпляющей микстуре. И я готов был бы поклясться, что за все время она ни разу не отвела глаз от моего лица.

– Таким образом, мистер Дулут, сами можете судить, какие неимоверно большие проблемы придется решать новой администрации. Надеюсь, вы увидели их теперь во всей полноте.

Я уж точно теперь увидел все сложности, встававшие перед властями Бостона. Но, к своему огромному удивлению и облегчению, увидел и другое: кольцо наконец исчезло с моего пальца. При этом взгляд моей собеседницы ни на секунду не устремлялся в сторону. А я не почувствовал даже прикосновения к своему пальцу. Ну, разве что самое легкое, словно мимолетный взмах крыла бабочки. Кольцо же испарилось. Я мысленно дал себе клятву, что добьюсь выписки этой женщины из лечебницы, стану ее компаньоном в делах, и в таком случае наше общее с ней благосостояние будет пожизненно обеспечено. Она была гениальна.

– ...Но, к большому сожалению, большинство жителей Бостона слишком легкомысленно относятся к своим общественным обязанностям...

Я же никак не мог сказать, что легкомысленно отношусь в своей задаче. Кольцо попало к ней. Оставалось заставить ее спрятать добычу в музыкальном тайнике. В то же время я прекрасно знал о склонности мисс Пауэлл скрывать краденое под подушками диванов. И мне пришлось пойти на не слишком джентльменскую выходку, растянувшись на диване с ногами и полностью исключив возможность незаметно сунуть что-либо под подушку. Она же была слишком хорошо воспитана, чтобы упрекнуть меня за дурные и даже грубоватые манеры.

А потом я принялся обрабатывать ее ментально, пытаюсь послать мысленное сообщение, соединить на миг мое сознание с ее мозгом.

«Музыкальное место, – внушал я безмолвно. – Спрячьте кольцо в свой музыкальный тайник».

Но если я думал, что обладаю хотя бы малейшим талантом гипнотизера, то глубоко заблуждался. Передавать мысли на расстоянии мне тоже не удавалось. Мисс Пауэлл продолжала монолог как ни в чем не бывало. Теперь она перешла к теме низкой оплаты труда учителей, непоставимой с важностью их миссии.

По истечении некоторого времени я понял, что придется прибегнуть к чему-то более примитивному. Отвернувшись от мисс Пауэлл, я едва слышно прошептал:

– Музыкальное местечко.

А потом выразительно посмотрел на свой оголившийся палец.

Наконец-то! Выражение озабоченности промелькнуло в ее глазах. Она ни на секунду не умолкала, но ее рука украдкой потянулась к подушке. Я же лишь с еще большей силой придавил ее ногами.

По мере того как ее взгляд делался все более испуганным, во мне тоже усиливалось чувство вины. Было что-то подлое в том, как я использовал болезнь этого несчастного создания. Можно сказать, эксплуатировал известную мне слабость такой же пациентки, как и я сам. Но ведь именно так поступал убийца, невольно вынуждая меня следовать своему примеру. Что ж, у меня появился еще один повод поквитаться с ним.

Я бросил взгляд на часы. Ровно восемь. Оставалось всего два часа до приезда государственного эксперта-психиатра.

– Музыкальное местечко, – в отчаянии снова тихо пробормотал я.

Мисс Пауэлл на этот раз не выдержала, вскочила на ноги, и хотя еще пыталась что-то говорить, ее речь стала сбивчивой, а потом оборвалась на фразе:

– Нашей единственной... надеждой... как республиканцев...

Она повернулась и почти побежала через весь зал. И снова я отметил ее затравленный взгляд – она знала, что я последовал за ней.

Ее целью оказалось фортепьяно. Я не успел уловить движения руки, но инстинктивно почувствовал момент, когда она избавилась от кольца. Ее лицо тут же просияло улыбкой, и она даже ухитрилась подхватить прерванную было фразу и закончить ее. Теперь меня уже страшила перспектива ее нового затяжного монолога, но мне повезло. Видимо, наговорившись всласть, мисс Пауэлл решила предаться любимому занятию – пасьянсу, и на этом мы расстались.

«Музыкальное местечко», таинственная кладовая сокровищ мисс Пауэлл, где она явно спрятала сначала скальпель, а теперь мое кольцо, оказалось практически на виду у всех. Оно, на первый взгляд, выглядело совершенно непригодным для тайника. Но в то же время кому могло

прийти в голову искать что-либо под расшитым покрывалом, изо дня в день лежавшим на самом дальнем конце музыкального инструмента? Хотя спрятать там можно было только очень небольшие или совершенно плоские предметы. Даже мое кольцо слегка выдавало свое присутствие под тканью, образовав на ней чуть заметный бугорок. Имелось под ней и второе небольшое утолщение. На мгновение я вообразил себе, что стою на пороге нового важного открытия.

Осторожно оглядев зал и убедившись, что на меня никто не смотрит, я запустил руку под покрывало и достал оба предмета. Одним из них оказалось, естественно, мое кольцо. А вторым – серебряный автоматический карандаш. Тоже мой. Мисс Пауэлл умудрилась стащить и его, хотя я понимал: для меня навсегда останется загадкой, как она сумела незаметно залезть в нагрудный карман моего пиджака. Но ведь я уже знал, что эта женщина достигла в своем деле абсолютного совершенства!

Я повернулся спиной к фортепьяно, а потом едва уловимым движением, какому могла бы позавидовать даже мисс Пауэлл, вынул из кармана завещание Лариби и сунул его под покрывало. Первая часть плана оказалась успешно завершена. Завещание попало в музыкальный тайник, а никто (в этом я был совершенно уверен) не видел, как я положил его туда.

Геддес сидел в одиночестве, когда я приблизился к нему и шепотом сообщил новости.

– Отлично! – сказал он. – Теперь я обработаю Фенвика, а вы займитесь сотрудниками. Потом подайте мне знак кивком головы, и я сделаю вид, что заснул рядом с фортепьяно. Если кто-то возьмет завещание, я кивну три раза подряд, а четвертый кивок будет в сторону человека, который завладеет им.

Несмотря на всю серьезность ситуации и важность ставок в этой игре, было в нашем плане что-то по-детски возбуждающее. Хотя сама по себе важность дела не могла не будоражить нервов. Это отчасти напоминало обычную салонную забаву, вот только одним из ее участников был хладнокровный убийца, а итогом для него мог стать электрический стул.

Я понимал, что к разговорам с сотрудниками следует подходить со всей деликатностью. Однако, заметив, что мисс Браш и Морено уединились и тихо беседуют между собой, решил для начала одним выстрелом убить двух зайцев.

При моем приближении мисс Браш забыла улыбнуться. У меня сложилось впечатление, что и она, подобно Морено, основательно подкрепила себя алкоголем, готовясь к малоприятному вечеру.

– Я как раз кое-что вспомнил, – сказал я небрежно. – Это касается Лариби.

– Ш-ш-ш. – Доктор Морено быстро осмотрелся вокруг, чтобы убедиться в отсутствии рядом пациентов.

– Возможно, это не так уж и важно, – продолжал я, – но сегодня в кинозале мне показалось, что мисс Пауэлл вытащила из кармана Лариби какую-то бумагу... – Меня самого покорило от этой лжи. Показалось, что она прозвучала не слишком убедительно. – И она что-то пробормотала о своем музыкальном тайнике... Или о чем-то в этом роде.

Лицо Морено оставалось бесстрастным.

– Я подумал, что психиатр может на основании этого сделать какие-то выводы, – не унимался я. – Потому что сам ничего не понял.

– Вы говорите о листе бумаги? – Зато голос мисс Браш прозвучал неожиданно взволнованно.

– Да, – я внимательно взгляделся в ее голубые глаза. – Вероятно, это было нечто, что Лариби написал одолженной у вас авторучкой.

– Значит, письмо для дочери.

Мисс Браш намеренно отвернулась, и я не смог прочитать выражения на ее лице.

Морено отпустил велеречивое замечание о необходимости сообщить об инциденте Ленцу, а потом холодно дал понять, что больше меня не задерживает.

Моим следующим объектом для атаки стал Стивенс. Он стоял один в углу зала, с беспокойством наблюдая за своим сводным братом. Я походя поинтересовался, организовал ли он уже отъезд Фенвика, заставив Стивенса густо покраснеть.

– В силу того... Из-за того, что произошло сегодня, Дулут, наши... Наше руководство посчитало невозможным чей-либо отъезд... Временно.

– Между прочим, – сказал я, – как раз перед началом показа фильма мисс Пауэлл...

Но доктор Стивенс явно пропустил мимо ушей мою лживую историю о старой деве из Бостона и украденном документе. Он лишь помотал головой, вложив в это не совсем ясный смысл, и что-то пробормотал себе под нос, когда к нам подошел Геддес. Англичанин пожаловался на сонливость. Но при этом он не думал, что приступ серьезный, и попросил у доктора разрешения остаться в зале, даже если ненадолго заснет.

– Хорошо, мистер Геддес. Попросите Морено отвести вас в мой кабинет и дать вам дозу наших лекарств.

Я знал, что Стивенс и Морено пичкали Геддеса какими-то новейшими стимулирующими пилюлями, хотя они ему совсем не помогали. Меня испугало только одно. Если у Геддеса случится подлинный приступ, который не был частью нашего сговора, он мог не продержаться достаточно долго в роли стража при завещании.

Мне же надлежало продолжить исполнение своей задачи и поведать маловероятную историю с участием мисс Пауэлл остальным сотрудникам лечебницы.

Миссис Фогарти реагировала предсказуемо. Печально помотав головой, она сказала:

– Бедная, бедная мисс Пауэлл! А ведь какая это умная женщина. Просто поразительно!

Я переключился на Уоррена и едва успел поделиться с ним своей маленькой сказочкой о краже бумаги, как заметил, что Кларк украдкой выскользнул из зала. «Не сумел ли он установить владельца носового платка?» – с надеждой подумал я. И стал размышлять, что нам это даст, если сумел. Затем вернулся Геддес и вопросительно через все помещение посмотрел в мою сторону. Я кинул ему, подавая знак, означавший окончание моей части работы. С поразительной небрежностью Геддес сразу же подошел к фортепьяно, устроился в кресле, занимавшем стратегически выгодное положение, уселся и стал очень натурально делать вид, что клюет носом.

Капкан был поставлен, а сцена расчищена для начала действия. Оставалось только нашему неизвестному пока главному герою сыграть свою роль. Я чувствовал двойное волнение: как постановщик спектакля и как его первый зритель. Стоя, прислонившись в стене, я ждал и наблюдал за возможным развитием действия.

И постепенно на моих глазах стал происходить любопытный феномен. В начале вечера все пациенты, казалось, пребывали в самом радужном настроении, вели себя совершенно естественно, и любой посторонний гость дал бы их умственным способностям не менее высокую оценку, чем уставшим и перенервничавшим сотрудникам лечебницы. Но постепенно атмосфера менялась. Еще недавно горевшие умом и весельем глаза снова становились привычно тусклыми, разговоры теряли живость. Сначала это меня удивило, но потом я понял, что Фенвик взялся за дело. Геддес, видимо, хорошо обработал его, потому что теперь спирт стал переходить от группы к группе, отзывая людей поочередно в сторону и что-то им нашептывать. И где бы он ни прошел, за ним оставался почти ощутимый шлейф уныния и нервного напряжения. Несколько раз до меня доносилась фамилия Лариби. Пациенты только сейчас начали задавать вопросы: почему в зале нет одной из самых заметных прежде фигур, куда делся финансист?

Замечая, какое воздействие оказывает безумная фантазия с мнимым сообщением от духов, я снова осознал, насколько жестоко, до какой степени бесчувственно с нашей стороны было пользоваться повышенной восприимчивостью пациентов психиатрической лечебницы. Мне пришлось заставить себя вспомнить об Айрис и с тревогой посмотреть на часы. Уже миновала половина девятого.

– А где же Лариби, Пит? – Ко мне подошел юный Билли Трент. – Еще за обедом он обещал объяснить мне, как действуют краткосрочные биржевые операции с акциями. А теперь Фенвик говорит, что...

– Тебе лучше продолжать разносить содовую воду из сифона, Билли, – прервал его я. – А мне на десерт принеси банановый сплит.

Билли Трент какое-то время молчал, разглядывая мыски своих ботинок.

– Знаешь, Пит, – сказал он после долгой паузы, – а ведь это все чушь, что я работаю официантом. За последние несколько дней я вдруг понял...

Он ударился в рассуждения о том, как осенью вернется в колледж, снова начнет играть в футбол. Его речь была совершенно внятной и разумной. Так мог говорить любой совершенно здоровый симпатичный молодой человек двадцати лет от роду. Я с радостью встретил известие о

том, что он оправился, а его сознание оказалось достаточно устойчивым и не подверглось губительному воздействию мрачных событий, которые творились в лечебнице.

К нам подплыл Фенвик, чей голос звучал так же замогильно и глухо, как, должно быть, слышались ему голоса духов. Пока он вещал, мне пришло в голову, какой бы прекрасный актер из него получился: выразительное лицо, необычайные глаза и красивая жестикуляция. Трудно было определить, насколько глубоко он проникся тем, что ему сообщил Геддес, но в его интерпретации сообщение звучало столь же драматически подлинным, как та памятная речь, когда он привлек всеобщее внимание, донеся до всех предостережение, полученное непосредственно от призраков.

– Они снова дали о себе знать, – начал он, поигрывая нежными пальцами с кончиком галстука. – Лариби составил новое завещание, а потом...

– Мне уже об этом известно, – резко оборвал его я.

Фенвик чуть заметно изумился, опустил взгляд сияющих глаз и переместился туда, где стоял Штрубель. До меня смутно доносились его слова, когда он нашептывал историю на ухо дирижеру.

Теперь уже стало заметно, что сотрудников лечебницы встревожила столь внезапная перемена в настроении пациентов. Стивенс поспешил к своему сводному брату и стал о чем-то серьезно беседовать с ним. Мисс Браш удвоила усилия составить несколько партий в бридж, но не добилась успеха. Лиловая миссис Фогарти пыталась всех расшевелить, а Морено стал до такой степени преувеличенно оживленным, что это стоило ему, вероятно, неимоверного труда.

Но никакие их общие старания уже не могли изменить того эффекта, который произвел своим сообщением Фенвик. Новый глас духов, как и тот факт, что никто не мог внятно объяснить причины отсутствия в зале Лариби, постепенно доводили некоторых пациентов до грани истерики.

Представлялось вероятным, что всех досрочно отправят спать и наш план потерпит неудачу, если бы в этот момент не явился лично доктор Ленц. Один вид его бороды уже, казалось, производил успокаивающее воздействие. И ему хватило мудрости не напускать на себя фальшивой веселости и неискреннего оптимизма. Выражение его богоподобного лица было таким, какое мы могли бы надеяться увидеть на лице Всевышнего в день Страшного суда. Оно как бы говорило: «У нас не все ладно, дети мои, но нет никаких оснований для паники».

И он, разумеется, знал волшебное средство для того, чтобы унять разгулявшиеся нервы подопечных. Музыка! Я заметил, как он подошел к Штрубелю, а потом они вдвоем направились к фортепьяно. Ленц поднял руку, призывая к всеобщему вниманию, и окинул всех собравшихся благосклонной улыбкой.

– Мистер Штрубель любезно согласился сыграть для нас с вами.

Он подал знак Уоррену, который придвинул к инструменту стул и откинул крышку клавиатуры. В какой-то ужаснувший меня момент показалось, что сейчас он сдернет с фортепиано покрывало. Его пальцы уже находились в опасной близости от него, но затем сам Штрубель отвлек санитаря, попросив унести мешавшую ему вазу с цветами.

Геддес находился на посту, очень правдоподобно изображая глубокий сон. У него и мускул не дрогнул, когда наш великий маэстро пристроил стул поудобнее и сел.

Заиграл он «Лунную сонату», и хотя я никогда особенно не любил Бетховена, в нынешнем состоянии, приходилось признать, его музыка оказала на меня магическое воздействие. Как и на всех остальных. Тревожные, взволнованные складки на лицах разгладились, а в глазах снова появился живой блеск, словно в них действительно проглянуло мягкое отражение лунного света. Лариби, лечебница, треволнения – реальные и воображаемые, – все это куда-то на время ушло.

Когда Штрубель закончил исполнение, Ленц уже незаметно покинул зал. Зато все остальные окружили фортепьяно. Рядом расположился даже Фенвик, считавший Бетховена невыносимо неэстетичным. Штрубель не собирался продолжать концерт, как ни упрашивали его мисс Браш и Морено.

Но миссис Фогарти была его явной любимицей, и на ее просьбу он не мог ответить отказом. Старый дирижер снова покорно занял место за инструментом и исполнил рапсодию Брамса с изумительным темпом и виртуозностью.

Когда звуки стихли, фортепьяно превратилось в поистине центр притяжения для всех в зале. Я воображал, насколько трудно приходилось Геддесу, державшему в поле зрения целую толпу.

Затем за дело снова взялся я сам. Проложив путь мимо остальных, я занял позицию в самом конце инструмента непосредственно у «музыкального тайника».

Мои пальцы скользнули под расшитое покрывало, пошарили там, но... не обнаружили ничего.

Завещание исчезло! Кто-то его взял. Один из тех людей, что стояли всего в нескольких футах от меня. Мужчина или женщина из тех, кто в порыве благодарности теснился сейчас вокруг Штрубеля. План сработал!

Геддес все еще полулежал в своем кресле, изображая сон. Мне сделалось дурно, стоило представить на секунду, что он уснул по-настоящему, впал в транс или в неразберихе не сумел ничего разглядеть. Я с волнением смотрел на него, не в силах заставить себя приблизиться.

Внезапно Геддес открыл темные глаза, нашел взглядом меня и три раза подряд кивнул головой. Затем слегка сменил позу, повернулся и кивнул еще раз в направлении мужчины, как раз удалявшегося от фортепьяно.

Не приходилось сомневаться, кого он имел в виду. Но теперь, когда мне все стало известно, правда показалась невероятнее любых фантазий.

Стараясь двигаться, не привлекая внимания, я подошел к Геддесу и буквально выдохнул имя человека, на которого он указал.

– Именно так, – последовал ответ едва слышным шепотом. – Он и забрал завещание. Бумага сейчас во внутреннем кармане его пиджака. Проследите за ним.

Я лихорадочно огляделся в поисках Кларка. Полицейский уже вернулся в зал и стоял в одиночестве неподалеку от двери. Его лицо вспыхнуло профессиональным возбуждением, когда я назвал ему того, кого просил взять под контроль.

– Мне необходимо срочно отправиться к Ленцу, – торопливо сказал я. – Не выпускайте подозреваемого из вида ни на мгновение. Думаю, это тот, кто нам нужен.

– Меня уже ничто не удивляет, – заметил Кларк. – Я, видите ли, провел проверку и обнаружил вот это.

Из кармана брюк он вынул чистый, аккуратно сложенный носовой платок. Я сразу заметил, что и по размеру и по типу ткани платок был точно таким же, каким заткнули рот Геддесу. Не хватало только пятен крови Лариби.

– И это было в его комнате, – прошептал Кларк.

Я усмехнулся с мрачным удовлетворением.

– Что ж, теперь должна наступить развязка.

XXV

После того, как я оставил Кларка, который теперь четко знал, что ему делать, мне пришлось срочно вернуться к Геддесу. Тот уже удалился от группы у фортепьяно и нетерпеливо ждал меня в одном из углов зала. Я сообщил ему, что Кларк установил личность владельца носового платка, и Геддес в ответ лишь чуть слышно присвистнул.

– Значит, наш безумный план привел-таки к нужным результатам! – пробормотал он.

Мы обменялись выразительными взглядами. На мгновение я ощутил острый приступ нервозности. У меня возникло такое же чувство, какое, должно быть, испытывает школьник, подсмотревший решение задачи по алгебре и получивший ответ, но только по-прежнему понятия не имевший о том, каким образом ответ выходил именно таким. Чтобы убедить полицейских, наши улики и наблюдения выглядели, прямо скажем, хлипко. Но часы показывали уже десять минут десятого. Нам не оставалось ничего, кроме как отправиться к директору и попытаться убедить его в нашей правоте.

– Пойдем, – сказал я. – Мы, конечно, рискуем, подставляем себя под удар, но крайне важно обо всем немедленно информировать Ленца. Пусть нам потом шею намылят, но сделать это необходимо.

Геддес ощупал собственную шею, на которой под воротничком рубашки скрывались красные рубцы.

– Я готов на все, – серьезно сказал он. – А намыленная шея мне сейчас только пойдет на пользу.

Избегая попадаться на глаза тигроподобной мисс Браш, мы вышли из зала и направились по коридору в сторону кабинета директора. Мои нервы уже полностью уgomонились. Я чувствовал только волнение, но при этом еще и необычайную уверенность в себе.

Доктор Ленц был один, когда мы достаточно бесцеремонно ворвались к нему в кабинет. Он сидел за столом, склонив бородатое лицо над книгой, которая поглотила все его внимание. Наше появление кому угодно могло показаться похожим на наглое вторжение в чужое личное пространство, на миниатюрный ураган среди ясного неба, но он не поднял на нас головы, пока не дочитал до конца очередной абзац. Затем отборнейшим из серии своих обычных величавых жестов он закрыл книгу и произнес:

– Чем обязан, джентльмены? Слушаю вас.

Мы с Геддесом переглянулись, и, поощренный легким кивком англичанина, я взял инициативу на себя.

– Послушайте, доктор Ленц, – начал я. – Мы пришли поделиться своими соображениями по поводу совершенных в лечебнице преступлений. Более того, мы считаем, что нам известно имя человека, который их совершил. Вы должны выслушать нас незамедлительно. Видите ли...

– Минуточку, мистер Дулут... – Директор поднял широкую ладонь и посмотрел на меня взором повелителя поверх очков для чтения. – Насколько я сразу понял, ваша теория предполагает обвинения против какой-то определенной личности?

– Так и есть! – практически хором воскликнули мы с Геддесом.

– Превосходно, – Директор неспешным движением снял очки и вложил их в кожаный футляр. Затем всмотрелся в каждого из нас поочередно, словно давая время еще раз взвесить всю важность информации, которой мы располагали. – Я полностью доверяю вам, – произнес, – но не могу взять на себя ответственность и выслушать ваши показания, не поставив предварительно в известность полицию. И если вы действительно уверены в своей правоте, то нам необходимо немедленно пригласить сюда капитана Грина.

– Нас это вполне устроит, – сказал Геддес.

– Да, вполне, – подтвердил я.

Рот директора скривился в легкой снисходительной улыбке. Это была улыбка бога, наблюдавшего за интеллектуальными потугами простых смертных.

– Уж не знаю, какие открытия вам удалось совершить, – сказал он размеренным тоном, – но прежде чем сюда придет капитан, хотелось бы получить четкий ответ на один весьма важный вопрос. Представляется более чем вероятным, что вы установили обстоятельства смерти мистера Лариби. Но вот объясняет ли ваша гипотеза мотив гибели Фогарти, как и способ, с помощью которого на него сумели натянуть смирительную рубашку?

– У нас есть весьма основательное предположение относительно мотива, – поспешил сказать я. – Фогарти стало известно нечто, сделавшее его опасным для преступника.

– Склонен согласиться с вами, мистер Дулут. Но все же каким образом человек, против которого вы готовы выдвинуть обвинения, ухитрился надеть на Фогарти смирительную рубашку? – Доктор снова окинул нас отечески заботливой улыбкой. – Поймите, что только убедительное объяснение этого способно заставить полицию принять и все остальное в вашей версии.

Я почувствовал, как энтузиазма у меня заметно поубавилось.

– У нас не было достаточно времени, чтобы основательно поразмыслить над этим, – промямлил я. – И должен признать, что действительно не имею ни малейшего представления, как такое удалось проделать.

– Стало быть, не имеете? – Доктор Ленц погладил бороду, а потом неожиданно добавил: – Но пусть это не лишает вас надежды, джентльмены. Так уж получилось, что над данным вопросом много раздумывал я сам. И благодаря вот этой превосходной и очень редкой книге, как мне кажется, сумел добраться до вероятного объяснения загадки.

Он взял фолиант со стола и протянул нам его для осмотра. Книга была написана каким-то профессором со сложной немецкой фамилией, а называлась «Колдовство и медицина».

– Научный трактат, объясняющий всевозможные фокусы, – объяснил Ленц. – Очень полезное и отрезвляющее чтение для слишком самоуверенных психиатров. Непременно рекомендовал бы как учебное пособие.

Он бережно открыл книгу и снова положил ее перед собой на стол.

– Здесь даже есть глава о магии театра, мистер Дулут. Но сейчас вас может главным образом заинтересовать та часть, которую я выделил особо, поскольку она вполне применима для объяснения загадки смерти Фогарти. Почти уверен, что это значительно упрочит доказательную базу того, с чем вы собираетесь обратиться в полицию.

Как обычно, сила личности директора оказала на нас с Геддесом совершенно покоряющее воздействие. Придя сюда, чтобы говорить самим, мы мгновенно превратились всего лишь в слушателей. Мы стояли молча, а Ленц смотрел на нас ясным взором, временами серьезным, временами насмешливым.

– Наша главная проблема, – заговорил он уже без тени иронии, – состоит в том, чтобы понять, как человек, не обладающий сверхъестественной силой, смог одолеть такого могучего мужчину, каким был Фогарти. Для меня ответ выглядит просто. Я почерпнул его из этой книги, – в его голосе снова промелькнуло едва заметное ехидство. – Тут все дело в магии.

Я вяло кивнул в ответ, а Геддес склонился над книгой и принялся листать страницы.

– Давайте восстановим ход событий, – продолжал директор. – Мы исходим из посылки, что убийца по каким-то одному ему известным причинам стал воспринимать Фогарти как угрозу своим зловещим замыслом. Он принял решение разделаться с ним, а любой из нас в достаточной степени знает психологию, чтобы догадываться: своя ахиллесова пята имеется у каждого человека. И он спланировал нападение на Фогарти с учетом индивидуальной особенности нашего санитара. А именно – его склонности к театральным эффектам, стремлению попасть в шоу-бизнес.

Я бросил беглый взгляд на часы, но доктор Ленц явно не считал фактор времени хоть сколько-нибудь важным.

– Миссис Фогарти сообщила нам, – продолжал он, – что в вечер гибели муж объявил ей о своем намерении покинуть службу в лечебнице и попробовать себя в мире развлечений. Поначалу я отнес возникновение этой достаточно нелепой амбиции у простого санитара за счет вашего присутствия у нас, мистер Дулут. Теперь же понимаю, что свою роль в гораздо большей степени сыграл тот самый подрывной элемент, о котором я упоминал в разговоре с вами. Именно он подтолкнул Фогарти принять окончательное решение в тот самый роковой вечер. В ту субботу убийца в полной мере воспользовался ахиллесовой пятой своей жертвы.

Директор повернулся ко мне:

– Теперь вы понимаете, о чем речь, мистер Дулут? Вы же человек театра. Подумайте, как бы вы поступили, если бы задумали убить Фогарти. Вы бы непременно догадались сыграть на его тщеславии, не так ли? Вы могли бы, например, предложить ему обучиться сложному трюку, владение которым намного увеличило бы его шансы попасть на подмостки театра или на цирковую арену. А в этой книге как раз описывается достаточно распространенный в прошлом фокус со смирительной рубашкой. Артист позволяет надеть ее на себя, а потом на глазах у восторженной публики чудесным образом, словно по волшебству, избавляется от нее.

– То есть вы хотите сказать, – взволнованно подхватил Геддес, – что убийца пообещал научить Фогарти этому трюку, обездвижил его, а потом затянул на шее веревку?

– Совершенно верно, – с важным видом кивнул Ленц, – но только все обстояло, думаю, несколько сложнее. Фогарти был по-своему тоже не так глуп. Я, например, не верю, что он позволил надеть на себя смирительную рубашку, не заставив сначала убийцу самому продемонстрировать ему этот трюк. И, по моему мнению, произошло следующее. Злоумышленник отправился вместе с Фогарти в кабинет физиотерапии, где показал санитару этот фокус сам. А затем...

– Но ведь он должен был обладать ловкостью Гудини, чтобы проделать такое! – воскликнул я.

– Совсем нет, – сказал доктор, глядя на меня почти с сожалением. – Из этой книги явствует, насколько фокус на самом деле прост. Его может выполнить любой, зная маленький секрет, – он взял карандаш и принялся выстукивать дробь по краю стола. – Чтобы окончательно убедить вас, я могу даже попытаться исполнить этот номер сам. Вам, вероятно, понравится демонстрация чуда в моем исполнении? Известный психиатр в роли фокусника!

И он посмотрел на нас с почти озорной улыбкой. Мы с Геддесом в один голос подтвердили свой интерес к подобному эксперименту.

– Что ж, очень хорошо, – пробормотал директор. – Так и быть, изображу для вас факира.

Он нажал на кнопку звонка, а потом отправил явившегося на зов Уоррена за единственной оставшейся в этом заведении смиренной рубашкой. Через несколько минут санитар вернулся и не без мрачного изумления подал начальнику столь странный даже для него предмет.

– Спасибо, Уоррен, – сказал Ленц с благодушной улыбкой. – Да, между прочим, мистер Дулут и мистер Геддес располагают информацией, которой хотели бы поделиться с полицейскими. Не могли бы вы попросить капитана Грина ненадолго прервать работу в лаборатории и прийти сюда. – Он снова обратился ко мне: – Кроме того, представляется полезным пригласить всех моих сотрудников, кто может на время оставить рабочие места. Так, на всякий случай. Если вдруг возникнут непредвиденные затруднения и потребуются их помощь.

– Пусть приходят! – с готовностью воскликнул я. – Мы охотно продолжим беседу в присутствии всех медиков вашей лечебницы. Получится что-то вроде научного консилиума.

– Очень хорошо. Уоррен, попросите, пожалуйста, мисс Браш, миссис Фогарти, доктора Морено и этого нового санитара Кларка тоже зайти ко мне. А доктору Стивенсу передайте мое поручение присмотреть какое-то время за пациентами мужского отделения.

Когда Уоррен удалился, Ленц взял в руки наводившую на недобрые мысли шитую из грубого полотна смиренную рубашку.

– Теперь вообразите, что я маг и чародей, – заговорил он высокопарным тоном. – И надеюсь показать вам, как легко любой может освободиться от смиренной рубашки, которую многие считают самыми надежными узами.

При этом он и в самом деле походил на колдуна благодаря густой черной бороде и разросшимся кустистым бровям.

– Боюсь, однако, – продолжал он, – что я все же немного староват, чтобы ставить подобные эксперименты на себе. Но вы, мистер Дулут... Быть может, будете так любезны, чтобы стать своего рода ассистентом фокусника?

Я сделал шаг к нему, и с напускной таинственностью доктор Ленц принялся обматывать мои плечи краем рубашки. Он уже практически обездвижил верхнюю часть моего тела, но внезапно остановился.

– Знаете, я передумал, – сказал он. – Мне особенно важно, чтобы именно вы, мистер Дулут, стали очевидцем эксперимента. Предпочтительнее будет использовать как подопытного кого-то другого. Я вызову Уоррена.

Геддес, прежде внимательно наблюдавший за происходившим, неожиданно поднялся со своего кресла.

– В этом нет нужды, – сказал он. – Почему не испробовать трюк на мне?

– Я хотел бы попросить вас, мистер Геддес, – лицо директора несколько омрачилось, – но потом посчитал, что для человека, страдающего нарколепсией, в этом заключен нежелательный элемент риска.

– Все должно пройти гладко, – настаивал англичанин. – Морено дал мне принять свой новый препарат – серноокислый бензедрин – примерно час назад. А потому опасность приступа или чего-то подобного маловероятна.

Ленц недолго раздумывал, но потом его стремление поразить нас обоих взяло верх над осторожностью врача.

– Отлично, мистер Геддес! Давайте попробуем на вас.

Он снял рубашку с меня и передал мне же со словами:

– Мистер Дулут, соизвольте сами замотать рубашку на мистере Геддесе, применив всю свою силу.

Я послушно затянул тесемки как можно туже. Это оказалось не так легко, как я думал, но в результате мне удалось справиться. Геддес выглядел беспомощнее рождественской индейки, подготовленной к отправке в духовку. Но при этом он лишь усмехался.

– Вы, должно быть, гений, профессор, если действительно сможете объяснить мне теперь, как освободиться.

Ленц, казалось, радовался как ребенок.

– О, уверяю вас, что это очень просто. Нужно всего лишь...

Ему пришлось прерваться, потому что в этот момент дверь распахнулась и в кабинет вошел капитан Грин с двумя своими офицерами. За ними следовали сотрудники лечебницы – миссис Фогарти, мисс Браш, Морено, Уоррен и Джон Кларк.

Капитан Грин посмотрел на нас с порога так, словно только что получил последнее подтверждение: весь мир окончательно сошел с ума.

– Какого дьявола вы здесь делаете с этой смирительной рубашкой? – первым делом спросил он.

Ленц потрепал Геддеса по плечу.

– Мистер Геддес и мистер Дулут полагают, что раскрыли загадочное дело, над которым вы работаете, капитан. И я решил добавить крупицу своих познаний к их информации путем этого небольшого эксперимента.

Пока директор объяснял им суть, я не сводил взгляда с англичанина. Он заметно побледнел, а потом его глаза стали стекленеть, что мне уже было хорошо знакомо.

– Что с вами? – воскликнул я. – Осторожнее, иначе... – но мне изменил голос.

Мышцы лица Геддеса свело словно судорогой, а тело под смирительной рубашкой совершенно одеревенело. Я успел вовремя подскочить к нему и удержать от падения, когда его уже качнуло вперед, а он полностью оказался во власти одного из своих припадков.

Сотрудники клиники тоже отреагировали мгновенно. Пока Грин беспрестанно задавал им удивленные вопросы, Уоррен и Морено подняли находившегося без сознания Геддеса и перенесли его в небольшую смотровую комнату, примыкавшую к кабинету директора. Мы все поспешили присоединиться к ним, когда они бережно уложили недвижимое тело на кушетку.

Я еще никогда не видел Ленца столь встревоженным. Он склонился над англичанином, удрученно качая головой и повторяя, что впервые в своей карьере сознательно подверг здоровье пациента ненужной угрозе.

– Вернитесь все в кабинет, – распорядился он потом. – А вы, Уоррен, распахните пошире окно. Ему нужно сейчас побольше свежего воздуха, и он скоро придет в чувство. Только свежий воздух и покой.

Пока санитар занимался окном, я сел рядом с распростертым на диване англичанином. Мне было, мягко выражаясь, неприятно видеть его снова в таком состоянии именно сейчас. Мною овладело беспокойство. Геддес ведь был не только моим другом, но и главным свидетелем, партнером. Теперь мне предстояло одному убедить полицию в нашей с ним правоте.

– Разве вы не собираетесь снять с него рубашку, доктор Ленц? – спросил я довольно-таки резким тоном.

– Нет. – Ленц как раз проверял у Геддеса пульс. – В таком состоянии это может стать даже опасным. Его мышцы сейчас неестественно сжаты рубашкой. Если мы ее снимем, при постепенном расслаблении мускулов могут начаться нежелательные спазмы. Пожалуйста, прошу еще раз – вернитесь все в кабинет.

Мы подчинились. Бросив на пациента еще один взгляд, Ленц тоже присоединился к нам.

Грин наблюдал за происходившим с живым интересом обывателя, столкнувшегося с редким явлением медицины. Он сыпал вопросами, и Ленцу пришлось кратко посвятить его в симптомы нарколепсии и каталепсии, вновь сокрушенно добавив сожаления, что решил использовать Геддеса как объект для своего эксперимента.

– Меня извиняет только искреннее понимание, что успех демонстрации трюка поможет разгадке одной из тайн дела, – закончил он. – И я совершенно не учел фактора внезапности вашего прихода, который и вызвал нарколептический припадок. Боюсь, что теперь мы сможем продолжить этот своего рода следственный эксперимент, только когда мистер Геддес окончательно оправится.

Директор прошел к своему рабочему столу и сел за него. Привычное окружение, как показалось, быстро помогло ему вернуть обычную уверенность в себе. Прошла еще минута, и перед нами вновь восседала величавая богоподобная фигура, неподражаемая в своем всемогуществе. Он несколько грустно улыбнулся, глядя на своих подчиненных и полицейских, окруживших его стол в ожидании объяснений.

– Как я уже сказал, – возобновил он свой монолог, – мистер Дулут и мистер Геддес выступили со своей версией, которой хотели поделиться с вами. К сожалению, мистеру Дулуту придется теперь это сделать одному. Но прежде чем он начнет, считаю своим долгом предупредить: я сам пока не имею понятия о сути его теории или о личности человека, против которого он собирается выдвинуть обвинения. А потому мне, как, несомненно, и всем вам, будет крайне интересно его выслушать. – Директор достал из футляра очки и с преувеличенной тщательностью нацепил их на кончик носа. – Хочу добавить только еще одно. У меня самого родилась версия, которая, как я надеюсь, совпадет с гипотезой мистера Дулута. Речь идет об одном из пациентов лечебницы. А потому я обязан отправить Уоррена вниз с указанием держать эту особу под непрерывным наблюдением.

Последнее замечание вызвало молчаливое волнение среди присутствующих, которое Ленц явно предвидел. Он достал из ящика стола лист бумаги, написал на нем несколько слов, после чего передал подчиненному.

– Я хочу, чтобы вы не сводили с этого человека глаз, Уоррен, – хладнокровно отдал приказ он. – Если доктор Стивенс начнет задавать излишние вопросы, покажите ему эту записку. А когда я подам сигнал звонком, вам надлежит привести указанную персону сюда.

Бывший ночной санитар прочитал записку и не смог удержать изумленного возгласа. Ленц только улыбнулся, а как только Уоррен поспешил выйти, доктор с уважительным вниманием повернулся ко мне:

– А теперь, мистер Дулут, если вы готовы, соблаговолите начать!

XXVI

Тот факт, что я временно лишился союзника и свидетеля, поначалу несколько выбил меня из колеи, но в последние несколько минут я получил нечто, послужившее достаточной компенсацией потери. Пока директор занимался подготовкой своего эксперимента, мой взгляд еще раз упал на необычную книгу, лежавшую на столе. И ее название – «Колдовство и медицина» – подсказало мне идею, которая и стала недостающим фрагментом головоломки. Стоило закрыть пустующее место, и серия странных и страшных событий приняла вид окончательно оформившейся картины.

Но это была головоломка для дураков, и, как мне стало теперь ясно, именно ее совершеннейшая дурость с самого начала и помешала ей стать до абсурдности легко решаемой. Я почувствовал необычный прилив уверенности в себе. Даже тяжелый, всегда недоверчивый взгляд капитана я мог встретить сейчас прямо и бестрепетно.

Затем я посмотрел на Джона Кларка. Его ободряющий кивок в ответ подсказал мне, что он выполнял свою часть работы с полнейшим успехом. Все было готово к началу многообещающего спектакля.

Мои слушатели успели к этому времени занять более-менее удобные места в разных концах кабинета. Мисс Браш в своем тигровом наряде расположилась в кресле у окна. Морено, на котором весьма элегантно сидел вечерний костюм из синей саржи, прислонился к стене. Миссис Фогарти печальным лиловым призраком расплылась на кожаном диване. Кларк и Грин заняли стоявшие рядом стулья, а двое других полицейских остались на ногах поблизости от них.

Первым подал голос капитан, который красноречиво посмотрел на часы и сказал:

– Не знаю сути вашей затеи, но что касается меня, то мы не станем продолжать расследования до тех пор, пока не даст показания мисс Пэттисон. Скоро прибудет доктор Эйсман, и девушку отправят вместе с ним в полицейский участок, если только... – теперь он хмуρο усмехнулся. – Если только мистер Дулут не сумеет действительно исчерпывающе все объяснить.

– Не стоит ожидать от меня исчерпывающего объяснения. – Я сам стоял рядом с письменным столом в окружении благожелательного ореола доктора Ленца, чувствуя себя в полной безопасности, как раскаявшийся грешник под сенью крыла посланника небес. – Осталось немало мелких технических деталей, которые мне еще не до конца ясны. Но вы – полицейский, и их

выяснение такая же ваша обязанность, как лечение душевнобольных людей является обязанностью доктора Ленца. Я всегда верил, что человек в большинстве случаев до конца остается верен своей профессии. Я – театральным режиссером, и мой подход к расследованию был отчасти продиктован именно этим. Я смотрел на события с профессиональной точки зрения. И, быть может, потому мне и удалось раскрыть истину, что она во многом близка к моей сфере деятельности.

– Так выкладывайте, не тяните, – бросил капитан, на которого мои слова пока не произвели никакого впечатления.

– Давайте разберем события по порядку, – продолжал я. – Для меня самого все началось с услышанного мною голоса. Когда он впервые донесся до меня, я все еще находился в достаточно возбужденном состоянии, а потому принял голос за проявление помутнения моего рассудка. Но затем я выяснил, что Геддес, Фенвик и Лариби тоже слышали нечто подобное, и мое мнение изменилось. Я посчитал, что в лечебнице кто-то балуется своего рода гипнозом. Но ведь невозможно с помощью гипноза заставить людей слышать воображаемые голоса, не правда ли, доктор Ленц?

– Верно. Это едва ли возможно. – Директор поднял взгляд, в котором вспыхнула подлинная увлеченность предметом разговора. – В какой-то момент, как вы помните, я сам находил объяснение всех событий в чисто психопатологической области. Но затем был вынужден изменить мнение. Потому что странные события приобрели почти массовый характер, чтобы иметь отношение к гипнозу, который всегда более или менее индивидуален.

– Вот именно! – Я повернулся к капитану и метнул в него исполненный уверенности взгляд. – Вы можете считать нас группой умалишенных, не придавая значения какому-то там голосу, слышали мы его или нет. Вам это пока представляется не имеющим прямого отношения к делу. Но голос был совершенно реальным. Его, кстати, слышали все, включая и вас, доктор Ленц, когда тот же голос подал нам сигнал ложной пожарной тревоги в кинотеатре. Не прояви я в тот момент полнейшей тупости, мог бы сразу догадаться, что стояло за этим.

За исключением Кларка и Ленца, никто пока не воспринимал мои слова хотя бы с долей желания понять, к чему я клоню. Сотрудники лечебницы смотрели на меня с той привычной и несколько напряженной тревогой, с которой обычно наблюдали проявления симптомов моего заболевания. Грин и его помощники на глазах теряли терпение.

– Наверное, самое время пояснить, при чем здесь упомянутый мной ранее шоу-бизнес, – продолжал я. – Потому что именно он подсказал мне идею, мимо которой прошли вы – далекие от мира развлечений люди. Понимаете, я начинал с постановки эстрадных представлений и бурлесков. Успел побывать в половине дешевых мюзик-холлов страны. Посетил десятки даже самых обычных ярмарочных балаганов. Вы спросите, зачем? Я вел неустанные поиски того, что принято называть столь расплывчатым словом «талант». И в большинстве подобных заведений я сталкивался с артистами, работавшими в совершенно особом жанре. Такие артисты не интересовали меня лично. Как правило, их труд плохо оплачивался по той простой причине, что они давно вышли из моды. Но, уверяю вас, такой исполнитель произвел бы подлинный фурор, если бы выступил в психиатрической больнице.

Неожиданный шелест платья миссис Фогарти заставил меня прерваться. Ночная медсестра подалась вперед, а ее сумрачное лицо вспыхнуло редким для него выражением неподдельного интереса.

– Кажется, я понимаю, о чем вы говорите, мистер Дулут. И это прекрасно объясняет тот телефонный звонок, когда я подумала, что услышала голос Джо...

– В самую точку! – снова заговорил я. – Миссис Фогарти уловила мою мысль. Я веду речь, конечно же, о тех, кто доставлял такое удовольствие нашим дедушкам и бабушкам. О чревовещателях!

– Чревовещателях? – эхом повторил Грин.

– Да. Чревовещатель – это человек, который в совершенстве владеет своим голосом. Я наблюдал за десятками из них, и некоторые были способны на поразительные трюки. Они не только умеют заставить собственный голос звучать, как кажется, из самых неожиданных мест. Им подвластна способность подражать голосам других: мужчин, женщин, детей, домашних животных – кого угодно, – я повернулся к Ленцу: – Это ваша книга или, вернее, ее название подсказало мне

разгадку. Знаю, звучит несколько нелепо, но уверен, что убийца, наводивший ужас на всех ваших пациентов, включая и меня, на самом деле всего лишь дешевый балаганный чародей-фокусник.

На лицах сотрудников лечебницы теперь читалась серьезная тревога за состояние моего рассудка. Все обратили взоры на Ленца, ожидая, поддержит он или отвергнет мое более чем странное объяснение.

И директор, приподнявшись в кресле, подал мне одобрительный знак.

– Я с вами полностью согласен, мистер Дулут. Я тоже додумался до этого, но вы проявили поразительную сообразительность, придя к тому же выводу, даже не ознакомившись с трактатом уважаемого мной профессора Траумвитца.

Грин с явным трудом пытался изменить свое прежнее, слегка презрительное отношение ко мне. Мне даже почудилось, что я вижу, как мои акции заметно поднимаются в его глазах.

– Теперь вы видите, насколько все на самом деле просто? – с энтузиазмом спросил я свою аудиторию. – Чревовещатель, попавший в такое заведение, как ваша лечебница, сумел повергнуть ее в полнейший хаос. Он исподволь подсказал мисс Пауэлл идею украсть нож, озвучив мысль ее собственным голосом. Он превратился в бестелесный голос, наводивший своими предостережениями страх на меня и Геддеса. Он стал брокером для Лариби, нашептывая на ухо слова о кризисе на бирже. Для Фенвика он разыграл роль призраков, общавшихся с ним из астрального поля и посылавших ему сообщения. А когда ему понадобилось создать неразбериху в кинозале, он мог пустить в ход всю мощь своего дарования, чтобы крик «Пожар!» звучал то ли как женский, то ли как ангельский, исходя неизвестно откуда.

– Вы можете указать какое-то конкретное лицо? – оборвал меня Грин в нетерпении.

– Полагаю, что да. Но дайте же мне немного насладиться театральным эффектом моей версии, и, быть может, перед вашим мысленным взором возникнет персонаж, которого вы сами узнаете. Давайте исходить для начала из того, что наш преступник – чревовещатель. Обладает он другими талантами? Как я считаю, обладает несомненно. В конце концов, мы стали свидетелями слишком многих фокусов, совершавшихся в лечебнице, не так ли? Секундомер сначала спрятали в спальне Лариби, а потом во время танцев подложили ему же в карман. Скальпель сунули в сумочку мисс Пэттисон, чтобы он затем исчез прямо у меня из-под носа. Все это требует изрядной ловкости рук. Между тем, как я упоминал, для чревовещателей наступили тяжелые времена, и многим приходится зарабатывать себе на жизнь, осваивая смежные специальности. И большинство из них переквалифицировались именно в фокусники.

– А вам не кажется, что вы изображаете своего мифического героя уж слишком одаренным человеком? – с холодком в голосе вставил вопрос Морено.

– Нисколько. Все это может представляться какими-то чрезвычайными способностями только людям непосвященным. На самом деле здесь не было проделано ничего такого, что обычный карманник или балаганный фокусник не сумел бы выполнить с завязанными глазами. Единственным по-настоящему сложным номером стал трюк со смиренной рубашкой, но, как обещал показать чуть позже доктор Ленц, даже он не настолько труден, как кажется на первый взгляд.

– Все верно, – очень серьезно подтвердил директор. – Я целиком и полностью вас поддерживаю, мистер Дулут. Но ведь его личность имеет и третью грань, не правда ли?

– Как раз собирался упомянуть об этом, – подхватил его мысль я. – Совершенно очевидно, что преступник очень профессионально использовал практически каждого пациента лечебницы с учетом индивидуальных особенностей их недугов. Он превосходно пустил себе на пользу kleptomанию мисс Пауэлл. Ему было достаточно много известно обо мне и Геддесе, чтобы знать о нашей боязни темноты. Он даже использовал невроз мисс Пэттисон и ее неприязнь к Лариби. Вот почему кажется логичным предположение, что этот человек хорошо подкован в вопросах медицины и психиатрии.

Ленц кивнул.

– И снова не могу не согласиться. Но думаю, что склонен оценивать его медицинские познания даже выше, чем вы.

– Это меня может лишь радовать. – Одобрение Ленца окончательно придало мне энергии и энтузиазма. – Так или иначе, перед нами вырисовывается портрет определенного человека, правда? Мы имеем дело с персонажем, который совмещает таланты эстрадного артиста с

медицинским образованием. А нам известен только один подобный персонаж, который мог быть причастен ко всей этой истории.

– Стало быть, вы настаиваете на версии, что убийца – зять Лариби? – поинтересовался Грин настороженно.

– Да. А что ей противоречит? Подобная версия выглядит наиболее логичной.

– Более чем логичной, – снова вставил реплику Ленц и улыбнулся. – Поразительно, насколько у нас с вами схожий склад ума, мистер Дулут!

– Разумеется, – продолжал я уже даже излишне самодовольно под влиянием столь мощной поддержки Ленца, – любой сравнительно молодой человек в этом заведении мог бы оказаться зятем Лариби. Сам старик никогда не видел мужа дочери. А его родственник не добился известности ни как артист, ни как медик, чтобы самому стать узнаваемой личностью. Он не рисковал, что кто-то может знать его в лицо. Идеальная ситуация!

– Значит, вы полагаете, что он приехал сюда из Калифорнии, чтобы убить старика ради его денег? – хмыкнул Грин.

– Да, примерно так. Лариби сам сказал мне, что по завещанию оставил большую часть своего состояния дочери. Но он сообщил также о другой условии завещания, составленного перед прибытием в лечебницу. Сильвия Дон и доктор Ленц получали полный контроль над его деньгами даже в том случае, если бы он был официально признан неизлечимо больным, окончательно умалишенным. Так что у зятя имелся мотив, о каком вы в полиции обычно можете только мечтать. Одно дело быть женатым на безвестной киноактрисе, и совсем другое – если твоя жена становится миллионершей.

– Но, мистер Дулут... – Ленц снова поспешил к месту вставить свое замечание. – Вы же не думаете, что зять приехал сюда с целью сразу же убить мистера Лариби, верно?

– Нет, конечно, – ответил я с жаром, хотя, если честно, такая мысль только что пришла мне в голову. – Поначалу он не собирался заходить в своих планах так далеко. Мне кажется, его первой целью стало стремление довести старика до полного безумия. Это было не столь опасно и почти так же прибыльно. А кроме того, ему всего-то и понадобилось бы пустить в ход только талант чревовещателя. Навязчивый голос неизвестного происхождения с легкостью мог заставить тестя полностью лишиться рассудка, но как орудие убийства он малопригоден.

Меня самого отчасти смущало внезапно плавное и стремительное течение моих рассуждений. Создавалось впечатление, что Ленц своими своевременными комментариями и дополнениями ввел меня в гипнотически вдохновенное состояние. Но важнее оказалось другое. Самое меньшее, что он помог сделать своим неожиданным вмешательством на моей стороне, это обеспечить теперь предельное внимание к моим словам полицейских.

– Начал он с того, – продолжал я, – что заставил бедную мисс Пауэлл украсть из хирургического кабинета секундомер. Затем напугал до чертиков меня и Геддеса своим голосом, пророчившим убийство. И его расчет вполне оправдался. Один из нас (увы, это был ваш покорный слуга) устроил по этому поводу громкий переполох, отвлек на себя внимание почти всего персонала лечебницы, дав преступнику возможность незаметно проникнуть в палату Лариби и подсунуть ему секундомер. Лариби принял его ход за звук биржевого тикера, и мнимая галлюцинация сказала на нем самым неблагоприятным образом.

– А что было потом, мистер Дулут?

– Затем он устроил продолжение представления, имитировав голос брокера, нашептывавшего дурные новости с биржи. Это было жестоко и чудовищно умно придумано. Как выразился бы уважаемый доктор Ленц, зять нанес меткий удар в ахиллесову пяту Лариби. И все шло по намеченной схеме, если бы зять не перестарался. Он подложил секундомер теперь уже в карман Лариби, а тот обнаружил уловку и понял, что кто-то намеренно пытается свести его с ума.

– Отлично изложено! – снова вставил реплику Ленц, продолжая смотреть на меня пристальным, но добрым взглядом. – Он действительно перестарался, совершив трюком больше, чем диктовала необходимость, как вы и сказали, мистер Дулут. Но даже при этом нам следует помнить, что полное выздоровление Лариби всегда находилось под большим вопросом. Почему же зятю не хватило выдержки дожидаться окончательного и выгодного для него вердикта медиков? Что заставило его изменить план и пойти на убийство?

– Потому что появились новые обстоятельства, – сказал я. Слова по-прежнему лились легко и свободно, но меня не оставляло чувство, что заряд эмоций для красноречия исходит от доктора Ленца. Я повернулся к дневной медсестре, которая склонилась вперед, скрестив руки на задрапированной в тигровые тона груди. – И здесь на сцену выходит мисс Браш. Зять, по всей вероятности, обнаружил, что Лариби чрезмерно увлекся ею. Более того, он несколько раз делал мисс Браш предложения руки и сердца. А новая женитьба означала полный крах всех надежд. Появление молодой жены и мачехи непременно повлекло бы за собой изменение условий завещания. Особенно если учесть не слишком гладкие отношения между Лариби и его дочерью. Оставался единственный выход – устранить угрозу в лице мисс Браш. А потому наш изобретательный друг поработал с Фенвиком, чтобы тот огласил спиритическое предостережение против нее, а сам начал подсовывать в книги Лариби исполненные ядовитого содержания записки. Он рассчитывал таким образом достичь одного из двух возможных результатов: либо отпугнуть старика от мисс Браш, либо добиться ее перевода в женское отделение, где почти все контакты между ними оборвались бы.

– И он чуть не достиг желаемого! – воскликнула мисс Браш с импульсивным возмущением. – А все из-за совершенно абсурдных...

– Предложения Лариби могли казаться абсурдными вам самой, – прервал ее я, – но зять воспринял их более чем серьезно. Как бы то ни было, но именно неудачная попытка избавиться от вас заставила его начать планировать убийство.

Капитан Грин посмотрел на часы. Я сделал то же самое. Стрелки показывали без четверти десять.

– Не беспокойтесь, капитан, – поспешил сказать я. – Бог свидетель, я так же, как вы, хочу, чтобы все закончилось до десяти часов. И как раз перехожу к роли мисс Пэттисон в нашей истории. Поняв, что без убийства не обойтись, зять Лариби должен был тщательно все продумать. И он разработал весьма тонкую схему. Он узнал о недобрых чувствах, которые мисс Пэттисон питала к Лариби. И потому пустил в ход чревоуверение, подбивая ее на расправу с ним, а закончил тем, что подложил в ее сумочку нож. Идея состояла в том, чтобы довести мисс Пэттисон до совершенно невменяемого состояния, и когда убийство будет им действительно совершено, а нож подброшен несчастной девушке, она сама уже не сможет понять, не могла ли совершить убийство в какой-то момент помутнения рассудка. Она становилась идеальной подозреваемой при любом исходе дела, а сам убийца мог бы под шумок скрыться из лечебницы, не вызывая ни у кого никаких вопросов.

– Все логично, – кивнул Грин. – Но как сюда оказался замешан Фогарти?

– Самым простым образом. Нашему преступнику не всегда сопутствовала сплошная удача. И вполне вероятно, что Фогарти что-то обнаружил. Я не знаю в точности, что именно, но могу высказать правдоподобное предположение. При том, как Фогарти нравился шоу-бизнес самого невысокого пошиба, он мог видеть зятя на подмостках, а затем узнать его при появлении в лечебнице. Понятно, что с ним пришлось разделаться.

На мгновение я уловил выражение лица миссис Фогарти и потому почти без паузы продолжил:

– И он расправился с Фогарти без проблем, но мы все знаем, как легко порой Провидение нарушает наши самые продуманные планы. Избавившись от одной угрозы, зятек обнаружил, что тем самым создал для себя две новые: меня и Геддеса. Я совершенно случайно, еще не совсем оправившись от абстинентного синдрома, первым обнаружил труп Фогарти. А затем меня заинтересовала мисс Пэттисон, причем до такой степени, что я мог помешать сделать из нее главную подозреваемую. Меня тоже следовало нейтрализовать, но, к моему счастью, я не показался преступнику достаточно опасным, чтобы стать жертвой еще одного убийства, – я снова посмотрел на нескладную, но полную напряжения фигуру миссис Фогарти. – Убийце показалось достаточным нагнать на меня страху совершенно необычным телефонным звонком. вполне вероятно, он рассчитывал, что после этого и я, и Геддес срочно покинем лечебницу, перестав ему препятствовать.

– А при чем здесь Геддес? – недоуменно спросил Грин.

Я не смог избежать легкого укола от чувства вины.

– Должен признать, что мы с Геддесом скрыли от вас некоторую важную информацию. Вероятно, нас можно обвинить в воспрепятствовании свершению правосудия или чем-то в этом роде, но нам показалось, что другого выхода у нас нет. Видите ли, Геддес представлял для преступника значительно более серьезную угрозу, чем я сам.

В нескольких словах мне удалось описать ситуацию, которая привела к жестокому нападению на англичанина, упомянув об обнаруженном нами испачканном кровью носовом платке.

При этом мои слушатели впервые выразили свое удивление вслух. Легкий шепот комментариев облетел комнату. Я же не преминул заметить, как в глазах Грина снова появился холодный блеск ретивого полицейского чиновника.

– То есть вы не нашли другого выхода, кроме как скрыть от нас сведения еще об одном покушении на убийство, так, что ли? – гневно возопил он, когда я прервался. – А не слишком ли много вы утаили? Все эти голоса, предостережения и другие сумасшедшие штучки – мне никто не сообщал об этом. Почему?

– Думаю, вы сами только что ответили на свой же вопрос, – спокойно заметил доктор Ленц. – Вы назвали подобную информацию сумасшедшими штучками, а это и есть именно та причина, из-за которой вас в нее не посвятили. Вам не следует забывать, что вы находитесь в психиатрической клинике, где мы почти каждый день сталкиваемся с инцидентами, которые не менее странны, чем случай, который вам только что во всей ясности описал мистер Дулут. Здесь работают профессиональные психиатры. А вот мистер Дулут в наших вопросах – полнейший дилетант. Столь драматичные события, произошедшие здесь, породили у него естественные и совершенно справедливые подозрения, тогда как мы, привычные к аномалиям люди, были склонны искать объяснения всему в бихевиористической симптоматике заболеваний отдельных пациентов.

Капитан Грин откровенно капитулировал, подавленный обилием не до конца понятных ему слов.

– Ладно, ладно, – сказал он даже с некоторой обидой в голосе. – Но кто же, черт побери, этот самый зять Лариби? И есть ли у мистера Дулута реальные улики против него?

– Думаю, мне известна личность этого человека, – сказал я скромно. – А с уликами тоже все в порядке.

Мне снова пришлось пережить изрядную неловкость, признаваясь в утаивании информации от органов правосудия, а потому я без излишней теперь рисовки рассказал об эпизоде с ночным изменением завещания Лариби и о кульминации событий – похищении документа из «музыкального местечка».

– Можно понять отчаянное стремление преступника завладеть завещанием, – завершил рассказ я. – Разумеется, это всего лишь клочок бумаги, заверенный как свидетелями пациентами дурдома. Но все же существовала вероятность, что даже в таком виде завещание признают вступившим в законную силу. А в таком случае все состояние Лариби досталось бы мисс Браш. Безукоризненно продуманный и осуществленный план полетел бы к дьяволу!

– И вам известно, кто взял завещание? – нетерпеливо спросил капитан.

– Да. Кстати, Кларк с тех пор вел за ним слежку. У него не было ни малейшего шанса избавиться от документа.

Капитан не слишком добрым взглядом окинул молодого сыщика, а потом снова обратился ко мне:

– Есть еще какие-то доказательства?

Кларк поднялся с места.

– Я установил принадлежность окровавленного носового платка человеку, который завладел завещанием, – спокойно доложил он.

– В самом деле? – пробурчал капитан. – Ну, так кто же это?

– Минуточку, капитан, – снова вмешался я. – Давайте прежде еще раз перечислим всю известную нам информацию. Кроме того, что наш преступник выступал как эстрадный артист, он обладает медицинскими познаниями, причем явно прибыл из Калифорнии, где в свое время встретился и женился на актрисе, чей псевдоним Сильвия Дон, то есть на дочери Лариби. Он должен быть еще достаточно молод и не мог проработать в лечебнице долго. Все эти черты соединены в персоне, забравшей завещание из тайника. Вскоре должна прибыть телеграмма от Принса Уорберга с описанием внешности, что и станет венцом дела.

Наступила напряженная, наполненная ожиданием тишина. Никому спокойно не сиделось на месте; люди ерзали в креслах, взгляды встречались и расходились. Мы прошли долгий и нелегкий путь, но теперь он привел нас вплотную к финалу.

Джон Кларк пересек комнату и встал рядом с заместителем доктора Ленца. Он протянул руку и произнес слова, которые прозвучали с остротой скальпеля:

– Вам лучше отдать документ мне, доктор Морено.

XXVII

Морено даже не вздрогнул. Его смуглое лицо оставалось совершенно бесстрастным. Ничто не выдавало его чувств, кроме едва заметного блеска в глазах.

Все, кто находился в комнате, теперь устремили на него взоры, исполненные изумления и страха. Даже я почувствовал некоторую нервозность. Как бы ни были тверды твои убеждения, называть человека убийцей никому не доставляет удовольствия.

Только доктор Ленц сохранял полнейшее самообладание. Он внимательно наблюдал, как Кларк придвинулся еще ближе к молодому психиатру.

– Я сказал, что вам лучше будет отдать документ мне, доктор Морено.

Брови Морено удивленно взлетели вверх.

– Как прикажете вас понимать?

– Думаю, вы найдете его во внутреннем кармане пиджака, – уже спокойнее сказал Кларк. – Разумеется, если вы хотите, чтобы вам помогли, то я...

С преувеличенно недоуменным пожатием плеч Морено полез в карман и извлек целую пачку бумаг. Просмотрев их, он выбрал одну.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но я не знаю, откуда у меня взялся этот документ, – сказал он, небрежно подавая листок Кларку. – Хотя, похоже, именно его вы ищете.

Детектив просмотрел листок, а потом молча протянул его Грину. Затем достал пухлый конверт и извлек оттуда два носовых платка.

– Вот этим платком воспользовались как кляпом для мистер Геддеса, – объяснил он. – А второй я нашел среди личных вещей мистера Морено. Они совершенно очевидно идентичны.

Капитан тщательно осмотрел платки, а потом прочитал документ.

– Стало быть, все деньги достанутся мисс Браш, – ухмыльнулся он. – Не думаю, что это завещание хоть чего-то стоит, но могу понять, почему зять мистера Лариби так стремился завладеть им. – Его тяжелый взгляд остановился на Морено. – Вам есть что сказать в свое оправдание?

Но молодой психиатр лишь помотал головой.

– Все и так настолько очевидно, что и ребенок поймет. Едва ли мне стоит оправдываться. Это совершенно ни к чему.

– И тем не менее, – мрачно сказал Грин, – почему бы вам не объяснить прямо и немедленно?

– Что ж, очень хорошо. – Морено метнул в меня холодно равнодушный взгляд. – Мистер Дулут официально является моим пациентом, а согласно правилам, принятым в данном заведении, пациента всегда следует считать правым. Но поскольку мистер Дулут, увлекшись своими театральными фантазиями, сам поставил себя вне категории пациентов, то, как мне кажется, я вполне могу откровенно сказать ему, что думаю о его обвинениях в свой адрес.

– Буду рад вас выслушать, – отозвался я.

– Начнем с того, мистер Дулут, что ваши так называемые улики выглядят тривиальными и неубедительными. Вы сами в своем воображении поселили в нашей лечебнице уникального убийцу, который способен на все – от чревоуверования до мастерства первоклассного карманного вора. В таком случае этому персонажу не составило бы труда подсунуть завещание в мой карман, как и завладеть для своих целей моими носовыми платками. – Он улыбнулся мне, но теперь уже немного зловеще. – Сам по себе факт, что завещание до сих пор находилось у меня,

свидетельствует о том, что я вовсе не тот ловкий фокусник, каким вы меня изобразили. Иначе к этому времени вы бы уже нашли документ спрятанным в бороде доктора Ленца или в одном из карманов мундира капитана Грина.

Я внезапно ощутил, как прежняя уверенность начинает покидать меня.

– Что касается самого завещания, – продолжал Морено, – то сам капитан Грин только что признал его недействительным. В таком случае как-то трудно поверить, что ваш столь умный преступник подвергал себя огромному риску, извлекая бессмысленную бумагу из того, что вы окрестили странным названием «музыкальное местечко». Лично мне ничто подобное никогда бы и в голову не пришло. Особенно после того, как вы поделились со мной откровенной выдумкой о мисс Пауэлл и о завещании. Если позволите выступить в амплу театрального критика, то эту сцену вы сыграли очень и очень неправдоподобно.

– Вам, конечно, легко отрицать, что именно вы взяли завещание, – уже раздраженно сказал я. – Но остаются другие факты. Вы работаете здесь недавно. Прибыли из Калифорнии. Вы профессиональный медик, но когда-то пробовали себя как актер. Не слишком ли много совпадений, как вам кажется?

– Очень много, мистер Дулут. – К моему изумлению, на меня смотрела мисс Браш с одной из своих ослепительных улыбок на лице. Голос ее звучал негромко и мягко. – Мне кажется, вы сумели выдвинуть совершенно потрясающую версию. Bravo! И доктор Морено подходит на роль преступника идеально. Как вы и перечислили, он прибыл из Калифорнии, молод, прекрасный психиатр, а в свое время был подававшим надежды актером. Но, к сожалению, он не удовлетворяет самому важному параметру, мистер Дулут. Он не зять мистера Лариби.

Я лишь тупо уставился на нее. А Грин пролаял:

– Откуда вам это может быть известно?

– Боюсь, что не смогу блеснуть дедукцией, – весело ответила мисс Браш. – И дело здесь даже, представьте, не в особо развитой женской интуиции. Но я знаю, что доктор Морено не приходится зятем мистеру Лариби по очень простой причине. Понимаете, Морено – мой муж.

Уверенность в себе, прежде покидавшая меня постепенно, теперь улетучилась окончательно. Я густо покраснел, чувствуя себя таким дураком, каким не чувствовал никогда прежде.

– Разумеется, – продолжала дневная медсестра, снова пуская в ход свою обезоруживающую улыбку, – мы поженились всего два месяца назад. Мне ненавистна мысль, что доктор Морено может оказаться двоежцем, но с этими испанцами никогда не знаешь всего наверняка, верно?

Неловкое молчание, воцарившееся после ее слов, продолжалось очень недолго. Его нарушил сдавленный смех. Я посмотрел на Джона Кларка, который сморкался в один из носовых платков с такой притворной силой, с какой обычно прячут приступ неудержимого хохота. Потом он резко оборвал смех, прозвучавший ясно и безошибочно. Бросив полный извинений взгляд на капитана Грина, Кларк поднялся и поспешно вышел из комнаты.

К моему чувству неловкости прибавилось ощущение полной беспомощности. Меня покинул мой единственный союзник.

– Кажется, я сумела развеселить его, – умиленно сказала мисс Браш.

Последовала еще одна краткая пауза, а затем капитан Грин резко повернулся к доктору Ленцу.

– Эта леди говорит правду? – спросил он.

Глаза директора лукаво сверкнули.

– Да. И мне это известно доподлинно. Я лично присутствовал на свадьбе, и мне даже оказали честь, попросив подвести невесту к алтарю.

– Но почему... Почему же она продолжает использовать имя мисс Браш?

– Она поступает так по моему предложению. Это чисто психологический прием. Личность мисс Браш оказывает прекрасное терапевтическое воздействие на многих пациентов. И мы пришли к единому мнению, что ее эффективность в данном качестве значительно снизится, если ее начнут воспринимать как замужнюю женщину. – Директор окинул дневную медсестру благосклонным взглядом. – Любой мужчина при виде мисс Браш может забыть, что уже женат, и впасть в грех бигамии. Но не думаю, что это применимо к доктору Морено. Мы изучили его личное дело. Он не только получил высшие баллы на выпускных экзаменах, но и был отмечен как личность во всех отношениях достойная и высокоморальная.

К этому моменту я понял, что ощущал Наполеон после Ватерлоо. Но мозги капитана работали значительно проще. Если у него появлялось подозрение, он никак не мог с легкостью отказаться от него. Он снова взял в руки завещание и перечитал условия.

– Хорошо, допустим, Морено не является зятем Лариби, – сказал он. – Но по условиям этого документа более миллиона долларов причитается в пользу мисс Браш. И возникает вопрос: будучи ее мужем, не имел ли он все же очевидного мотива для устранения Лариби?

– Мне понятна ваша профессиональная увлеченность поиском подозреваемых и мотивов для совершения преступлений, – вмешалась мисс Браш со сладостью в голосе, которая любому внушила бы опасения. – Тогда почему бы не рассмотреть и мою кандидатуру, капитан? У меня самой имелся даже более основательный мотив, чем у моего супруга.

– Сейчас не время для шуток, – огрызнулся капитан.

– Мне тоже так казалось, – как ни в чем не бывало продолжала медсестра, – но не я первая начала говорить здесь забавные вещи. Вы должны признать, что действительно смешно воспринимать всерьез это безумное завещание. Скажу вам больше: если бы я убивала всех пациентов, готовых завещать мне свое состояние, на моем счету уже числилась бы дюжина жертв. И месяца не прошло, как один крупный банкир посулил отписать мне в собственность Эмпайр-стейт-билдинг. А в декабре мне обещали выписать чек на сумму, равную примерно годовому бюджету всей страны. – Ее голос неожиданно приобрел строгие и официальные нотки. – Неужели вы не понимаете, что только попусту тратите время с этим нелепым завещанием?

Она поднялась, походкой добродушной, но очень сильной тигрицы пересекла кабинет. И прежде чем Грин успел хоть что-то сделать, забрала листок из его рук и порвала в мелкие клочки. Подброшенные в воздух клочки бумаги хлопьями искусственного снега упали на ковер.

– Вот как я отношусь к этому завещанию, – заявила мисс Браш с очередной улыбкой. – Пусть даже это вещественное доказательство. Хотя какое там...

Несколько секунд Грин смотрел на нее, как громом пораженный. А потом шея у него начала покрываться красными пятнами.

– Все, с меня довольно этих ваших обезьяньих проделок! – воскликнул он свирепо. – Мы не в цирке, и если кто-то еще позволит себе клоунаду, я немедленно отдам приказ об аресте! – Он повернулся к директору: – Мне нужны реальные доказательства, Ленц. Вы верите или нет в виновность доктора Морено?

– Честно говоря, не верю, – директор бросил на меня сочувственный взгляд. – Я по-прежнему считаю, что мистер Дулут выступил с блестящей теорией, объясняющей мотивы преступлений. И должен отметить, что он прав практически по всем статьям. Как мне кажется, он совершил только одну, но существенную ошибку, когда заподозрил именно Морено.

Это были первые слова поддержки, которые я услышал после того, как потерпел такой невероятный крах. И я был благодарен за них, хотя моя подавленность никуда не делась.

– Нет, – продолжал Ленц, – я и мысли не допускаю, что Морено виновен. Вполне естественно, что мистер Дулут уделил повышенное внимание театральной стороне дела. Я же, разумеется, не могу обойти вниманием медицинскую. Мне, к примеру, абсолютно ясно, что нужный нам человек не слишком силен в психиатрии, а доктор Морено – психиатр милостью божией. Ни один подлинный специалист не совершил бы большинства поступков, которые приписал преступнику мистер Дулут. К примеру, доктор Морено слишком хороший профессионал, чтобы не понимать, чем могла быть чревата попытка психологического воздействия в таком ключе на мисс Пэттисон.

– Весьма признателен за столь лестную оценку, – сказал Морено, черты лица которого уже почти полностью расслабились. – Приятно, что от бреда мы перешли к интеллигентному обсуждению проблемы.

Но директор не сводил взгляда с меня и смотрел мне в глаза с несколько виноватым выражением.

– Должен добавить, что в своей версии мистер Дулут совершенно упустил из виду еще один крайне важный факт. Мистер Лариби находился на прогулке, когда якобы услышал голос своего биржевого агента. А нашим распорядком не предусмотрено, чтобы врачи сопровождали пациентов во время прогулок. Поэтому при данном инциденте присутствие доктора Морено полностью исключалось.

Ленц обнаружил столь вопиющий изъян в моей теории, направленной против Морено, что буквально не оставил от нее камня на камне.

Между тем директор совершенно невозмутимо продолжал:

– Но вам предстоит пронаблюдать за моим трюком со смирительной рубашкой, капитан. Думаю, после этого дело для вас еще немного прояснится.

Он поднялся, вышел в смежную смотровую комнату, но очень скоро вернулся.

– Посреди всей этой суеты мы начисто забыли о нашем пациенте, – сказал он. – Мистер Геддес оправился от приступа. Он сейчас присоединится к нам, и мне ничто не помешает пояснить, как все произошло в случае со смирительной рубашкой.

– К дьяволу вашу смирительную рубашку и все трюки с ней! – завопил Грин, чье терпение полностью иссякло. – Мне наплевать, кто и зачем влез в эту рубашку. Я хочу лишь знать: если вы не верите в виновность Морено, то кого вы подозреваете?

– В таком случае хочу напомнить, – невозмутимо ответил директор, – что еще до того, как мистер Дулут начал излагать свою версию, я отправил Уоррена вниз, чтобы держать в поле зрения одного из пациентов лечебницы. Мои собственные рассуждения во многом совпали с дедуктивными выводами мистера Дулута. Я тоже догадывался, что убийца – зять мистера Лариби, но только подозревал не Морено, а другую персону. Вероятно, если бы у мистера Дулута было больше досуга для раздумий, он бы пришел к аналогичному выводу. Как и доктор Морено, этот человек молод. Он прибыл из Калифорнии. Насколько я понимаю, он владеет определенными медицинскими познаниями. А в его актерских способностях у вас будет возможность убедиться самим.

Окруженный сразу наступившей изумленной тишиной доктор Ленц склонился над рабочим столом и приложил палец к кнопке звонка.

– Если помните, я дал Уоррену распоряжение привести этого человека сюда по моему сигналу, – на всякий случай объяснил он.

Директор выстроил финальную кульминационную сцену гораздо более эффектно, чем я. Его звучный голос породил у присутствующих исполненное драматизма напряжение. Мы невольно вздрогнули, когда почти сразу после звонка открылась дверь и в кабинет из коридора совершенно неожиданно вошел Геддес в сопровождении Кларка.

– О, мистер Геддес! Надеюсь, вам уже лучше! – воскликнул Ленц. – Вы с Кларком появились как раз вовремя, чтобы я мог наконец устроить обещанную демонстрацию со смирительной рубашкой. Я как раз рассказал всем о той изумительной версии, которую вы выстроили вместе с мистером Дулутом. Единственное, в чем я не согласен, – вы ошиблись, определяя, кто именно является зятем покойного Лариби.

– Что ж, вполне возможно, – ответил англичанин со все еще сонной улыбкой. – Мы оба оказались слишком глубоко вовлечены в это дело.

Когда двое вновь прибывших встали рядом, прислонившись к стене, директор снова обратился к капитану Грину.

– Ваш подчиненный – весьма сообразительный молодой полицейский, – сказал он как бы мимоходом. – Лично я посоветовал бы вам подумать о повышении для мистера Кларка. Именно он подсказал мне ключ к решению задачи.

– Каким же образом? – поинтересовался капитан.

– Чуть ранее сегодня, когда мы собрались здесь, он спросил меня, может ли здоровый человек симулировать безумие достаточно убедительно, чтобы обмануть врачей. Я ответил, что такое вполне возможно, но затем, поразмыслив над его вопросом, осознал, что есть нечто другое, на что не способен никто. Достаточно просто имитировать симптомы душевного недуга, но как бы ни был сведущ человек в медицине, практически невозможно убедительно изобразить ложную реакцию на лечение, особенно если ты не знаешь, в чем суть лечения заключается. А мой кандидат в родственники Лариби являет собой именно такой пример. С самого своего появления здесь его реакция на терапию неизменно поражала нас, сотрудников лечебницы.

И пока его слушатели тихо обменивались мнениями, директор поднялся во весь свой могучий рост.

– А сейчас все готово для демонстрации, – объявил он. – Напомню еще раз суть. Я утверждаю, что любой из нас может легко освободиться от пут смирительной рубашки. Так убедитесь же!

Он снова подошел к двери смотровой комнаты и распахнул ее. Его жест был настолько впечатляющим, что я совершенно забыл, насколько само по себе появление Геддеса в кабинете из коридора служило подтверждением его слов. Никаких других демонстраций не требовалось.

Остальные тоже реагировали подобным образом. Мы все столпились за спиной доктора Ленца и с большим вниманием смотрели, куда указывала его длань.

Смотровая комната оказалась, конечно же, пуста. На кушетке серой и бесформенной тряпкой валялась смирительная рубашка.

– Как вы можете заметить, – доктор Ленц постучал по стене с видом довольного собой волшебника, – в этой комнате нет другого выхода, нет никаких потайных ходов. Разумеется, окно оставалось открытым, и кто-нибудь мог бы проникнуть сюда, чтобы помочь мистеру Геддесу освободиться. Однако подняться по этой водосточной трубе весьма затруднительно.

– И очень сложно спуститься, – пробормотал Геддес с улыбкой. – Посмотрите, что стало с моим костюмом.

Грин резко повернулся к нему:

– Значит, вам действительно удалось выбраться из этой штуки?

Англичанин кивнул:

– Да. Я понял объяснения доктора Ленца.

Мы все еще в полном изумлении вернулись на свои места в кабинете. Почти сразу дверь из коридора открылась во второй раз, и Уоррен вошел, ведя за собой доктора Стивенса.

Ночной санитар был не похож сам на себя. Рваную рану над губой уже обильно смазали йодом. Одна щека сильно распухла, глаз затек и едва виднелся под покрасневшей бровью. Прическа пришла в полнейший беспорядок – несколько прядей прилипло к вспотевшему лбу.

Пока мы непонимающе изучали его сильно помятую внешность, Уоррен порылся в кармане и достал телеграмму.

– Поступила на имя мистера Дулута, – пояснил он.

Я с нетерпением вскрыл ее и увидел внизу листа подпись Принса Уорберга. Прочитав послание своего приятеля продюсера, я снова покраснел до корней волос. Только сейчас до меня дошло, как же глупо я ошибался. Утешаться можно было только правильным общим ходом моих рассуждений. Но вот применил я свою дедукцию в отношении совершенно не того человека.

– Он дрался как дикая кошка, – жаловался между тем Уоррен директору. – Мне с трудом удавалось удерживать его, а он пускал в ход самые грязные приемы. Вот почему я в таком жутком виде, – потом он перевел взгляд на Кларка с угрюмым выражением благодарности. – Если бы на помощь не подоспел Кларк, он мог, вероятно, даже сбежать.

Молодой сыщик выглядел немного смущенным похвалой. Мы же, пока ничего не понимая, смотрели то на него, то на Уоррена, то на пухлую фигуру доктора Стивенса. Капитан Грин пребывал в полнейшей растерянности, что его откровенно выводило из себя.

– Кто-нибудь может объяснить мне, что все это значит? – почти жалобно спросил он.

Ленц величаво повернулся к нему:

– Я же сказал, что ваш офицер – превосходный детектив, капитан. Думаю, мистер Кларк заслуживает высочайшего поощрения за свои заслуги. Когда им овладел столь неожиданный приступ неудержимого веселья, я не сразу понял, что ему попросту понадобился предлог покинуть комнату. Он первым понял суть моей версии, и ему хватило сообразительности броситься на помощь Уоррену. Признаюсь, мало кто показывал мне прежде такую быстроту работы ума.

Бородатое лицо сияло от удовольствия, когда он с церемонным достоинством отдал поклон в сторону Кларка.

– Меня интересует, что такое оттопыривает ваш карман, мистер Кларк? Полагаю, это револьвер? – спросил он затем совершенно невозмутимо. – По всей вероятности, он заряжен и нацелен на мистера Геддеса?

– Так точно, сэ. Постоянно держу его на мушке.

Если доктор Ленц хотел поразить собравшихся, то это ему с блеском удалось. Теперь все в его кабинете не сводили глаз с двоих персонажей, стоявших у стены, – с чуть покрасневшегося молодого полицейского, державшего руку в оттопыренном кармане брюк, и с поникшей фигуры англичанина.

– Превосходная работа, Кларк, – голос доктора по-прежнему звучал восхищенно. – Но все же, думаю, на всякий случай наручники тоже не помешают.

Затем он снова обратился к Грину, сделав очередной эффектный, хотя и чуть покаянный жест.

– Теперь вы поняли, капитан, в чем разошлись наши с мистером Дулутом точки зрения? Дело в том, что именно мистер Геддес приходился зятем несчастному мистеру Лариби.

XXVIII

Капитан, казалось, лишился дара речи, но по кивку Кларка один из его помощников пришел на выручку, вмешался в ситуацию, сделал шаг вперед и защелкнул наручники на запястьях англичанина.

Геддес при этом даже не шелохнулся. Его лицо оставалось таким же бесстрастным, как и у Морено, когда сам доктор оказался обвиненным в преступлениях.

– Мелодрама в одном акте, созданная удачливым шарлатаном, – пробормотал он.

Доктор Ленц посмотрел на него, потом на его скованные руки и чуть слышно вздохнул.

– Мистер Геддес совершенно прав. Боюсь, я действительно прибег к шарлатанству, устроив свой эксперимент, но... Если и дальше пользоваться театральным языком, я не видел, какой еще сценой завершить спектакль, чтобы дать финальный занавес. Разумеется, я намеренно ввел вас в заблуждение. В этом ученом трактате под названием «Колдовство и медицина» вовсе не содержится описания ловкого приема, с помощью которого любой может освободиться от смирительной рубашки. Напротив... – Он снова почти извинялся перед всеми нами. – Напротив, там особо подчеркнуто, что это никому не под силу, и только ловкий, как «человек-змея», фокусник, каким является мистер Геддес, мог бы преуспеть в этом.

– Но каким же образом... – перебил его Грин.

– Вижу, что многие из вас до сих пор сбиты по моей вине с толку и нуждаются в более подробных объяснениях, – продолжал Ленц. – Я понадеялся, что мне удастся убедить мистера Геддеса, от природы наделенного способностью чудесным образом владеть своим телом, помочь нам с наглядной демонстрацией. И он оказал мне такую любезность. Причем у него были на то свои причины. Я уже подозревал его, когда они с мистером Дулутом пришли ко мне этим вечером. И мне показалось, что он охотно воспользуется любой возможностью сбежать. Вот я и предложил эксперимент со смирительной рубашкой, надеясь, что он вызовется стать добровольным подопытным, а потом попытается совершить побег через окно. И он с радостью принял мое предложение. Он признал свою вину не только потому, что предпринял попытку к бегству, но и просто показав свою способность это сделать. Я же успел написать Уоррену подробные указания держать его под наблюдением, расположившись стражем под окном.

– Но как же с ним оказалось трудно совладать, когда он спустился по водосточной трубе! – мрачно воскликнул санитар. – «Человек-змея», говорите? По мне, так он скользкий, как угорь!

– Но лично мне до сих пор не совсем понятно, почему вы вообще заподозрили Геддеса, доктор Ленц, – вставил ремарку Кларк.

– Просто потому, что он не показывал никаких признаков реакции на медикаменты, с помощью которых его лечили. Доктор Стивенс и доктор Морено написали диссертации по лечению нарколепсии, и их крайне тревожил тот факт, что мистер Геддес оказался до сих пор единственным пациентом, которому не удалось помочь их патентованным средством – серноокислым бензедрином. И потому он по-прежнему мог симулировать приступы, как только это становилось ему необходимо.

– Но эти его припадочки выглядели такими натуральными! – все еще недоверчиво воскликнул капитан Грин.

– Очень убедительная пантомима, дорогой капитан, которой вас обучит любой факир. – Ленц снова взял со стола том «Колдовства и медицины». – Самое полезное, что я почерпнул из ценнейшей книги немецкого профессора, это рассказ о том, как индийские факиры умеют доводить свои мышцы до состояния такой твердости, что это даже можно принять за трупное

окоченение. В любой момент по своему желанию они погружаются в то, что со стороны выглядит как глубокий сон. То есть любой из них легко и убедительно сумел бы симулировать все симптомы нарколепсии и каталепсии. К тому же, как всем известно, индийские факиры одновременно являются ловкими фокусниками и иллюзионистами. Мистер Геддес родом из Индии. И он явно прилежно усвоил все трюки индийских факиров, включая чревовещание.

Впервые с тех пор, как директор начал свой монолог, Геддес проявил хоть какой-то интерес к нему. Он презрительно улыбнулся и обратил пронзительный взгляд на меня.

– Разумеется, это правда, что я родился в Индии, Дулут, – сказал он, – но все остальное звучит как невыносимая чепуха. Разве вы не можете объяснить им, как все обстояло на самом деле?

Я все еще держал в руке телеграмму от Принса Уорберга. И потому, когда я встретился глазами с англичанином, во мне начал вскипать неподдельный гнев.

– Да, – медленно ответил я, – мне не составит труда объяснить, как все происходило на самом деле, вот только чертовски неприятно признавать перед всеми, в роли какого дурака выступил я сам. Я мог бы, например, с самого начала сообразить, что поскольку ваша палата располагалась рядом с моей, именно у вас одного была возможность напугать меня, подражая моему же голосу, в ту ночь. Мог бы догадаться, что все мнимые предостережения, которые вы якобы получали, должны были послужить оправданием для вашего срочного отъезда, как только он стал бы вам необходим. И, уж конечно, я должен был почувствовать неладное, когда проводил свой психологический эксперимент. Ведь вы единственный отреагировали на фразу «Вещь на мраморном столе» так, как должен был отреагировать убийца.

Грин пытался что-то сказать, но я продолжал, не дав себя прервать.

– К сожалению, только сейчас я понял, почему вам понадобилось устранить Фогарти. Он бывал в Англии и сам мне сказал, что ваше лицо показалось ему знакомым. А потом наверняка внезапно вспомнил, где видел вас на самом деле. Во время вашего выступления под видом Махатмы, «Чуда Востока» или какой там еще псевдоним вы могли для себя избрать в роли индийского факира на подмостках английской столицы. Думаю, он пришел в восторг, когда столь великий чародей предложил обучить его фокусу со смиренной рубашкой.

Геддес не сводил взгляда со своих скованных наручниками кистей.

– А почему вы не хотите рассказать полиции, Дулут, как я сам подвергся нападению не далее как сегодня?

– Я уже обо всем рассказал, – ответил я мрачно. – Но тогда я сам не понимал, насколько просто было для вас – опытного фокусника – связать самого себя бинтами. Вы с большой охотой оказали мне содействие с наблюдением за музыкальным тайником, но теперь ясно, почему вы это сделали. Вам представился отличный шанс отвлечь внимание от себя, поскольку вы уже знали, что началась охота на зятя Лариби. Только действовать стало необходимо более оперативно, чтобы как можно скорее унести отсюда ноги. Наша с вами глупейшая схема дала вам возможность подсунуть завещание Морено, когда он в очередной раз повел вас в хирургический кабинет, чтобы дать порцию лекарства. Вам самую малость не хватило удачи. Потому что доктор Ленц не оказался таким глупцом, как я сам.

Англичанин только пожал плечами. Даже сейчас он не проявлял признаков особой тревоги. Британское самообладание, столь восхищавшее меня прежде, оставалось непоколебимым, несмотря на наручники и стоявших рядом полицейских. При взгляде на него моя злость дошла до точки кипения. Я уже с трудом контролировал себя.

– Стало быть, мы были друзьями не разлей вода! – воскликнул я. – И как же это выглядело чертовски мило! Но вот беда, я – человек сентиментальный и, представьте, терпеть не могу, когда друзья меня предают. Для публики вы могли быть Махатмой или «Чудом Востока», а для меня теперь – не более чем мерзавец и подонок. Ниже опуститься просто некуда. Тот грязный прием, который вы применили против мисс Пэттисон, – самая большая подлость, с какой мне только приходилось сталкиваться в жизни.

Меня трудно было остановить, но капитану это все же наконец удалось.

– О чем говорится в полученной вами телеграмме? – вернул он меня к реальности своим вопросом. – Очень любопытно узнать.

– Ах да, телеграмма, – спохватился я. – Чуть не забыл об этой окончательно изобличающей преступника улике. Послушайте, что здесь написано.

Я разгладил смятый на почте листок и зачитал вслух:

ТОЛЬКО ЧТО СВЯЗАЛСЯ СИЛЬВИЕЙ ДОН ГОЛЛИВУДЕ ТЧК ПОКАЗАЛАСЬ БЕЗВРЕДНОЙ АКТРИСА НИКУДЫШНАЯ ТЧК ОБЕСПОКОЕНА МУЖЕМ ТЧК ДУМАЕТ БРОСИЛ ЕЕ ТЧК ОТПРАВИЛСЯ ВОСТОК НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД ТЧК АДРЕСА НЕ ДАЛ ТЧК МУЖ АНГЛИЧАНИН РОДОМ ИЗ ИНДИИ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ВНЕШНОСТЬ НЕБОЛЬШИЕ УСИКИ ТЧК РАБОТЫ В США НЕ ИМЕЛ ТЧК ПРОШЛЫЙ УСПЕХ В АНГЛИИ В РОЛИ ВОСТОЧНОГО ФАКИРА МАХАТМЫ И ЧУДА ВОСТОКА ТЧК ФОКУСНИК ИЛЛЮЗИОНИСТ И ПР ТЧК СЕЙЧАС ТАЛАНТ НЕ В МОДЕ ТЧК ДАЖЕ ТЕБЕ НЕ НУЖЕН ТЧК СИЛЬВИЯ СКАЗАЛА ГОД УЧЕБЫ В МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ КАЛЬКУТТЫ ТЧК ФОТО ВЫСЛАЛА АВИАПОЧТОЙ ТЧК СИЛЬВИЯ УМОЛЯЕТ СООБЩИТЬ ГДЕ ОН ТЧК СКАЖИ ПОСЛЕ ЭТОГО Я ПЛОХОЙ ДРУГ ТЧК ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РЕХНУЛСЯ ВПР

– Подписано: Принс.

Я закончил чтение. Все с величайшим изумлением смотрели теперь на Геддеса. Причем миссис Фогарти первая почуяла неладное и издала предостерегающее восклицание, потому что англичанин внезапно напрягся всем телом, а потом повалился на пол. Это было похоже на его типичный приступ каталепсии, которые я столько раз наблюдал прежде, испытывая к Геддесу огромное сострадание.

– Какое несчастье! – воскликнул я. – Простая телеграмма вызвала новый припадок.

Доктор Стивенс был все-таки врачом до мозга костей, потому что первым склонился над ним, когда вперед подались все. Воцарилась невообразимая суета.

Мне так до конца и не удалось разобраться в том, что произошло дальше. Непостижимым образом Геддес сумел если не снять с себя наручники, то по крайней мере освободить одну руку. С невероятной скоростью и силой он нанес доктору Стивенсу удар металлическими «браслетами», отбросив его чуть ли не в противоположный угол кабинета. А затем в одно мгновение оказался на ногах.

– Остановите его!

Голос капитана прозвучал с невероятной яростью, но мы все еще не успели прийти в себя, чтобы решиться на какие-то действия. С потрясающей легкостью обогнув застывшие фигуры Грина, миссис Фогарти, мисс Браш и Морено, он устремился к двери смотровой комнаты, чтобы вновь воспользоваться открытым окном.

– Остановите же его! – снова выкрикнул капитан.

На этот раз все пришли в движение. Я тоже рванулсЯ вдогонку за беглецом.

– Ну что, снова пустишь в ход свои грязные приемы? – донесся возбужденный голос Уоррена, когда мы дружно вломились в смотровую. У окна две фигуры сцепились в схватке.

– Не стрелять! – отдал Грин распоряжение, прозвучавшее несколько бессмысленно.

На секунду передо мной мелькнуло окровавленное лицо Уоррена, руки которого уже стальным кольцом сомкнулись на Геддесе. При этом Уоррен выглядел как торжествующий победитель в экстазе от своего триумфа над противником.

– Все! Теперь никуда не денется! – задыхаясь, произнес он.

Кларк и двое других полицейских подоспели на подмогу, а втроем им не составило труда прижать извивающееся тело англичанина к полу.

Мы же стояли вокруг, способные лишь немо созерцать эту сцену. Раздавались какие-то бессмысленные уже реплики и восклицания. А потом над всей какофонией громко, отчетливо и спокойно прозвучал голос доктора Ленца:

– Пусть это послужит для нас хорошим уроком, – сказал он. – Когда берешь под арест мага, наручников может оказаться недостаточно.

Государственный эксперт-психиатр приехал и уехал. Грин с подчиненными отправились к себе в участок, забрав с собой Геддеса. В кабинете директора установилась необычная тишина, когда его сотрудники постепенно разошлись по своим рабочим местам. Последними к двери направились доктор Морено и бывшая мисс Браш. Я попросил их ненадолго задержаться.

– Приношу свои извинения, – сказал я, – и одновременно запоздалые поздравления. – Надеюсь, что ваш статус замужней дамы...

– Тсс! Ни слова больше, пожалуйста! – цыкнула на меня мисс Браш, но при этом дружески улыбнулась. – Вы доведете меня до увольнения, мистер Дулут, если проговоритесь кому-нибудь, что я замужем. Между тем это в интересах психиатрии, чтобы я оставалась профессиональной роковой красавицей. Однако, вероятно, не настолько роковой, как решили вы, когда увидели у меня в спальне доктора Морено, а потом получили займы его тапочки.

– Должен признать, что детектив из меня никакой, – сказал я, отвечая на ее улыбку. – Я ведь так и не разгадал загадку таинственных тапочек, хотя решение было у меня под носом. То есть под ногами.

Чета Морено дружно сверкнула на меня ослепительно белыми и почти ненатурально здоровыми зубами.

– И после того, как я невольно обидел вашу жену, Морено, не сумев понять очевидного, – продолжил я приносить извинения, – то лишь усугубил дело, обвинив в убийстве вас самого.

– Психиатрам доводится выслушивать обвинения и почище этого, – добродушно отозвался он. – Впрочем, я не удивлен, что вы посчитали меня человеком, способным на грубое насилие, Дулут. Как я понял, вы стали случайным свидетелем довольно-таки бурных выяснений отношений между мною и моей женой. Вероятно, я слишком ревнив, но мне порой кажется, что она... Словом, что она уж слишком рьяно и серьезно исполняет свои профессиональные обязанности. Даже психиатрам свойственны такие простые человеческие эмоции, как ревность. Особенно если ты женат еще совсем недолго, – добавил он, лаская глазами лицо жены.

Мисс Браш взяла его за руку и повела за собой. Но, конечно же, она не удержалась и напоследок бросила на меня через плечо несколько кокетливый взгляд. Замужем или нет, но мисс Браш навсегда останется мисс Браш, к величайшей услуге своих пациентов. И, возможно, она продолжит выполнять свои профессиональные обязанности самую малость чуть более старательно, чем это необходимо.

Я собирался последовать за ними, но доктор Ленц попросил меня вернуться в свой кабинет. Его бородатое лицо благосклонно мне улыбалось. Жестом, все же выдававшим в нем иностранца, он указал на кресло, в которое я сел.

– Что ж, мистер Дулут, – сказал он негромко, – мне остается радоваться, что в результате двух страшных трагедий произошли хоть какие-то положительные изменения. Но больше всего мне внушает оптимизм ваше выздоровление. Блестящей логикой, продемонстрированной сегодня, вы показали, что ваше мышление полностью освободилось от временного помутнения. И уж простите за грубый комплимент, но вы обладаете острым и развитым интеллектом, то есть тем, чего так не хватает в этом мире.

– Острым и развитым интеллектом, – ответил я немного подавленно, – который заводит тебя слишком далеко, и ты делаешь совершенно неверные выводы. Все в точности как у законченного алкоголика.

– Вовсе нет, мистер Дулут. Ваше мышление достойно человека... э-э-э... Человека, ведущего трезвый образ жизни, – он позволил себе нечто похожее на смех, но лишь в той степени, в какой это позволяло достоинство небожителя. – Вам не следует недооценивать разумности своих рассуждений хотя бы потому, что они практически полностью совпали с моими собственными.

– Да, но это вы указали нам истинного преступника, – возразил я.

– Так-то оно так... – Голос директора вдруг зазвучал не совсем уверенно. – В итоге я действительно пришел к верному решению. Но если начистоту, то вплоть до нынешнего вечера подозревал совершенно другого человека.

– Неужели? – спросил я, внезапно встрепенувшись.

– С самого начала я знал, что мы имеем дело с умственно здоровой, очень талантливой и весьма изобретательной личностью. Боюсь, что на психологические и физические выкрутасы мистера Геддеса я не обращал особого внимания. – Он склонился вперед, словно собирался поделиться секретом, доступным только обитателям Олимпа. – Чувствую, что пора напомнить вам, насколько не в моих правилах доверять пациентам важные вопросы, касающиеся моего заведения. Я сделал для вас исключение, но на основе гораздо более грубого просчета, чем ваш собственный.

– Но кого же вы подозревали в...

– Я не видел другой кандидатуры, кроме вас самого, мистер Дулут.

Мне оставалось лишь изумленно смотреть в эти лукавые серые глаза, совершенно потерянно, как было в ту ночь, когда я сидел в этом же кресле, завернувшись в одеяло мисс Браш.

Но потом до меня постепенно дошла потешная ирония подобной ситуации, и я невольно расхохотался.

– И вы поручили подрывному элементу охоту на самого себя! – воскликнул я, ослабевшим от смеха голосом.

– Могу только извиниться за свою глупую ошибку, мистер Дулут, но, как выяснилось задним числом, она оказалась очень полезна с терапевтической точки зрения. Думаю, что необходимость действовать, проявить активность помогли вам обрести ясность ума. – Директор сделал паузу, поглаживая бороду. – Как ни странно, но теперь я вижу, что все треволения последних дней пошли на пользу и другим моим подопечным. Они стали менее инертны, у них пробудился интерес к тому, что их окружает. И это поистине новый для меня, не изведанный прежде опыт как для психиатра.

– Убийственная терапия, – осмелился пошутить я. – Чем не завлекательный новый девиз для очередного издания рекламных брошюр клиники?

Ленц какое-то время молчал, постукивая серебряным карандашом по краю стола.

– Остается только сожалеть, мистер Дулут, – произнес он потом, – что вы так скоро нас покинете. Но это сожаление – продукт моих личных эмоций. Как профессионалу мне бы следовало только радоваться за вас.

Еще неделю или две назад я бы дорого дал, чтобы услышать от него такие слова. Теперь же они не навевали на меня ничего, кроме грусти.

– Да, все обстоит именно так, – повторил он. – Вы вольны уехать отсюда уже завтра. Но мне хотелось бы попросить вас остаться на некоторое время в качестве моего персонального гостя. Вы любезно согласились помочь мне, а между тем есть еще одно небольшое дело...

– Как? Новый подрывной элемент?

– Нет. Проблема чисто врачебного свойства. У меня находится на лечении человек, которому для полного выздоровления необходимо снова обрести интерес к жизни. И мне показалось, что именно вы способны стимулировать подобный интерес.

Медленно и, как всегда, величаво он поднялся и подошел к двери кабинета. Потом задержался на пороге, и я на секунду подумал, что сейчас он выкинет какой-то фокус, известный со времен Адама. К примеру, достанет из рукава белого кролика.

– Мне бы хотелось, чтобы вы побеседовали с человеком, которого я имею в виду.

А затем легким наклоном головы он как бы попрощался со мной. И пропал.

Я, конечно же, догадался, кого он имел в виду, и эта догадка заставила меня нервничать не меньше, чем в вечер премьеры моего спектакля на Бродвее. Я был взволнован и полон ожиданий, но больше уже ничего не опасался. Дверь снова открылась, и я вскочил на ноги.

– Айрис!

– Питер!

Мы, не двигаясь с места, стояли и смотрели друг на друга. Не знаю, откуда во мне взялась эта уверенность, но я твердо знал, что именно так смотрели друг на друга влюбленные с тех времен, когда эта планета впервые начала свое безумное вращение.

Или в нашем с Айрис случае безумными были только мы с ней?

СОДЕРЖАНИЕ

Петрел Квентин ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ. Перевод И. Моничева	5
Джонатан Статге АЛЫЙ КРУГ. Перевод И. Моничева	239
Этсон Баучер СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ. Перевод Н. Анастасьева	469

КЛАССИЧЕСКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Патрик Квентин — коллективный псевдоним, под которым классик американского детектива Ричард Уилсон Уэбб работал в соавторстве с различными писателями. Но настоящая известность пришла к Патрику Квентину, когда Уэбб стал работать с эмигрировавшим в США англичанином Хью Уилером. Под этим псевдонимом они издали серию о сыщике-любителе Питере Дулуте, а как Джонатан Стагге выступили с книгами о докторе Хью Уэстлейке.

Энтони Баучер — псевдоним американского издателя, переводчика и писателя-фантаста Уильяма Энтони Паркера Уайта, двукратного лауреата премии «Хьюго». Его детективы пользовались огромной популярностью, а в 1970 году его именем была названа премия, которая ежегодно вручается за лучшие произведения в этом жанре.

«Головоломка для дураков»

В частной лечебнице для душевнобольных совершено два изощренных убийства. Первой жертвой стал обычный санитар, а второй — магнат с Уолл-стрит Дэниел Лариби. Но есть ли связь между этими преступлениями, первое из которых не было выгодно совершенно никому, а второе — слишком многим? Полиция в растерянности. И тогда скучающий в клинике известный режиссер Питер Дулут начинает собственное расследование...

«Алый круг»

В курортном городке на атлантическом побережье жестоко убиты три женщины, и на теле каждой алой помадой нарисован круг. Неужели в тихом провинциальном местечке появился маньяк? Полиция убеждена именно в этом. Но доктор Хью Уэстлейк, ведущий частное расследование, уверен: преступник водит полицейских за нос и на самом деле его действия далеки от безумной жадности крови...

«Семеро с Голгофы»

В студенческом городке Калифорнийского университета совершено два загадочных убийства. Жертвами стали преподаватель истории и швейцарец, ездивший с лекционным турне по США. Что заставило преступника выбрать именно их? И что символизируют оставленные на телах таинственные послания? Полицейские теряются в догадках. И тогда за дело берутся профессор санскрита доктор Эшвин и молодой аспирант Мартин Лэм...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-079126-2

9 785170 791262